

ВЕСТНИК ИНСТИТУТА ПРАВА Башкирского государственного университета

Сетевой научный журнал

№2 2024

Учредитель

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Издатель

ФГБОУ ВО «Уфимский университет науки и технологий»

Редакционный совет журнала:

Председатель редакционного совета

И.А. Макаренко

доктор юридических наук, профессор, проректор Уфимского университета науки и технологий по образовательной деятельности, заведующая кафедрой криминалистики (Уфа).

Заместитель председателя редакционного совета

А.Б. Галимханов

кандидат юридических наук, председатель Центральной избирательной комиссии Республики Башкортостан, доцент кафедры криминалистики (Уфа).

Члены редакционного совета:

С.Ж. Айдарбаев

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры международного права Казахского национального университета им. аль-Фараби (Алматы, Республика Казахстан);

Н.Н. Арзамаскин

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории и истории государства и права Ульяновского государственного университета (Ульяновск);

М.М. Бринчук

заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, заведующий сектором эколого-правовых исследований ИГП РАН, Институт государства и права РАН (Москва);

Т.И. Макарова

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой экологического и аграрного права Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь);

А.В. Варданын

заслуженный деятель науки Российской Федерации, доктор юридических наук, профессор, начальник кафедры криминалистики и оперативно-разыскной деятельности ФГКОУ ВО РЮИ МВД России (Ростов-на-Дону);

Е.Л. Васянина

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой финансового права Санкт-Петербургского государственного экономического университета (Санкт-Петербург);

Н.Д. Вершило

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры земельного и экологического права Российского государственного университета правосудия (Москва);

Р.Х. Гизатуллин

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой экологического и трудового права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Р.Ш. Давлетгильдеев

доктор юридических наук, доцент, заведующий кафедрой теории и истории государства и права, профессор кафедры международного и европейского права Казанского (Приволжского) федерального университета (Казань);

Р.И. Зайнуллин

доктор юридических наук, доцент, доцент кафедры криминалистики, директор Института права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

М.Б. Кострова

кандидат юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса, Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

А.Н. Кузбагаров

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры гражданского права Северо-Западного филиала Российского государственного университета правосудия (Санкт-Петербург);

Д.А. Литинский

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой теории государства и права Тольяттинского государственного университета (Тольятти);

М.В. Мещанова

доктор юридических наук, доцент, заведующая кафедрой гражданского права Юридического института Белорусского государственного университета (Минск, Республика Беларусь);

С.Ю. Морозов

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Ульяновского государственного университета (Ульяновск);

Р.В. Нигматуллин

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой международного и интеграционного права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

К.К. Сейтенов

доктор юридических наук, профессор, первый проректор Академии правоохранительных органов при Генеральной прокуратуре Республики Казахстан (Косшы, Республика Казахстан);

А.П. Семитко

доктор юридических наук, профессор, декан юридического факультета Гуманитарного университета (Екатеринбург);

А.А. Тарасов

доктор юридических наук, профессор, заведующий кафедрой уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Ш.В. Тлепина

доктор юридических наук, профессор Евразийского национального университета им. Л.Н. Гумилёва (Нур-Султан, Республика Казахстан);

Е.М. Тужилова-Орданская

доктор юридических наук, профессор, заведующая кафедрой гражданского права Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

Р.М. Усманова

доктор юридических наук, доцент, декан юридического факультета Стерлитамакского филиала Уфимского университета науки и технологий (Стерлитамак);

А.Р. Шарипова

доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры уголовного права и процесса Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

А.А. Эксархопуло

доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий (Уфа);

З.А. Юсупова

кандидат филологических наук, доцент кафедры международного и интеграционного права Уфимского университета науки и технологий (Уфа).

Редакционная коллегия**Главный редактор**

Ф.Г. Аминев, доктор юридических наук, доцент, профессор кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий.

Ответственный секретарь

Р.Р. Галяутдинов, кандидат юридических наук, доцент кафедры криминалистики Уфимского университета науки и технологий.

Выпускающий редактор

О.И. Макова, начальник Научно-инновационного центра Института права.

Редактор англоязычных текстов

Н.М. Мухаметгареева, кандидат филологических наук, старший преподаватель кафедры международного и интеграционного права.

Электронная почта редакции vest-law@yandex.ru; тел. (347)228-90-30.

Выписка из реестра зарегистрированных СМИ:

Зарегистрирован Федеральной службой по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

ЭЛ № ФС 77-72664 от 16.04.2018 г.

СОДЕРЖАНИЕ

Колонка главного редактора	10
---	-----------

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

Лифанова М.В.

Юридическое образование в России глазами студентов: тренды и проблемы развития	11
---	----

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС

Авдонин В.А.

Проблемы собирания и представления доказательств адвокатом-защитником на стадии предварительного расследования	20
---	----

Васильева Л.Г.

Некоторые особенности рассмотрения судами уголовных дел о взяточничестве в системе высшего образования	29
---	----

Джамиев М.Р.

Наиболее спорные вопросы досудебного производства по уголовным делам, определяющие основные направления его реформирования	38
--	----

Ежова Е.В.

Объективность суда при осуществлении контроля за производством предварительного расследования	50
--	----

Исмаилов М.С.А.

Правовая природа задержания как меры уголовно-процессуального принуждения	57
--	----

Латыпов В.С.

Размышления о возможных векторах развития института приостановления предварительного расследования	64
---	----

Папышева Е.С.

Статус прокурора: процесс эволюции или инволюции? 75

Романова Г.В.

Значение электронных доказательств в уголовном судопроизводстве 84

Свяженина А.А.

Создание основ российского ювенального уголовного правосудия
по опыту швейцарского законодательства 94

Ситдикова Г.З.

Интерес как основа legal-комплаенса в уголовно-правовой сфере 103

Тарасов А.А.

«Народный элемент» в правосудии: мировые тенденции
и национальные особенности 111

Цыцюра М.П.

Процессуальные особенности расследования должностных
преступлений коррупционной направленности 124

Шарипова А.Р.

О гипотетических особенностях правосудия по уголовным делам 134

КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ, ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

Акиев А.Р.

Криминалистическое прогнозирование преступлений
против семьи и несовершеннолетних (значение, задачи, субъекты) 141

Дударев В.А.

Проверка полученной информации от несовершеннолетних
после проведения их допроса 150

Кисленко С.Л.

Основы криминалистической методики расследования
насилованных действий сексуального характера
в отношении несовершеннолетних 160

Попова Е.И.

Концепция криминалистического обеспечения прав потерпевших – важное направление развития науки	171
--	-----

Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University

№ 2 (22)

2024

Published since 2018
Issued four per year

Founder

FSFEI HE «Ufa University of Science and Technologies»

Publisher

FSFEI HE «Ufa University of Science and Technologies»

EDITORIAL COUNCIL:

Head of Council:

I.A. Makarenko

Doctor of Law, Professor, Vice-Rector for Academic Work, Head of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technologies (Ufa).

Deputy Head of Council:

A.B. Galimkhanov

Candidate of Sciences (Law), Central Election Commission Chairman, Assistant Professor of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technologies (Ufa).

Editorial council members:

S.Zh. Aidarbayev

Doctor of Law, Professor of the Chair of International Law, Al-Farabi Kazakh National University (Almaty, Republic of Kazakhstan);

N.N. Arzamaskin

Doctor of Laws, Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

M.M. Brinchuk

Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Sector of Environmental Legal Studies, Institute of State and Law, Russian Academy of Sciences (Moscow);

A.V. Vardanyan

Honoured Scientist of the Russian Federation, Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Criminalistics and Operative Search Activity, Rostov Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation (Rostov);

R.V. Nigmatullin

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of International and Integration Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

E.L. Vasyanina

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Financial Law, St. Petersburg State University of Economics (Saint Petersburg);

N.D. Vershilo

Doctor of Law, Associate Professor, Professor of the Chair of Land and Environmental Law, Russian State University of Justice (Moscow);

R.Kh. Gizzatullin

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Financial and Environmental Law, Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

R.S. Davletgildeev

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Theory and History of State and Law, Professor of the Chair of International and European Law, Kazan (Volga region) Federal University (Kazan);

R.I. Zaynullin

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Institute of Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

M.B. Kostrova

Candidate of Sciences (Law), Associate Professor, Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure Law Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

A.N. Kuzbagarov

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of Civil Law, North-West Branch, Russian State University of Justice (Saint Petersburg);

D.A. Lipinsky

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Theory of State and Law, Tolyatti State University (Tolyatti);

T.I. Makarova

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Environmental and Agricultural Law, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus);

M.V. Meshchanova

Doctor of Law, Associate Professor, Head of the Chair of Civil Law, Law Institute, Belarusian State University (Minsk, Republic of Belarus)

S.Y. Morozov

Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty, Ulyanovsk State University (Ulyanovsk);

K.K. Seitenov

Doctor of Law, Professor, First Vice-Chancellor,
Law Enforcement Academy under the
Prosecutor General's Office of the Republic of
Kazakhstan (Kosshy, Republic of Kazakhstan);

A.P. Semitko

Doctor of Law, Professor, Dean of the Law Faculty,
Humanities University (Yekaterinburg);

A.Al. Tarasov

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of
Criminal Law and Procedure Ufa University of
Science and Technologies (Ufa);

S.V. Tlepina

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of
International Law, L.N. Gumilyov Eurasian National
University (Astana, Republic of Kazakhstan);

E.M. Tuzhilova-Ordanskaya

Doctor of Law, Professor, Head of the Chair of Civil
Law Ufa University of Science and Technologies
(Ufa);

A.R. Sharipova

Doctor of Law, Associate Professor, Professor
of the Chair of Criminal Law and Procedure Law
Ufa University of Science and Technologies (Ufa);

R.M. Usmanova

Doctor of Law, Associate Professor, Dean of the Law
Faculty, Sterlitamak Branch, Ufa University of Science
and Technology (Sterlitamak);

A.A. Eksarhopulo

Doctor of Law, Professor, Professor of the Chair of
Criminalistics Ufa University of Science and
Technologies (Ufa);

Z.A. Yusupova

Candidate of Sciences (Philology), Associate Professor,
Assistant Professor of the Chair of International and
Integration Law Ufa University of Science and Tech-
nologies (Ufa)

Editorial Board**Editor-in-Chief**

F.G. Aminev Doctor of Law, Associate Professor, Professor of
the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technologies.

Executive Secretary

R.R. Galyautdinov Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor
of the Chair of Criminalistics, Ufa University of Science and Technologies.

Executive Editor**Olga I. Makova**

Head of Science and Innovation Campus of the Institute of Law.

English Texts Editor**Natalya M. Mukhametgareeva**

Candidate of Sciences (Philology), Assistant Professor of the Chair of International and Integration Law.

Technical Editor**Alexandra V. Babenkova**

E-mail vest-law@yandex.ru;

Tel.: (347)228-90-30

The Journal is registered in the Federal Service for Supervision in the Sphere of Communication,
Information Technology and Mass Communications Registration Certificate
ЭЛ № ФС 77-72664 of April 16, 2018

CONTENTS

Editor-in-chief's Column	10
---------------------------------------	-----------

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Lifanova M.V.

Legal Education in Russia from the Students' Point of View: Trends and Development Challenges.....	11
---	----

CRIMINAL PROCEEDING

Avdonin V.A.

Problems of Collecting and Presenting Evidence by a Defence Lawyer during the Preliminary Investigation	20
--	----

Vasilieva L.G.

On Court Consideration of Criminal Bribery Cases in Higher Education	29
--	----

Dzhamiev M.R.

The Most Controversial Issues of Pre-Trial Procedure in Criminal Cases, Determining the Main Directions of Its Reform	38
--	----

Yezhova E.V.

Objectivity of the Court in Supervising the Preliminary Investigation.....	50
--	----

Ismailov M.S.A.

The Detention Legal Nature as a Measure of Criminal Procedure Compulsion.....	57
--	----

Latypov V.S.

Reflections on Possible Vectors of the Institution of Preliminary Investigation Suspension Development.....	64
--	----

Papysheva E.S.

The Status of the Prosecutor: a Process of Evolution or Involution?	75
---	----

Romanova G.V.

The Importance of Digital Evidence in Criminal Procedure 84

Svyazhenina A.A.

Creating a Framework for Russian Juvenile Criminal Justice Based
on Swiss Experience 94

Sitdikova G.Z.

Interest as the Basis for Legal-Compliance in the Criminal Sphere 103

Tarasov A.A.

«People's Element» in Justice: World Trends and National Peculiarities..... 111

Tsytsiura M.P.

Procedural Features of the Crimes Investigation
of Corruption-Related Officials..... 124

Sharipova A.R.

On Hypothetical Features of Criminal Justice..... 134

CRIMINALISTICS; FORENSIC EXPERT ACTIVITY; OPERATIONAL INVESTIGATIONS

Akiev A.R.

Forensics of Crimes against the Family and Minors
(Meaning, Objective, Subjects)..... 141

Dudarev V.A.

Verifying Information Obtained from Minors after Questioning 150

Kislenko S.L.

Principles of Forensic Investigation of Sexual Violence against Minors 160

Popova E.I.

The Concept of Victims' Rights Forensic Protection as an Important Area
of Scientific Development 171

КОЛОНКА ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА**EDITOR-IN-CHIEF'S COLUMN**

Уважаемые читатели!

«Вестник Института права Башкирского государственного университета» – молодое издание. Идея его основания принадлежит доктору юридических наук, профессору Илоне Анатольевне Макаренко, возглавлявшей тогда Институт права. Журнал замысливался как научное издание для преподавателей нашего института, которые могли бы бесплатно публиковать результаты своих научных исследований для выполнения ими требований эффективного контракта. Вся работа, связанная с регистрацией журнала, была осуществлена заместителем директора Института права по научной работе доктором юридических наук Русланом Ильдаровичем Зайнуллиным, он же стал первым главным редактором и предложил сделать журнал открытым для коллег из других вузов.

После перехода Р.И. Зайнуллина на должность директора Института права журнал возглавил доктор юридических наук Фарит Хатипович Галиев. Под его руководством сложился основной костяк наших авторов – тех, кто многие годы сотрудничал с нами и благодаря кому нам удалось вывести журнал на новый уровень: кандидат юридических наук, доцент кафедры истории государства и права Санкт-Петербургского университета МВД России Алексей Леонидович Бредихин, доктор исторических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Института права Рахимьян Галимьянович Юсупов, доктор юридических наук, профессор, профессор кафедры теории государства и права Института права Анатолий Николаевич Тимонин, доктор юридических наук, профессор заведующий кафедрой уголовного права и процесса Института права Александр Алексеевич Тарасов, доктор юридических наук, доцент профессор кафедры уголовного права и процесса Института права Алия Рашитовна Шарипова, кандидат юридических наук, доцент, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права Елена Владимировна Ежова и др.

20 февраля 2024 г. журнал включен в перечень рецензируемых научных изданий, в которых должны быть опубликованы основные научные результаты диссертаций на соискание ученой степени кандидата наук, на соискание ученой степени доктора наук. Этот номер – первый в новом статусе. В нем опубликованы доклады, прочитанные на круглом столе «Юридическая наука и юридическое образование в России и во Франции», прошедшем в Институте права с участием доктора юридических наук, профессора, заведующего кафедрой уголовного процесса, правосудия и прокурорского надзора МГУ им. М.В. Ломоносова Леонида Витальевича Головки и доктора публичного права, ассоциированного профессора МГУ им. М.В. Ломоносова Карин Беше-Головки, а также на Международной научно-практической конференции «Криминалистические проблемы эффективности борьбы с преступностью и иными правонарушениями среди молодежи», посвященной 100-летию со дня рождения заслуженного деятеля науки Российской Федерации и Республики Башкортостан, доктора юридических наук, профессора Льва Львовича Каневского.

*Главный редактор
доктор юридических наук, профессор
Аминев Фарит Гизарович*

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ИСТОРИЯ УЧЕНИЙ О ПРАВЕ И ГОСУДАРСТВЕ

THEORY AND HISTORY OF STATE; HISTORY OF DOCTRINE OF STATE AND LAW

Научная статья

УДК 378.14

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.1

Лифанова Марина Владиславовна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

Lifanova2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6944-8338>

ЮРИДИЧЕСКОЕ ОБРАЗОВАНИЕ В РОССИИ ГЛАЗАМИ СТУДЕНТОВ: ТРЕНДЫ И ПРОБЛЕМЫ РАЗВИТИЯ

Аннотация. Совершенствование высшего юридического образования является важнейшей задачей Российской Федерации на современном этапе. Решение проблем, поставленных перед юристами, требует высокого уровня профессионализма и компетентности, поскольку от этих решений зачастую зависят судьбы людей. Между тем современное высшее юридическое образование в России характеризуется определенными негативными тенденциями. Цель: анализ проблем современного высшего юридического образования в России и разработка на этой основе отдельных рекомендаций по его совершенствованию. Методы: диалектический, системно-структурный, формально-юридический, социологический (по специально разработанной анкете было проанкетировано 50 студентов бакалавриата и специалитета, обучающихся в Институте права УУНиТ по направлениям «Юриспруденция» и «Обеспечение национальной безопасности»), а также методы эмпирического исследования. Результаты: определены отдельные направления совершенствования современного высшего юридического образования в Российской Федерации: его индивидуализация, связь с практикой, направленность обучения на формирование у студента интереса к изучаемым дисциплинам и желания самообучаться.

Ключевые слова: высшее юридическое образование, тенденции высшего юридического образования, подготовка юристов, качество образования

Для цитирования: Лифанова М.В. Юридическое образование в России глазами студентов: тренды и проблемы развития / М.В. Лифанова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.1 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 11–19.

Original article

Lifanova Marina Vladislavovna

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,

Lifanova2009@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6944-8338>

LEGAL EDUCATION IN RUSSIA FROM THE STUDENTS' POINT OF VIEW: TRENDS AND DEVELOPMENT CHALLENGES

Abstract. The improvement of higher legal education is the most important task of the Russian Federation at the present stage. Solving the problems faced by lawyers required a high level of professionalism and competence, since people's lives often depended on those solutions. At the same time, modern higher legal education in Russia is characterised by certain negative trends. Purpose: to analyse the problems of modern higher legal education in Russia and develop on this basis separate recommendations for its development and improvement. Methods: the research is based on dialectical, system-structural, formal-legal, sociological methods, as well as an empirical method (50 students studying at the Institute of Law in the field of «Jurisprudence» and «National Security» were questioned using a specially designed questionnaire). Results: the study allowed us to identify certain areas of modern higher legal education improvement in the Russian Federation, in particular its individualisation, links with practice and the focus of education on the formation of student interest in the disciplines studied and the desire to self-study.

Keywords: higher legal education, trends in higher legal education, training of lawyers, quality of education

For citation: Lifanova M.V. Legal Education in Russia from the Students' Point of View: Trends and Development Challenges. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2, pp. 11–19. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.1.

Введение. На современном этапе развития высшее юридическое образование в России, по мнению многих специалистов, «находится в состоянии

перманентного кризиса и требует глубоких структурных реформ» [1, с. 5]. Если исходить из того, что целью юридического образования является подготовка профессиональных юристов, то есть специалистов, способных осуществлять деятельность по обеспечению безопасности граждан, общества и государства, выявлению, раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений и правонарушений, охране общественного порядка, оказанию помощи гражданам и юридическим лицам в осуществлении и защите их законных прав и интересов, то юридическое образование должно быть комплексным, позволяющим подготовить молодого специалиста к деятельности в любой правовой сфере.

Проблемы развития высшего образования в Российской Федерации на современном этапе. Подготовка юристов в системе высшего образования всегда имела специфический характер, поскольку сама профессия юриста требует сочетания теоретической и практической подготовки, разносторонних знаний, не ограниченных только правом. Это существенно определяет процесс обучения будущих юристов, которые должны обладать навыками юридической квалификации конкретных ситуаций, принятия процессуальных решений, работы в коллективе (команде), а также навыками общения, в том числе в конфликтных ситуациях, убеждения оппонентов и публичных выступлений. В современном мире невозможно обучение юристов вне цифровых технологий, которые облегчают этот труд и делают его более эффективным. Юридическое образование должно быть качественным и в определенном смысле элитарным, поскольку от действий юристов зависят человеческие судьбы. Уникальность профессии юриста заключается также и в том, что лица, имеющие высшее юридическое образование, востребованы в смежных с юриспруденцией сферах – нередко они становятся эффективными управленцами и политиками.

Основной проблемой современного юридического образования в России является его качество. Как следует из п. 29 ст. 2 Федерального закона от 29 декабря 2012 г. «Об образовании в Российской Федерации», качество образования – «комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки обучающегося, выражающая степень их соответствия федеральным государственным образовательным стандартам, образовательным стандартам, федеральным государственным требованиям и (или) потребностям физического или юридического лица, в интересах которого осуществляется образовательная деятельность, в том числе степень достижения планируемых результатов образовательной программы»¹. Таким образом, качество

¹ Об образовании в Российской Федерации : Федеральный закон от 29.12.2012 № 273-ФЗ (с изм. и доп. от 01.05.2024) [Электронный ресурс] // Офиц. интернет-портал правовой информации. URL: <http://pravo.gov.ru/proxy/ips/?docbody=&nd=102162745> (дата обращения: 28.04.2024).

образования – комплексный параметр, рассматриваемый как соответствие достигнутого уровня профессиональных знаний, умений и навыков потребностям личности и общества, оцениваемый через сформированность компетенций и профессионально значимых личностных качеств [2, с. 23].

К факторам, влияющим на качество юридического образования, как нам представляется, можно отнести следующие.

1. Юридическое образование становится массовым, что, бесспорно, снижает планку требований к будущим юристам. Юрист в советском вузе всегда был «штучным товаром». Сейчас же обучение поставлено на поток, в результате в юридические вузы поступают не вполне мотивированные абитуриенты, не готовые к ежедневному обучению как сложному, не всегда интересному, но необходимому труду. Из числа опрошенных нами студентов первого и второго курсов 12 % указали, что поступили в юридический вуз по выбору своих родителей. Еще 6 % отметили, что не задумывались о выборе вуза. Получается, что примерно каждый пятый (18 %) обучающийся выбрал юридическую профессию не по собственному желанию и без учета своих склонностей и стремлений.

2. Преподаватели юридических вузов указывают на слабый и постоянно снижающийся уровень предшествующего образования абитуриентов¹. Это означает, что современные школы не готовят своих выпускников к получению образования в высших учебных заведениях, а нацелены исключительно на успешную сдачу ими ЕГЭ. Выпускники школ, поступившие на первый курс, испытывают трудности при работе с текстами учебников и законов, некоторые не способны к логическому анализу, а иногда и не в состоянии просто пересказать прочитанное. Обучение таких студентов должно быть иным, предполагать реструктуризацию наполнения и способов юридического образования в высшей школе, соответственно, требования к студентам-первокурсникам должны быть снижены, а не справившихся даже с пониженными требованиями должно ждать отчисление.

3. Нехватка педагогических кадров, способных в изменяющихся условиях эффективно обучать будущих юристов, что особенно сложно при несоответствии педагогической и иной нагрузки преподавателя юридического вуза уровню оплаты труда. Преподаватели юридических вузов должны быть высококлассными юристами, но поскольку заработная плата преподавателя несопоставима с доходами и будущим пенсионным обеспечением практикующего юриста (судьи, прокурора, адвоката и пр.), лучшие педагогические кадры «уходят» в практику. И это, по нашему мнению, одна из серьезных

¹ Садовничий В. Уровень подготовки абитуриентов снижается [Электронный ресурс]. URL: <https://edu.ru/news/education/uroven-podgotovki-abiturientov-snizhaetsya--sadvn/> (дата обращения: 28.04.2024).

проблем российской высшей школы, которая требует немедленного реагирования со стороны государства.

В результате действия всех рассмотренных и некоторых иных факторов качество обучения будущих юристов снижается, тогда как к качеству выпускников юридических вузов должны предъявляться самые строгие требования. В противном случае возможны негативные социально-экономические последствия для общества и государства.

Если исходить из того, что образование – это процесс формирования способностей личности, то юридическое образование следует понимать как процесс обучения личности, посредством которого формируются знания, умения, навыки, а также ценностные установки и опыт деятельности, необходимый для выполнения обязанностей юриста.

В плане обеспечения качества образования важны применяемые методики и способы обучения студентов.

Учебный процесс в российских вузах «традиционно основан на проведении лекционных и практических (семинарских) занятий. Привычными видами аудиторных занятий являются информационная лекция, обзорная лекция, проблемная лекция, лекция-дискуссия, лекция-визуализация и лекция с заранее запланированными ошибками» [3, с. 84]. Эти формы аудиторных занятий апробированы многолетней практикой и в совокупности позволяют донести до студентов основное содержание изучаемой дисциплины, то есть изложить основные темы курса, соответствующие им понятия и проблемы. Закрепление полученных знаний осуществляется в ходе семинарских или практических занятий.

Традиционные формы обучения одобряют и студенты. Так, 60 % опрошенных указали на классическую форму обучения как на наиболее для них полезную.

Однако традиционные формы обучения имеют отдельные недостатки. Лекция в вузе в ее классическом виде сводится к передаче информации от преподавателя студентам. Со стороны студентов при этом требуется только восприятие лекционного материала и его конспектирование, анализ же получаемых сведений и их оценка, переосмысление, сопоставление с иными сведениями не нужны. И если изначально лекция предполагала, что студент слушает материал, самостоятельно выбирает и записывает главное, то есть оценивает информацию и творчески ее перерабатывает, то многие современные студенты неспособны проделать эту работу в соответствии с темпом речи лектора. В результате, как показывает практика, лекционное занятие во многом сводится к диктанту, когда преподаватель вынужден медленно проговаривать определения, классификации и прочий материал, поскольку обучающиеся не успевают сделать необходимые записи. При наличии огромно-

го массива доступной информации по любому правовому предмету (электронно-библиотечные, справочно-правовые системы, базы судебной практики) такой вид занятий становится неинтересным для успевающих студентов, то есть тех обучающихся, кто готов работать самостоятельно. В результате модель обучения, в которой главным становится механическое фиксирование текста лекции в конспектах, его запоминание и последующий пересказ во время экзамена полученных на практическом занятии сведений формируется большинством «средних» студентов. И это вполне понятно, поскольку самостоятельная работа, направленная на поиск и анализ информации, требует серьезных усилий, времени и желания. Обучающемуся подчас проще взять за основу лекционный материал и этим ограничиться. Такое обучение, как мы понимаем, весьма неэффективно, убивает у студентов желание творчески к нему относиться. Следует признать, что есть еще и третья группа обучающихся, искренне полагающих, что ближе к экзамену они найдут всю необходимую информацию в Интернете и сумеют подготовиться самостоятельно. Такие студенты лекции пропускают, не видят в них ничего для себя полезного.

Также отметим, что обучающиеся отличаются не только по степени мотивированности, но и по степени интеллектуальной подготовленности. В результате во время лекционного занятия одни успевают справиться с поставленной задачей, понять излагаемый лектором материал и творчески его осмыслить, а другие в состоянии только законспектировать диктуемую информацию. Преподаватель, особенно в условиях поточной лекции, не может обеспечить индивидуализацию процесса обучения. Ситуация может быть исправлена за счет использования презентационных материалов, наглядно позволяющих показать обучающимся сущность рассматриваемой проблемы и пути ее решения. Отметим также, что усложняют ситуацию такие факторы, как ограниченность аудиторного времени, загруженность преподавателя и нежелание отдельной категории студентов активно участвовать в дискуссиях, выполнении разнообразных заданий и решении задач.

Применительно к практическим и семинарским занятиям также возникает несколько серьезных проблем, главная из которых – необходимость сочетать формирование теоретических знаний и практических умений и навыков у будущих юристов. Неслучайно опрошенные нами студенты Института права УУНиТ указали в качестве наиболее эффективных методов обучения деловые игры (62 % опрошенных), под которыми подразумеваются инсценировки следственных действий, судебных заседаний и пр. Так же высоко студенты оценили подготовку собственных проектов, на их полезность указали 26 % опрошенных обучающихся.

Заключение. Не претендуя на исчерпывающее исследование поставленной проблемы, нам хотелось бы предложить некоторые направления ее преодоления.

1. Мы полагаем, что в современном юридическом вузе ставку необходимо делать на индивидуализацию обучения. Реализация этого принципа предполагает ориентированность на способности конкретного обучающегося и особенности его личности. Это означает необходимость дополнения традиционных форм обучения теми, которые позволяют в большей мере учесть индивидуальные особенности обучающихся и предложить им больше свободы в организации самостоятельной образовательной деятельности. Полагаем, что одним из таких приемов могло бы стать использование в разумных пределах дистанционных технологий обучения. В любом случае дистанционное обучение – это только одна из возможных форм, а конкретные методики должны избираться преподавателем с учетом личностных характеристик конкретных обучающихся и учебных групп.

2. В современном юридическом вузе необходимо исходить из взаимосвязи теории и практики в обучении будущих юристов. Обучающиеся должны не просто осваивать теоретические аспекты права, но и получать вполне конкретные умения и навыки, касающиеся будущей профессии. Это умения и навыки принятия обоснованных процессуальных решений и составления процессуальных документов, проведения процессуальных действий, психологические, коммуникативные и многие другие навыки. Особо следует подчеркнуть необходимость формирования у современных студентов цифровых компетенций и умений пользоваться современными информационными и правовыми базами. Без таких навыков юрист не может быть востребованным на рынке труда и эффективным.

3. Еще одним, по нашему мнению, важным направлением следует признать направленность обучения на формирование у студента интереса к изучаемым дисциплинам и желания самообучаться. Без интереса к дисциплине, понимания ее практической важности и значения в профессиональной деятельности юриста эффективное обучение невозможно. Именно интерес подталкивает студента к самостоятельной работе, поиску дополнительной информации, работе с судебной практикой.

4. Следует нормализовать нагрузку преподавателей, которым в связи с огромным количеством учебно-методической и отчетной документации бывает просто некогда заниматься самой важной частью своей работы – обучением. Нагрузка преподавателей должна быть обоснованной и учитывать необходимость знакомства преподавателя с новыми научными разработками, с новым законодательством и т. п. Следует помнить, что качество обучения зависит от качества работы преподавателей, следовательно, необходи-

мо создавать все условия для этой работы. Разработка РПД, ФОС и прочей подобной документации не должна доминировать в структуре преподавательской деятельности.

В заключение отметим, что классические методы преподавания в разумном сочетании с современными инновационными методиками позволят преподавателю юридического вуза эффективно реализовать принцип индивидуализации обучения как базовый принцип современного образования и достичь положительных результатов при обучении студентов-юристов.

Список источников

1. Васильев А.А. Высшее юридическое образование в России: некоторые современные тенденции, проблемы и перспективы развития / А.А. Васильев, Е.А. Куликов, Д. Шпоппер // Российско-азиатский правовой журнал. – 2019. – № 1. – С. 4–13.
2. Авдашкин А.А. Подходы к определению понятия «качество образования» / А.А. Авдашкин, А.А. Пасс // Научно-методическое обеспечение оценки качества образования. – 2018. – № 2 (5). – С. 21–26.
3. Лифанова М.В. Проблемы преподавания уголовного права в современном вузе / М.В. Лифанова // Современное состояние и перспективы развития юридического образования : материалы Всероссийской научно-практической конференции, посвященной 70-летию юридического образования в Республике Башкортостан (Уфа, 12 декабря 2019 г.) / отв. ред. И.А. Макаренко. – Уфа : РИЦ БашГУ, 2019. – С. 82–88.

References

1. Vasiliev A.A., Kulikov E.A., Shpopper D. Higher Legal Education in Russia: Some Current Trends, Problems and Development Prospects. *Rossijsko-aziatskij pravovoj zhurnal = Russian-Asian Legal Journal*, 2019, no. 1, pp. 4–13. (In Russian).
2. Avdashkin A.A., Pass A.A. Approaches to the Definition of «Quality of Education». *Nauchno-metodicheskoe obespechenie ocenki kachestva obrazovaniya = Scientific and Methodological Support of Education Quality Assessment*, 2018, no. 2 (5), pp. 21–26. (In Russian).
3. Lifanova M.V. Problems of Teaching Criminal Law in a Modern University. In Makarenko I.A. (ed.). Current State and Prospects for the Development of Legal Education. Materials of the All-Russian Scientific and Practical Conference Dedicated to the 70th Anniversary of Legal Education in the Republic of Bashkortostan (Ufa, December 12, 2019). Bashkir State University Publ., 2019, pp. 82–88. (In Russian).

Информация об авторе

Лифанова Марина Владиславовна –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
и процесса Института права

Information about the Author

Lifanova Marina Vladislavovna –
Candidate of Sciences (Law), Assistant
Professor of the Chair of Criminal Law
and Procedure, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 03.05.2024; одобрена после рецензирования 06.06.2024; принята к публикации 06.06.2024.

The article was submitted 03.05.2024; approved after reviewing 06.06.2024; accepted for publication 06.06.2024.

УГОЛОВНЫЙ ПРОЦЕСС**CRIMINAL PROCEEDING**

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.2

Авдонин Владимир Александрович

Уральский государственный юридический университет им. В.Ф. Яковлева,
Екатеринбург, Россия, v.a.avdonin@yandex.ru

**ПРОБЛЕМЫ СОБИРАНИЯ И ПРЕДСТАВЛЕНИЯ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ
АДВОКАТОМ-ЗАЩИТНИКОМ НА СТАДИИ
ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ**

Аннотация. В статье рассматривается правовое положение адвоката-защитника при его участии в процессе доказывания, в особенности на стадии предварительного расследования. Доказательственная деятельность адвоката в досудебном производстве крайне ограничена: предусмотрен закрытый перечень собирательных правомочий, защитник не участвует в проверке и оценке доказательств, как государственно-властные субъекты, в чьем производстве находится уголовное дело. Поднимаются актуальные проблемы собирания и представления доказательств, предлагаются законодательные пути их решения. В части полученных адвокатом предметов и документов основным препятствием для включения их в доказательственную базу уголовного дела является «фильтр» стороны обвинения, которая и принимает властное решение по своему усмотрению о допустимости и относимости представленных адвокатом материалов. Кроме того, отсутствие законодательного закрепления возможности использования технических средств в доказательственной деятельности на практике выступает не в пользу стороны защиты. Относительно опроса лица с его согласия можно отметить, что данное мероприятие не получило процессуальной регламентации, чаще всего считается формальным и малоэффективным, поскольку не обладает юридической силой допроса, а служит лишь основанием для производства дальнейших следственных действий, результат которых часто отличается от первоначального, как правило, в пользу обвинения. Адвокатский запрос сведений из различных инстанций порой игнорируется по формальным ос-

нованиям, что недопустимо при осуществлении своевременной правовой помощи. Отмечено, что адвокат-защитник должен активно участвовать в процессе доказывания с самых ранних стадий уголовного судопроизводства. Сделан вывод о том, что, несмотря на расширение прав адвокатов и демократизацию положения защитника в уголовно-процессуальном доказывании, фактически адвокатская деятельность слабо урегулирована процессуальным законодательством, отсутствуют правовые гарантии ее осуществления, чаще всего она носит непроцессуальный характер. Методологическая основа исследования представлена комплексом различных приемов и методов познания – общенаучных (анализ и синтез, индукция и дедукция) и частнонаучных (формально-юридический, сравнительно-правовой, историко-правовой), – использованных автором комплексно.

Ключевые слова: адвокат-защитник, досудебное производство, состязательность, процесс доказывания, бремя доказывания, собирание доказательств, проверка доказательств, оценка доказательств, свойство допустимости доказательств, опрос адвокатом, адвокатский запрос

Для цитирования: Авдонин В.А. Проблемы собирания и представления доказательств адвокатом-защитником на стадии предварительного расследования / В.А. Авдонин. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.2 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 20–28.

Original article

Avdonin Vladimir Alexandrovich

Ural State Law University named after. V.F. Yakovlev, Yekaterinburg, Russia,
v.a.avdonin@yandex.ru

PROBLEMS OF COLLECTING AND PRESENTING EVIDENCE BY A DEFENCE LAWYER DURING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Abstract. The author considers the legal status of a defense lawyer when participating during the evidentiary process, especially during the preliminary investigation. The defence lawyer's evidence activity in pre-trial proceedings is extremely limited: there is a closed list of collective powers; the defence lawyer does not participate in the evidence verification and evaluation, as the state-authority subjects in whose proceedings the criminal case is. Current problems of gathering and presenting evidence are raised, and legislative solutions are proposed. As for the objects and documents received by the lawyer, it is the prosecution's «filter»,

which makes an authoritative decision on the admissibility and relevance of the materials submitted by the lawyer at its discretion, that is the main obstacle to their inclusion in the evidentiary basis of the criminal case. In addition, the fact that the law does not provide for the possibility of using technical means to obtain evidence does not favour the defence in practice. Regarding the questioning of a person with his consent, it can be noted that this event has not received procedural regulation, is most often considered formal and ineffective, since it does not have the legal force of interrogation, but serves only as a basis for further investigative actions, the result of which often differs from the initial one, as a rule in favor of the prosecution. A lawyer's request for information in various instances is sometimes ignored on formal grounds, which is unacceptable when providing timely legal assistance. It is noted that the defence lawyer should actively participate in the process of proving from the earliest stages of criminal proceedings. The author concludes that despite the expansion of the lawyers' rights and the democratization of the defender's position in criminal procedure proving, in fact, advocacy is poorly regulated by procedural legislation, there are no legal guarantees for its implementation, most often it is of a non-procedural nature. The methodological basis of the study is presented by a complex of different methods: general scientific (analysis and synthesis, induction and deduction) and private scientific (formal-legal, comparative-legal, historical-legal).

Keywords: defence lawyer, pre-trial proceedings, adversarial proceedings, evidentiary process, burden of proof, collection of evidence, verification of evidence, assessment of evidence, admissibility of evidence, questioning by a lawyer, lawyer's request

For citation: Avdonin V.A. Problems of Collecting and Presenting Evidence by a Defence Lawyer during the Preliminary Investigation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2, pp. 20–28. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.2.

Введение. Для российского уголовного процесса, который является частью романо-германской системы права, характерно отсутствие возможности активного участия стороны защиты в доказательственной деятельности, тем более на стадии предварительного расследования, имеющей черты розыскного типа процесса. Для того чтобы считаться субъектом доказывания, участник должен иметь правомочия по собиранию, проверке и оценке доказательств. Российский адвокат-защитник обладает ограниченным набором прав по участию в процессе путем собирания доказательств, поэтому исследование данных правомочий является востребованным направлением науки.

Основные полномочия адвоката по собиранию доказательств на стадии предварительного расследования. С целью реализации статуса защитника при участии в процессе доказывания путем собирания доказательств законодатель в ст. 53, ч. 3 ст. 86 УПК РФ перечислил доступные средства их получения. Статья 7 профильного Федерального закона «Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации» обязывает адвоката отстаивать законные интересы и права своего подзащитного всеми доступными легальными и не подпадающими под запрет способами¹. Кроме того, этот закон закрепляет право адвоката участвовать в формировании оправдывающих доказательств и дублирует положения УПК РФ.

Согласно указанным нормативным правовым актам защитник – профессиональный инициативный субъект уголовного процесса, обладающий практическими и теоретическими навыками, он должен активно участвовать в познавательной деятельности по формированию доказательственной базы, в том числе на стадии предварительного расследования.

Рассмотрим подробно основные полномочия адвоката, без которых невозможно эффективное оказание уголовно-правовой защиты.

В соответствии с п. 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ защитник вправе собирать улики посредством «получения предметов, документов и иных сведений». Одним из проблемных аспектов данного полномочия выступает тот факт, что предметы, полученные защитником-адвокатом, не автоматически признаются доказательствами, а приобретают данный статус лишь после их передачи «хозяину» уголовного дела – стороне обвинения как субъекту, несущему доказательственное бремя, для изучения, осмотра и вынесения государственно-властного дискреционного решения об относимости, допустимости и достоверности данного объекта для признания его доказательством [1, с. 57].

При представлении защитником документов дознаватель или следователь разрешают вопрос относительно основания для классификации данного доказательства, исходя из ч. 2 ст. 74 УПК РФ, ведь документ может являться как вещественной материальной уликой, так и «иным документом». Разграничительной особенностью будут выступать фактические обстоятельства уголовного дела, содержащиеся в документах сведения и, конечно, усмотрение субъекта доказывания.

Неясно, какое значение законодатель вкладывал в понятие «иные сведения», содержащееся в п. 1 ч. 3 ст. 86 УПК РФ. Как правило, источником сведений выступает либо материальный овеществленный носитель, содержащий доказательственную информацию, либо персональный носитель, в

¹ Об адвокатской деятельности и адвокатуре в Российской Федерации : Федеральный закон от 31.05.2002 № 63-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2002. № 23, ст. 2102.

связи с чем, думается, что обстоятельства, подлежащие доказыванию, могут быть установлены на основании предметов, документов либо личного опроса осведомленного лица. Таким образом, усматривается наличие правового пробела относительно содержания иных сведений и процедуры их получения и представления.

Непонятен процессуальный аспект наделения предметов, документов и иных сведений статусом доказательств. Законодателю необходимо проработать и ввести подробный механизм реализации собирания и представления доказательств, регламентируя все этапы данной деятельности, начиная с обнаружения доказательств и заканчивая их включением в материалы уголовного дела. Также следует предусмотреть прозрачные условия допустимости собранных улик.

В целях восстановления правового баланса и реализации принципа состязательности на досудебной стадии минимальной гарантией, например, может стать законодательная новелла, обязывающая сторону обвинения приобщить к материалам уголовного дела по ходатайству стороны защиты собранные ею предметы и документы, конечно, при условии отсутствия злоупотребления правом со стороны последней. Иначе говоря, в УПК РФ надлежит ввести норму, предписывающую лицу, осуществляющему уголовное преследование на стадии предварительного расследования, приобщать к материалам дела в качестве легального доказательства документы, предметы и иные сведения, представленные добросовестным адвокатом-защитником с соблюдением законной процедуры, при условии их допустимости и относимости к делу.

Еще одним проблематичным моментом, на наш взгляд, можно считать то, что УПК РФ не предоставляет адвокату при осуществлении профессиональной деятельности возможность использовать специальные технические приспособления. В связи с этим целесообразно дополнить уголовно-процессуальное законодательство возможностью использовать технические приспособления для обнаружения, фиксации и изъятия предметов, документов и иных сведений, а также при проведении следственных мероприятий.

Узаконенным правомочием защитника по участию в процессе доказывания является возможность опросить лицо, осведомленное об обстоятельствах, имеющих значение для правильного разрешения уголовного дела. Возможность производства данного действия ставится в зависимость только лишь от согласия опрашиваемого (п. 2 ч. 3 ст. 86 УПК РФ).

Уголовно-процессуальное законодательство не содержит средств обеспечения достоверности получаемой адвокатом информации, каких-либо требований к форме и реквизитам протокола опроса. Иными словами, защитник перед проведением опроса не вправе предостерегать опрашиваемого

мое лицо об уголовной ответственности за дачу заведомо ложных показаний по ст. 307 УК РФ, поскольку такими властными полномочиями обладают только следователь, дознаватель и суд.

К сожалению, результаты проведенного опроса не имеют доказательственной силы. Статус доказательства полученные защитником сведения обретают только в результате проведения последующего допроса следователем или дознавателем. Конституционный Суд РФ по данному вопросу высказался противоречиво. В определении от 4 апреля 2006 г. № 100-О орган конституционного контроля, с одной стороны, указал, что отсутствие процессуального порядка проведения опроса, неурегулированность фиксации его хода и результата в протоколе не являются нарушением законодательства, соответственно, не могут быть поводом для отказа в принятии этого результата стороной обвинения по формальным признакам. С другой стороны, полученные адвокатом в процессе опроса сведения могут стать основанием для производства различных следственных действий, чаще всего допроса ранее уже опрошенных лиц¹.

Думается, что адвокату надлежит проводить опрос с занесением объяснений в протокол, но необходимо иметь в виду, что в случае наступления непредвиденных обстоятельств (смерть, тяжелая болезнь, состояние невменяемости), исключающих проведение допроса ранее опрошенного лица субъектом, осуществляющим предварительное расследование по делу, объяснения, полученные в письменной форме, не будут иметь статус доказательств [2, с. 162].

Таким образом, действующее законодательство фактически не запрещает опрашиваемому лицу сообщать адвокату-защитнику заведомо ложные сведения, поскольку за совершение такого деяния отсутствует юридическая ответственность. Для придания сведениям, полученным в ходе опроса защитником, статуса доказательства они перепроверяются следователем или дознавателем в ходе производства следственного действия – допроса, и результат порой существенно отличается от первоначального, что перечеркивает смысл проведения объективного независимого адвокатского опроса, а соответственно, и попытки участия в процессе доказывания путем собирания личных доказательств.

Последним правомочием адвоката-защитника, согласно п. 3 ч. 3 ст. 86 УПК РФ, является возможность истребования характеристик, справок

¹ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Бугрова Александра Анатольевича на нарушение его конституционных прав пунктом 2 части третьей статьи 86 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституционного Суда РФ от 04.04.2006 № 100-О // Вестник Конституционного Суда РФ. 2006. № 4.

и иных документов у представителей государственной федеральной, областной и приравненной к ней власти, местного самоуправления, общественных объединений, коммерческих и некоммерческих организаций, которые обязаны предоставлять запрашиваемые сведения и оригиналы носителей искомой доказательственной информации или их копии. Правомочие адвоката истребовать справки, характеристики и иные документы базируется на конституционном праве на поиск и получение информации и гарантируется ч. 4 ст. 29 Конституции РФ.

Здесь требованию адвоката, выдвигаемому в форме адвокатского запроса, противопоставляется обязанность уполномоченных субъектов выдать истребуемые материалы в тридцатидневный срок с момента получения запроса.

Однако при реализации данного правомочия защитник также сталкивается с множеством практических проблем и профессиональной дискриминацией. Так, документ, запрошенный адвокатом, не обладает той же юридической силой, что и, к примеру, полученный по запросу органов предварительного расследования или суда. К тому же на основании адвокатского запроса, в отличие от требования властного субъекта, не предоставляются конфиденциальные сведения, имеющие статус ограниченного доступа (содержащие финансовую, банковскую, налоговую, врачебную, профессиональную, государственную и иную находящуюся под охраной государства тайну).

Кроме того, выработалась порочная практика поведения адресатов, прямо не отказывающих или игнорирующих поступивший адвокатский запрос, а отвечающих на него формально (к примеру, объясняются законодательные положения порядка получения сведений), что не позволяет адвокату использовать полученные сведения для оказания обвиняемому (подозреваемому) своевременной квалифицированной юридической помощи [3, с. 117].

С целью эффективной реализации данного правомочия необходимо и дальше разрабатывать дополнительные гарантии предоставления запрашиваемой информации, предусмотреть срок и действенный процессуальный механизм опротестования в случае игнорирования, безосновательного отказа или формального ответа в рамках досудебного обжалования вышестоящему должностному лицу, органу или надзирающему прокурору либо в рамках судебного контроля за соблюдением законодательства в данной сфере.

Заключение. Безусловно, в последние десятилетия прослеживается тенденция к расширению прав адвоката и предоставлению дополнительных правовых гарантий при осуществлении им своей профессиональной деятельности с целью наделения его реальными способами и инструментами участия в собирании доказательств и на иных этапах процесса доказывания в уголовном судопроизводстве. Однако с точки зрения состязательности и

равноправия сторон, особенно на досудебном этапе уголовного процесса, легальный функционал адвоката-защитника по участию в доказательственной деятельности объективно меньше возможностей субъектов, осуществляющих уголовное преследование от имени государства.

Подводя итог, следует отметить, что положение адвоката-защитника как «собирателя» доказательств остается таковым, что он может получить лишь «носитель доказательственной информации и не более того» [4, с. 41], который затем надлежит представить стороне обвинения для возможного приобщения к материалам уголовного дела по ее властному и порой заинтересованному усмотрению. Анализ правового положения защитника позволил выявить, что де-факто профессиональная деятельность адвоката, к сожалению, не имеет законодательно урегулированной процессуальной формы, то есть обладает непроцессуальным характером и подчиняется воле властного субъекта, в чьем производстве находится уголовное дело.

Список источников

1. Баев А.М. Защитник как субъект формирования доказательственной информации по уголовным делам [Электронный ресурс] // Юрист-Правоведъ. – 2008. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschitnik-kak-subekt-formirovaniya-dokazatelstvennoy-informatsii-po-ugolovnym-delam> (дата обращения: 13.01.2024).
2. Мамедов Р.Я. Опрос лиц с их согласия защитником как способ собирания доказательств в уголовном процессе [Электронный ресурс] // Пробелы в российском законодательстве. – 2016. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/opros-lits-s-ih-soglasiya-zaschitnikom-kak-sposob-sobiraniya-dokazatelstv-v-ugolovnom-protssesse> (дата обращения: 10.02.2024).
3. Стародубова Г.В. Участие адвоката-защитника в доказывании по уголовным делам [Электронный ресурс] // Судебная власть и уголовный процесс. – 2012. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-advokata-zaschitnika-v-dokazyvanii-po-ugolovnym-delam> (дата обращения: 09.01.2024).
4. Белкин Р.С. Собираение, исследование и оценка доказательств: сущность и методы. – Москва : Наука, 1966. – 295 с.

References

1. Baev A.M. Defence Lawyer as a Subject of Evidence Formation in Criminal Cases. *Jurist-Pravoved*, 2008, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/zaschitnik-kak-subekt-formirovaniya-dokazatelstvennoy-informatsii-po-ugolovnym-delam> (In Russian).

2. Mamedov R.Ya. Interviewing Persons with Their Consent by a Defence Lawyer as a way of Collecting Evidence in Criminal Proceedings. *Probely v rossijskom zakonodatel'stve = Gaps in Russian Legislation*, 2016, no. 2. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/opros-lits-s-ih-soglasiya-zaschitnikom-kak-sposob-sobiraniya-dokazatelstv-v-ugolovnom-protsesse> (In Russian).

3. Starodubova G.V. Participation of a Defence Lawyer in Evidence in Criminal Cases. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process = Judicial Power and Criminal Process*, 2012, no. 1. Available at: <https://cyberleninka.ru/article/n/uchastie-advokata-zaschitnika-v-dokazyvanii-po-ugolovnym-delam> (In Russian).

4. Belkin R.S. Collection, Research and Evaluation of Evidence: Essence and Methods. Moscow, Nauka Publ., 1966. 295 p.

Информация об авторе

Information about the Author

Авдонин Владимир Александрович –
аспирант кафедры судебной
деятельности и уголовного
процесса

Avdonin Vladimir Alexandrovich –
postgraduate student of the Chair of
Judicial Activity and Criminal Proce-
dure

Статья поступила в редакцию 26.03.2024; одобрена после рецензирования 29.04.2024; принята к публикации 29.04.2024.

The article was submitted 26.03.2024; approved after reviewing 29.04.2024; accepted for publication 29.04.2024.

Научная статья

УДК 343.98

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.3

Васильева Лариса Геннадьевна

Железнодорожный районный суд, Улан-Удэ, Россия, larisav76@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССМОТРЕНИЯ СУДАМИ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ О ВЗЯТОЧНИЧЕСТВЕ В СИСТЕМЕ ВЫСШЕГО ОБРАЗОВАНИЯ

Аннотация. Наиболее распространенным видом коррупции в высших учебных заведениях является взяточничество. Несмотря на высокую латентность преступлений указанной категории, судами ежегодно рассматриваются уголовные дела в отношении взяткодателей-студентов и в отношении преподавателей высших учебных заведений. В статье приводятся сведения о специфике рассмотрения судом уголовных дел о взяточничестве в системе высшего образования, в том числе об особенностях их прекращения, решаются вопросы, связанные квалификацией преступлений данной категории, обстоятельствами, подлежащими учету при назначении наказания.

Ключевые слова: взяточничество, суд, коррупционные преступления, студенты, высшее образование

Для цитирования: Васильева Л.Г. Некоторые особенности рассмотрения судами уголовных дел о взяточничестве в системе высшего образования / Л.Г. Васильева. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.3 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 29–37.

Original article

Vasilieva Larisa Gennadyevna

Railway District Court, Ulan-Ude, Russia, larisav76@mail.ru

ON COURT CONSIDERATION OF CRIMINAL BRIBERY CASES IN HIGHER EDUCATION

Abstract. Bribery is the most common type of corruption in higher education institutions. Despite the high degree of latency of such offences, every year the courts consider criminal cases against both student bribe-givers and universi-

ty professors. The article provides information on the specifics of the criminal cases of bribery court's consideration in the system of higher education, including the peculiarities associated with the termination of criminal cases, the issues related to the qualification of crimes in this category are resolved, circumstances to be taken into account in sentencing.

Keywords: bribery, court, corruption offences, students, higher education

For citation: Vasilieva L.G. On Court Consideration of Criminal Bribery Cases in Higher Education. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2, pp. 29–37. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.3.

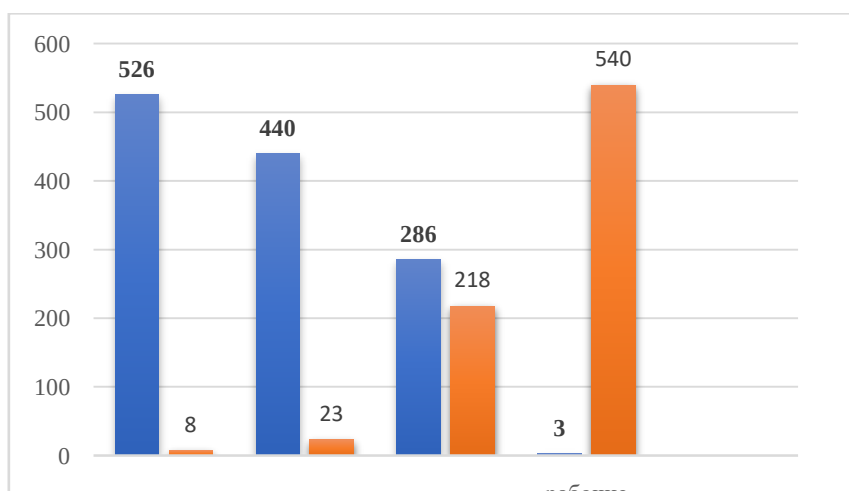
Ежегодно в России борьба с коррупционными преступлениями, прежде всего взяточничеством, становится все более приоритетной. Как следует из данных официальной статистики, число осужденных за совершение преступлений коррупционной направленности ежегодно увеличивается. Так, в 2022 г. по ст. 290 УК РФ (получение взятки) осуждено 3491 человек, по ст. 291 УК РФ (дача взятки) – 2419 человек; в 2021 г. за аналогичные преступления осуждено 2452 и 2089 человек соответственно; в 2020 г. 2323 человека осуждено за получение взятки и 1480 – за дачу взятки.

Первое место в России по числу осужденных в 2022 г. за получение взятки¹ занимали сотрудники правоохранительных органов, в том числе органов прокуратуры – 526 человек, на втором месте государственные и муниципальные служащие – 440 человек, на третьем – служащие коммерческих или иных организаций – 286 человек, рабочие – 3 человека. Противоположная ситуация по статье о даче взятки: на первом месте трудоспособные лица без постоянного источника дохода – 819 человек, на втором – рабочие – 540 человек, третье место разделили предприниматели и служащие коммерческой или иной организации – 222 и 218 человек, госслужащие – 23 человека. Количество иных сотрудников правоохранительных органов, в том числе органов прокуратуры, осужденных по данной статье, составило 8 человек (см. рис. 1).

Согласно сведениям, предоставленным Судебным департаментом при Верховном Суде РФ, в 2022 г. обжалован в апелляционном, кассационном и в порядке надзора по ст. 290 УК РФ 1401 приговор, из этого количества отменено 95 обвинительных приговоров (3 из которых – вынесением оправдательного приговора), изменено 200 обвинительных приговоров, отменено 15 оправдательных приговоров; по ст. 291 УК РФ из 734 обжалованных при-

¹ Показатели, характеризующие категории граждан, осужденных в другие годы, немногим отличаются от приведенных здесь.

говоров отменено 58 обвинительных приговоров (2 из которых – вынесением оправдательного приговора) и 28 оправдательных, изменено 69 обвинительных приговоров; по ст. 291.2 УК РФ из 610 обжалованных обвинительных приговоров отменен 71 обвинительный и 2 оправдательных приговора, изменено 46 обвинительных приговоров. В 2021 г. аналогичные показатели составили: по ст. 290 УК РФ из 1226 обжалованных приговоров отменено 116 обвинительных (из них 2 – с вынесением оправдательного приговора), изменено 152 обвинительных приговора, отменено 9 оправдательных приговоров; по ст. 291 УК РФ из 526 обжалованных приговоров отменено 34 обвинительных приговора, изменено – 56, отменено 2 оправдательных приговора; по ст. 291.2 УК РФ из 536 обжалованных приговоров отменено 42 обвинительных приговора, изменено 39 обвинительных приговоров, отменено 4 оправдательных приговора. В 2020 г. те же показатели составили: по ст. 290 УК РФ из 977 обжалованных приговоров отменено 144 обвинительных приговора (из них 3 – с вынесением оправдательного приговора), изменено 210 обвинительных приговоров, отменено 14 оправдательных приговоров; по ст. 291 УК РФ из 436 обжалованных приговоров отменено 40 обвинительных приговоров (из них 2 – с вынесением оправдательного приговора), изменено 62 приговора, отменено 5 оправдательных приговоров; по ст. 291.2 УК РФ из 296 обжалованных приговоров отменен 31 обвинительный приговор (из них 3 – с вынесением оправдательного приговора), изменено 18 обвинительных приговоров, отменено 5 оправдательных приговоров¹.

¹ Судебная статистика по делам, рассматриваемым федеральными арбитражными судами, федеральными судами общей юрисдикции и мировыми судьями [Электронный ресурс]. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=5> (дата обращения: 25.03.2024).

Рис. 1. Сведения о лицах, осужденных в 2022 г. по ст. 290 и 291 УК РФ¹

Как видно из данных, приведенных на рисунке 2, несмотря на то что количество отмененных и измененных приговоров по ст. 290 УК РФ в 2022 г. снизилось, в целом их количество остается большим, а по ст. 291 и 291.2 УК РФ эти цифры к 2022 г. выросли, что говорит о необходимости более тщательного подхода при рассмотрении судами уголовных дел указанной категории, в частности совершенных сотрудниками и учащимися вузов, поскольку, как показывают многочисленные опросы и исследования, с проявлениями взяточничества в вузах сталкиваются все еще довольно часто.

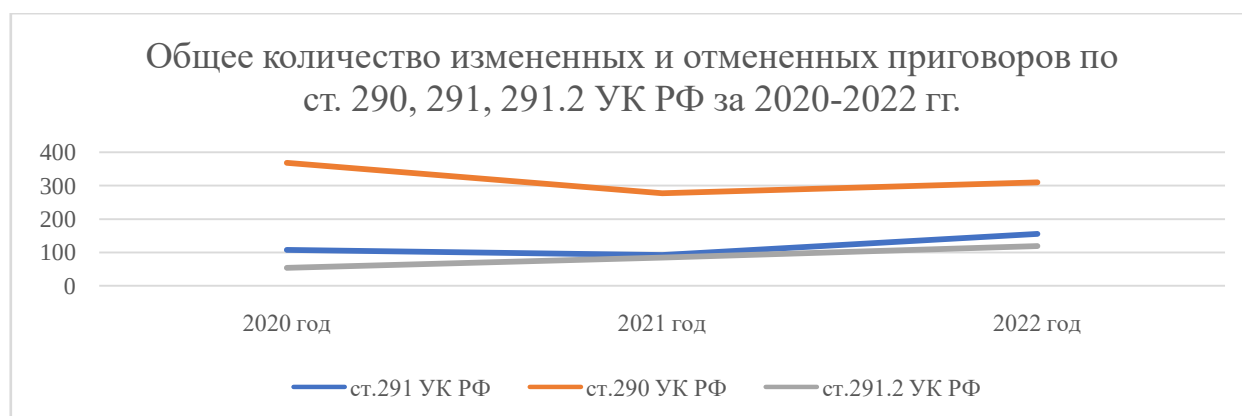

Рис. 2. Сведения о количестве измененных и отмененных приговоров по делам о взятках

Около 40 % студентов ведущих учебных заведений слышали о фактах взяточничества. В некоторых университетах эта цифра приближается к 50 %. Однако уголовных дел данной категории, рассматриваемых судами в отношении преподавателей-взятополучателей и студентов-взятодателей, сравнительно немного, что говорит о высокой латентности преступлений указанной категории. И все же, несмотря на относительно небольшое количество уголовных дел о взяточничестве в высших учебных заведениях, рассмотренных судами, следует учитывать некоторые особенности уголовных дел данной категории во избежание ошибок при установлении истины по делу, назначении наказания, квалификации преступления и др.

Правосудие по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях должно осуществляться с соблюдением принципов независимости судебной власти, состязательности и равноправия сторон, прав и свобод

¹ Синий цвет в диаграмме – преступления, предусмотренные ст. 290 УК РФ, оранжевый – ст. 291 УК РФ.

человека, в строгом соответствии с требованиями уголовного и уголовно-процессуального законодательства¹.

Изучение научной, учебной, методической литературы, а также результаты анкетирования практических работников – судей и их помощников – показывают, что многие из них при рассмотрении уголовных дел указанной категории обращают внимание на допускаемые субъектами уголовного судопроизводства ошибки и нарушения закона.

Как известно, различного рода нарушения влекут, соответственно, разные последствия. Результатом ошибки, допущенной в ходе расследования уголовного дела, своевременно не выявленной судом, могут явиться нарушение прав сторон и вынесение незаконного решения по делу.

Анкетирование судей показало, что типичными нарушениями закона, которые допускают следователи при расследовании преступлений о взяточничестве, являются следующие: не проверяются все версии и доводы подозреваемых для опровержения их позиции и доказывания вины, недостаточно собрано доказательств, собран неполный объем доказательств, предварительное следствие проводилось с явным обвинительным уклоном, без проверки алиби, доводов о непричастности². В связи с этим, по нашему мнению, при рассмотрении уголовных дел данной категории в суде необходимо тщательно проверять все доводы защитника и обвиняемого о непричастности последнего к совершению преступления.

Нельзя не согласиться с Ю.В. Чуфаровским в том, что особенность познавательной деятельности в суде заключается прежде всего в том, что материалы предварительного расследования всегда дают ему готовую модель подлежащего исследованию события, действий и взаимоотношений в том виде, в каком они представляются в результате завершения расследования. Однако эта модель должна восприниматься судом только как вероятная истина, которая обязательно подлежит проверке [1, с. 281–282].

Поскольку среди студентов вузов бытует мнение, что в любом учебном заведении есть преподаватели, принимающие экзамен по своей дисциплине за взятку, и студенты, использующие такую возможность, при рассмотрении уголовного дела указанной категории необходимо четко отграничивать показания, изобличающие взяточполучателя (взякодателя), от слухов. В частности, необходимо тщательно исследовать все показания свидетелей,

¹ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (ред. от 24.12.2019) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2013. № 9.

² Результаты проведенного анкетирования судей и помощников судей судов общей юрисдикции Иркутской области, Забайкальского края и Республики Бурятия.

провести очные ставки в ходе предварительного расследования, допросить лиц в судебном заседании и устранить противоречия, если они имеются.

Анализ судебной практики показал, что встречаются случаи, когда суды ошибочно выносят обвинительные приговоры по делам о взяточничестве исключительно на основе размытых показаний одного-двух свидетелей.

Так, В. признан судом виновным в даче взятки должностному лицу через посредника за совершение заведомо незаконных действий. Судом первой инстанции установлено, что В. с целью получения удовлетворительных оценок по двум дисциплинам без фактической сдачи по ним экзаменов лично передал неустановленному лицу денежные средства в размере 30 000 рублей частями по 15 000 рублей, а также зачетную книжку и экзаменационные листы. Неустановленное лицо, в свою очередь, лично передало Г., выступающему в качестве посредника в даче взятки должностному лицу – доценту К., – денежные средства в размере 30 000 рублей, а Г. лично передал К. в качестве взятки 22 000 из 30 000 рублей за совершение в пользу В. заведомо незаконных действий, выраженных в проставлении удовлетворительных оценок по двум дисциплинам без фактической сдачи по ним экзаменов. К показаниям В. и К. о том, что В. сдал экзамены самостоятельно, суд отнесся критически, взяв за основу показания свидетеля Г., данные им на очной ставке, которые он подтвердил, и его показания в судебном заседании, а также показания свидетелей Н., Ф., М., указав, что показания данных лиц логичны, последовательны, согласуются между собой, причин, по которым указанные лица могли оговорить В., судом не установлено, поэтому их показания могут быть положены в основу приговора, как и исследованные судом письменные материалы дела, среди которых документы, регламентирующие деятельность К.

Однако судебная коллегия апелляционной инстанции пришла к выводу о недоказанности события преступления, предусмотренного ч. 3 ст. 291 УК РФ, поскольку показания свидетелей о низкой успеваемости В. носили предположительный характер. Показания свидетеля Г., данные в ходе очной ставки, также размыты, он указал, что встретился с молодым человеком, предположительно В., который передал ему деньги для К., но точно сказать не мог, был ли это В., хотя в своих первоначальных показаниях Г. указывал, что встречался несколько раз именно с В. В судебном заседании Г. подтвердил свои показания, и судом первой инстанции они были положены в основу приговора, противоречия устранены не были. Документы, исследованные судом, говорят лишь о том, что К. являлся доцентом кафедры вуза, а В. – студентом этого же учебного заведения. Основываясь только на показаниях свидетеля Г. о том, с кем он встречался и от кого получал деньги и документы, суд первой инстанции пришел к выводу, что Г. встречался с лицом,

действовавшим в интересах В., то есть с посредником. Мотивы, по которым суд пришел к выводу, что документы и деньги В. передал Г. через посредника, суд в описательно-мотивировочной части приговора не указал. Такое утверждение содержится только в описании преступного деяния, признанного судом установленным. Никаких сведений о передаче В. документов и денег посреднику для их последующей передачи Г. в представленных и исследованных судом доказательствах, включая показания свидетелей, не имеется. Также судом не были проверены доводы В. о том, что зачетную книжку он не отдавал, а в промежутке между двумя дисциплинами, о которых идет речь в обвинении, сдавал другие экзамены, что подтверждается записями в зачетной книжке. Таким образом, в ходе судебного разбирательства не была опровергнута версия В. о том, что экзамены им были сданы самостоятельно, без передачи денежных средств преподавателю К., а вывод суда о том, что В. дважды передал взятки К. за получение удовлетворительных оценок по двум дисциплинам без фактической сдачи по ним экзаменов, не может быть признан обоснованным, поскольку не подтвержден исследованной судом совокупностью доказательств. Приговор суда отменен, за В. признано право на реабилитацию¹.

Возвращаясь к результатам анкетирования судей, стоит обратить внимание, что на вопрос «Известны ли Вам случаи, когда судьи при рассмотрении уголовных дел о взяточничестве допускали ошибки/нарушения закона» положительно ответили 62 % респондентов, 2/3 из которых указали, что ошибки связаны с назначением наказания, 1/3 – с квалификацией содеянного. В отдельном случае судья уточнил свой ответ, сославшись на конкретное дело: из совокупности преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 286 УК РФ и п. «б» и «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ, вышестоящей инстанцией исключены в связи с излишней квалификацией действий осужденного п. «б» и «в» ч. 5 ст. 290 УК РФ. Стоит отметить, что в судебной практике нередко встречаются уголовные дела, по которым суды исключают из обвинения ст. 290 УК РФ как излишне вмененную органами предварительного расследования, квалифицируя действия подсудимого по ст. 285 либо по ст. 286 УК РФ.

Кроме того, практические работники отмечают большое количество уголовных дел о преступлениях коррупционной направленности с излишне вмененным обвинением. Так, на вопрос «На Ваш взгляд, насколько типичны

¹ Приговор № 22-1/2020 22-1429/2019 от 16.03.2020 по делу № 1-11/2019 [Электронный ресурс]. URL: https://sudact.ru/regular/doc/A5nuLNS2Dm5H/?regular-txt=студент®ular-case_doc=®ular-lawchunkinfo=Статья+291.+Дача+взятки%28УК+РФ%29®ular-date_from=®ular-date_to=®ular-workflow_stage=20®ular-area=®ular-court=®ular-judge=&_id=1712583250387&snippet_pos=466#snippet (дата обращения: 25.04.2024).

ситуации по анализируемым категориям дел предъявления обвинения "с запасом"?» 92 % судей отметили типичность данной ситуации, уточнив, что в основном наряду со ст. 290 УК РФ обвинение предъявляется по ст. 285, 286 УК РФ.

Учитывая специфику субъектов преступлений о взяточничестве (один преподаватель – большое количество студентов; отсутствие у студентов постоянного дохода, в связи с чем взятки, даже небольшого размера, зачастую передаются частями), следует отличать продолжаемые дачу либо получение взятки в несколько приемов от совокупности преступлений.

Как единое продолжаемое преступление следует, в частности, квалифицировать систематическое получение взяток от одного и того же взяткодателя за общее покровительство, если указанные действия были объединены единым умыслом. Совокупность преступлений отсутствует и в случаях, когда взятка получена или передана от нескольких лиц, но за совершение одного действия в общих интересах этих лиц.

Не может квалифицироваться как единое продолжаемое преступление одновременное получение, в том числе через посредника, взятки от нескольких лиц, если в интересах каждого из них должностным лицом совершается отдельное действие (акт бездействия). Содеянное при таких обстоятельствах образует совокупность преступлений.

Так, Р., являющаяся преподавателем вуза, признана судом виновной в совершении преступления, предусмотренного ч. 2 ст. 290 УК РФ. Данную квалификацию суд объяснил единством умысла на получение от 6 студентов взятки в размере 30 000 рублей. Между тем в описательно-мотивировочной части приговора указано, что обвиняемая предложила передавать ей в качестве вознаграждения 5000 рублей за положительную оценку по ее дисциплине в каждой зачетной книжке без проверки знаний студентов. Шесть студентов приняли это предложение и передали Р. 30 000 рублей, по 5000 рублей каждый. То есть Р. совершила отдельные действия в интересах разных лиц, при этом сумма взятки в каждом случае не превышала 10 тысяч рублей. Таким образом, содеянное не может быть квалифицировано по ч. 2 ст. 290 УК РФ. Приговор изменен, действия Р. переквалифицированы на ч. 1 ст. 291.2 УК РФ (6 эпизодов)¹.

Следует выяснять у преподавателя-взятополучателя наличие ученой степени, грамот, наград, поскольку эти обстоятельства могут повлиять на назначение наказания. Так, суд апелляционной инстанции снизил наказание Е., осужденному по ч. 2 ст. 290 УК РФ, в связи с наличием у него ученой степени

¹ Судебная практика по коррупционным преступлениям, по взяточничеству [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/practice/po-korruptcionnym-prestupleniyam-po-vzyatochnichest/> (дата обращения: 28.03.2024).

кандидата медицинских наук. Судом первой инстанции данные обстоятельства учтены не были.

Также, учитывая, что преступления рассматриваемой категории совершаются в учебных заведениях, судам, по нашему мнению, следует принимать меры реагирования и выносить частные постановления как минимум в адрес руководства вуза с указанием на недопустимость противоправных действий со стороны преподавательского состава. Следует обратить внимание и на необходимость просветительской работы со студентами с целью ликвидации правовой безграмотности, поскольку большинство студентов не подозревают о последствиях, на их взгляд, безобидных действий – заплатить преподавателю за хорошую оценку в зачетной книжке. Ведь даже если суд усмотрит все основания для прекращения уголовного дела в отношении студента-взятокодателя, оно будет прекращено по нереабилитирующим основаниям, что в дальнейшем может серьезно отразиться на его профессии, карьере и в целом на его будущем.

Мы обозначили лишь небольшую часть особенностей рассмотрения судами уголовных дел о взяточничестве. Однако считаем, что обсуждение данного вопроса с учетом изученной судебной практики, мнений практических работников (в том числе и автора) может повлиять как на принятие правильного решения судом, так и предостеречь молодое поколение от необдуманных поступков.

Список источников

1. Чуфаровский Ю.В. Юридическая психология / Ю.В. Чуфаровский. – Москва : Юриспруденция, 2000. – 320 с.

References

1. Chufarovsky Yu.V. Legal Psychology. Moscow, Yurisprudenciya Publ., 2000. 320 p.

Информация об авторе

Васильева Лариса Геннадьевна –
судья

Information about the Author

Vasilieva Larisa Gennadyevna –
Judge

Статья поступила в редакцию 16.04.2024; одобрена после рецензирования 22.05.2024; принята к публикации 22.05.2024.

The article was submitted 16.04.2024; approved after reviewing 22.05.2024; accepted for publication 22.05.2024.

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.4

Джамиев Меджид Радикович

Прокуратура Республики Дагестан, Махачкала, Россия,

medjiddjamiev@gmail.com

НАИБОЛЕЕ СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ДОСУДЕБНОГО ПРОИЗВОДСТВА ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ, ОПРЕДЕЛЯЮЩИЕ ОСНОВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ ЕГО РЕФОРМИРОВАНИЯ

Аннотация. На основе анализа уголовно-процессуальной литературы по проблемам реформирования российского досудебного производства по уголовным делам автор формирует перечень основных вопросов, по которым ведется полемика. Цель: определить возможные пути оптимизации отечественного досудебного производства путем сопоставления предложенных в литературе несовпадающих вариантов решения проблем его реформирования. Методы: общетеоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический, сравнительно-правовой, описания, интерпретации, толкования правовых норм. Результаты: выявлены основные направления реформирования отечественного досудебного производства по уголовным делам и предложены варианты решения его основных вопросов.

Ключевые слова: уголовный процесс, возбуждение уголовного дела, следственный аппарат, судебный контроль, состязательность, правомерность, дифференциация

Для цитирования: Джамиев М.Р. Наиболее спорные вопросы досудебного производства по уголовным делам, определяющие основные направления его реформирования / М.Р. Джамиев. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.4 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 38–49.

Original article

Dzhamiev Medjid Radikovic

Prosecutor's Office of the Republic of Dagestan, Makhachkala, Russia,
medjiddjamiev@gmail.com

THE MOST CONTROVERSIAL ISSUES OF PRE-TRIAL PROCEDURE IN CRIMINAL CASES, DETERMINING THE MAIN DIRECTIONS OF ITS REFORM

Abstract. Based on the analysis of the criminal procedural literature on the problems of reforming Russian pre-trial criminal proceed, the author forms a list of the main issues on which the polemic is conducted. Purpose: to identify possible ways to optimise domestic pre-trial procedure by comparing the divergent options proposed in the literature to solve the problems of the reform. Methods: general theoretical methods of formal and dialectical logic; private scientific methods: legal-dogmatic, comparative legal, method of description, method of interpretation, method of interpretation of legal norms. Results: the main directions for reforming domestic pre-trial procedure in criminal cases and options for resolving its main issues have been identified.

Keywords: criminal procedure, initiation of criminal procedure, investigative branch, judicial control, adversary character, legality, differentiation

For citation: Dzhamiev M.R. The Most Controversial Issues of Pre-Trial Procedure in Criminal Cases, Determining the Main Directions of Its Reform. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2, pp. 38–49. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.4.

Введение. Проблемы реформирования отечественного досудебного производства – одни из самых обсуждаемых в специальной литературе со времен Судебной реформы 1860-х годов. В этой связи представляется важным выделить несколько ключевых вопросов, по которым теоретические дискуссии приобретают особую остроту, деля исследователей на две или даже несколько противоборствующих групп. В основе такого деления обычно лежат мировоззренческие пристрастия авторов, выраженные в литературе в критике или поддержке не только и не столько содержательных, то есть собственно процедурных, процессуальных моментов, сколько имеющих идеологическую окраску. Иногда соображения идеологического свойства могут подменять собой процедурные, а то и вовсе полностью вытеснять их, лишая научные споры правового содержания, что справедливо отмечает А.А. Тарасов [1]. Своей задачей мы не ставим выяснение того, кто из авторов

прав, поскольку считаем, что дискуссии вокруг реформирования досудебного производства по уголовным делам – это нормальное и необходимое условие обеспечения его оптимизации. К тому же любые авторские предложения о реформировании досудебного производства отражают реальные потребности той или иной социальной группы, имеющей отношение к правоприменительной практике.

Основные спорные вопросы реформирования досудебного производства в России. При большом разнообразии тезисов и аргументов следует обозначить ключевые вопросы реформирования российского досудебного производства, представив их в виде перечня, с кратким описанием существа каждого вопроса и его места в системе досудебного производства.

1. Стадия возбуждения уголовного дела, которая именуется на практике доследственной проверкой или даже стадией доследственной проверки, хотя стадии с таким названием в российском уголовном процессе нет и никогда не было. В отношении стадии возбуждения уголовного дела споры ведутся по поводу всего: целесообразно ли сохранять ее в российском уголовном процессе, тогда как некоторые государства уже в новейшей постсоветской истории без ущерба от нее отказались (Украина, Казахстан) и в досоветской российской истории ее тоже не было; насколько правомерно считать этот вид государственной деятельности, являющейся реакцией правоохранительных органов на поступившее сообщение о совершенном или готовящемся преступлении, уголовным процессом, поскольку уголовного дела еще нет и неизвестно, будет ли оно; насколько целесообразно неуклонно начиная с 2001 г. расширять круг уголовно-процессуальных действий, которые вправе производить следователь и дознаватель до возбуждения уголовного дела; каково процессуальное значение собранных на этой стадии сведений; должен ли прокурор обладать полномочием на возбуждение уголовного дела и т. д. [2, с. 100–112].

2. Процессуальная самостоятельность следователя и независимость следственного аппарата. Этот вопрос в реальности представляет собой совокупность нескольких в равной мере значимых вопросов: о взаимоотношениях следователя с руководителем следственного органа и с прокурором; о согласии руководителя следственного органа на обращение следователя в суд с ходатайствами о производстве следственных действий или об избрании меры пресечения, притом что прокурор, согласие которого формально не требуется, участвует в суде, рассматривающем такое ходатайство, и имеет право апелляционного обжалования судебного решения в отличие от руководителя следственного органа; о юридическом отстранении прокурора от участия в формулировании обвинения и в доказывании его оснований при сохранении за прокурором не только права на осуществление надзора за за-

конностью предварительного следствия, но и на утверждение итогового документа предварительного расследования в любой из имеющихся процессуальных форм и на принятие решения о направлении уголовного дела в суд.

3. Судебный контроль в досудебном производстве. По-прежнему не ясна его процессуальная природа: является ли предварительный либо последующий судебный контроль формальным обременением в работе органов предварительного расследования, поскольку доля неудовлетворенных ходатайств следователей и дознавателей о производстве следственных действий, требующих судебного решения, очень мала, а судебные решения по жалобам участников процесса на действия органов уголовного процесса не имеют эффективного механизма исполнения. Возможно, судебный контроль действительно способен обеспечить эффективную защиту конституционных прав участников уголовного процесса и действие принципа состязательности, характерные для процедур судебного разбирательства, в том числе и в досудебном производстве по уголовным делам, как утверждают многие авторы. Последний вариант профессиональной оценки значимости судебного контроля в досудебном производстве, казалось бы, даже не требует специального обоснования, однако реальной российской практикой и отражением ее в ведомственной статистической отчетности правомерность такой оценки не подтверждается.

4. Действие принципа состязательности в досудебном производстве по уголовным делам. В ст. 15 УПК РФ состязательность сторон обозначена в числе принципов уголовного судопроизводства, которые, как и все правила, содержащиеся в гл. 2 УПК РФ, по системной логике уголовно-процессуального закона имеют универсальный характер, то есть распространяются на все стадии уголовного процесса. При этом в досудебном производстве одна из сторон в процессе, а именно сторона обвинения, по той же системной логике действующего УПК РФ представлена властвующими субъектами: следователем или дознавателем, руководителем следственного органа, органом дознания. Сторона защиты представлена в процессе лицами, по определению не обладающими властными полномочиями (лица, подвергающиеся уголовному преследованию и адвокаты-защитники). Уголовное дело находится в производстве следователя или дознавателя, и прежде всего именно они по закону определяют и состав участников любого процессуального действия, и его содержание, и документальное оформление всего, что по этому уголовному делу производится и принимается. Процессуальное равенство лиц со столь неравным процессуальным статусом вызывает сомнения даже на теоретическом уровне. Что касается правоприменительной практики, то ни о каком процессуальном равенстве сторон обвинения и защиты в досудебном производстве российского, как и любого иного конти-

ментально-европейского уголовного процесса, речь вообще не идет. И здесь возникает самый главный вопрос: является ли отсутствие этого равенства аномалией, отступлением от требований закона или имеет объективную природу и нуждается в более продуктивной реакции государства на сам его факт, а именно в создании специальных компенсационных процедурных механизмов минимизации негативных последствий этого неравенства, причем не только и не столько в самом досудебном производстве, а в судебных процедурах, сопровождающих его либо следующих за ним. В новейшей уголовно-процессуальной научной литературе все активнее обсуждается проблема «внутристадийного» и «межстадийного» баланса публичных и частных интересов [3, с. 50].

5. Правомерность законодательного признания следователя и дознавателя участниками уголовного судопроизводства на стороне обвинения. Этот вопрос объективно связан с предыдущим. В советском уголовно-процессуальном законодательстве не было формального разделения участников процесса (гл. 3 УПК РСФСР) на группы в зависимости от выполняемой ими уголовно-процессуальной функции, то есть формально не были указаны стороны обвинения и защиты, поэтому следователь и не был назван участником уголовного процесса на стороне обвинения. При этом на следователя законом возлагалась прямо в нем указанная обязанность всестороннего, полного и объективного исследования обстоятельств уголовного дела (ст. 20 УПК РСФСР). По убеждению большинства специалистов того времени, это указание закона, в равной мере относящееся к названным здесь же «лицу, производящему дознание» (прообраз нынешнего дознавателя), прокурору и суду, давало основание считать следователя таким же нейтральным участником процесса, как и суд.

6. Дифференциация форм предварительного расследования. Деление предварительного расследования преступлений на предварительное следствие и дознание известно российскому уголовному процессу как минимум со времен Судебной реформы 60-х годов XIX в., но правовое значение обоих этих понятий с того времени в ходе непрерывного реформирования досудебного производства по уголовным делам многократно менялось. Сегодня по-прежнему нельзя сказать, что дифференциация форм предварительного расследования стабилизировалась в каком-то оптимальном для практики варианте. Споры здесь вызывают как глобальные вопросы о разграничении следствия и дознания и его необходимости в принципе, так и, например, об особенностях предъявления обвинения в обеих формах расследования, процессуальной самостоятельности следователя и дознавателя либо отсутствии таковой, признания лица подозреваемым при обеих формах расследования. Деление предварительного расследования на дознание и следст-

вие является частью более масштабной проблемы дифференциации уголовного процесса вообще – предусмотренного законодателем выбора упрощенных и (или) ускоренных порядков как в досудебном, так и в судебном производстве по уголовным делам, постоянно обсуждаемого в научной литературе [4, с. 5–12; 5. с. 98–101]. Дискуссионность системы дифференциации процессуальной формы и в этом случае неизбежно влечет практически непрерывное реформирование как нормативно-правового регулирования процессуальной деятельности, так и практики применения меняющегося закона, и досудебного производства это касается в абсолютной степени.

7. Взаимодействие следователей и органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность. Необходимость такого взаимодействия при проведении проверок о совершенных или готовящихся преступлениях для решения вопроса о возбуждении уголовного дела и при производстве предварительного расследования по возбужденным уголовным делам не вызывает сомнений. Раскрытие преступлений по горячим следам, задержание преступника с поличным, сбор ориентирующей информации о будущих свидетелях по уголовному делу, розыск преступников и похищенного имущества – это те виды деятельности, которые осуществляются специально подготовленными сотрудниками правоохранительных органов не только и не столько уголовно-процессуальными средствами, сколько негласными и конспиративными способами. Нормативно-правовая основа взаимодействия следователей и дознавателей с подразделениями и органами, осуществляющими оперативно-розыскную деятельность, – это не только уголовно-процессуальный закон, но и Федеральный закон «Об оперативно-розыскной деятельности», а также подзаконные нормативно-правовые акты (приказы и инструкции), адресованные органам, осуществляющим оперативно-розыскную деятельность. При этом процессуальное руководство взаимодействием возлагается на следователя, наделенного ст. 38 УПК РФ полномочием давать органам дознания поручения о производстве следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий и требовать от них содействия в производстве следственных действий. Решение вопроса о том, как это обеспечить в реальности, на практике всегда представляло немалую сложность и нередко всецело зависело вовсе не от закона, а от особенностей личностей участников взаимодействия, а в литературе традиционно вызывало острую полемику.

8. Использование внепроцессуальной информации в уголовно-процессуальном доказывании. Этот вопрос объективно тоже связан с предыдущим, хотя касается он не только оперативно-розыскной информации, но и информации, полученной адвокатами при осуществлении их профессиональной деятельности, либо иной информации, полученной государственными органами в ходе административной деятельности. Вопрос об оперативно-ро-

зыскной информации и о способах введения ее в уголовно-процессуальное доказывание имеет важное практическое значение, так как вся информация, касающаяся расследуемого преступления, значима для расследования, но в действующем УПК РФ содержится прямой запрет на ее использование.

9. Введение нового участника уголовного судопроизводства – следственного судьи. Относительно введения этой новой для современного российского уголовного процесса процессуальной фигуры в науке начиная с 1990-х годов ведутся постоянные дискуссии. Споры эти касаются не только самого факта введения нового процессуального участника, не относящегося к сторонам в процессе, а представляющего в нем нейтральную по отношению к сторонам судебную власть, но и того, для чего именно его надо либо, наоборот, не надо вводить в российское досудебное производство. В российской истории, в истории зарубежных государств с континентально-европейской системой уголовного процесса имеется два принципиально несовпадающих варианта участия представителя судебной власти в досудебном производстве: 1) как самостоятельный и главный (или даже единственный) субъект собирания доказательств, в производстве которого находится уголовное дело (современная Франция, Российская империя с 1864 по 1917 г.); 2) как субъект, осуществляющий судебный контроль за деятельностью должностных лиц (следователей или сотрудников полиции), которые собирают доказательства и в производстве которых находится уголовное дело (современные ФРГ и Казахстан).

10. Прокурорский надзор в досудебном производстве. Взаимоотношения следователя и прокурора. Этот вопрос тоже всегда был достаточно спорным в теории уголовного процесса, но особую остроту дискуссии приобрели после июня 2007 г. Тогда властные полномочия прокурора в отношении следователя (при сохранении большинства из них в отношении дознавателя) были радикально ограничены, а обязанность осуществлять процессуальный контроль за предварительным следствием была возложена на руководителя следственного органа, то есть на непосредственного ведомственного административного руководителя конкретного следственного аппарата. При этом за прокурором сохранилась обязанность осуществления надзора за законностью предварительного следствия и полномочие по утверждению итогового процессуального решения следователя – обвинительного заключения. Объем и содержание властных полномочий прокурора с тех пор незначительно менялись, но общая законодательная схема его взаимоотношений со следователями сохранена с 2007 г. по настоящее время. При этом на практике прокурор активно вовлекается в процесс расследования, что связано с необходимостью выполнения главной задачи органов предварительного следствия – обеспечить качественное и законное расследование по

уголовному делу и направить в суд только такое обвинение, с которым прокурор согласится и сможет поддерживать перед судом. Тема взаимоотношений следователя, руководителя следственного органа и прокурора является сегодня одной из самых актуальных в уголовно-процессуальной литературе, а значит и одним из направлений реформирования досудебного производства по уголовным делам.

Сопутствующие спорные вопросы реформирования досудебного производства. Не менее широко в литературе обсуждаются и другие вопросы досудебного производства по уголовным делам, в том числе и в контексте возможных изменений в уголовно-процессуальном его регулировании и в правоприменительной практике. К числу таковых относятся, например, вопросы цифровизации производства по уголовному делу, анализируемые в современной литературе в разных контекстах, в том числе применительно к досудебному производству [6, с. 10, 11, 13, 15 и др.; 7, с. 15–17 и др.]. Столь же активно с самого начала действия УПК РФ 2001 г. в науке обсуждается вопрос о расширении прав и возможностей стороны защиты, в частности адвоката-защитника в доказательственной деятельности по уголовным делам [8, с. 18–32 и др.; 9, с. 21–40]. Большую популярность в последние годы приобрели вопросы о злоупотреблениях правами со стороны разных участников процесса [10, с. 17–44], в том числе следователем и адвокатом [11], самими обвиняемыми и подозреваемыми [12, с. 30–49 и др.]. Отдельные монографические работы сегодня посвящаются проблемам доказывания в досудебном производстве как в целом, так и в части отдельных его форм и отдельных следственных действий, этическим проблемам предварительного расследования [13], защите прав и законных интересов лиц, в отношении которых применяются разные виды уголовно-процессуального принуждения [14], самому принуждению, применяемому в досудебном производстве, процессуальным актам органов предварительного расследования [15] и т. д. Понимая важность всех перечисленных здесь вопросов для анализа проблем реформирования отечественного досудебного производства, считаем возможным не включать их в наш перечень, не отказываясь от их попутного рассмотрения в рамках этого перечня – доказывание и принуждение как уголовно-процессуальные явления в той или иной мере присутствуют во всех обозначенных уголовно-процессуальных правоотношениях, процессуальными актами оформляется каждое действие и каждое решение властвующих субъектов досудебного производства.

Необходимо подчеркнуть также, что приведенный перечень вопросов досудебного производства по большей части неактуален для встречающихся в постсоветской уголовно-процессуальной литературе концепций реформирования российского уголовного процесса, основанных на его радикальной

ломке и перестройке по англосаксонскому образцу, с полной деформализацией предварительного расследования [16; 17]. Подобные концептуальные схемы реформирования часто умозрительны, поскольку игнорируют факт исторической обусловленности всех изменений в правовой системе, которую невозможно выстроить искусственно в любой момент времени в любой стране. Тем не менее и подобного рода концепции реформирования досудебного производства представляют научный интерес, поскольку позволяют наиболее отчетливо представить крайности в осуществлении любых преобразований в досудебном производстве. Так, например, справедливо отмеченная С.Б. Россинским и А.В. Миликовой существующая сегодня крайность – «превращение предварительного расследования в непрерывный документооборот» [15, с. 3], когда львиная доля времени следователей уходит на составление бумаг, значительная часть которых лишена собственно уголовно-процессуального смысла, выглядит едва ли хуже, чем предложенный А.С. Александровым полный отказ от документального оформления доказательств, полученных правоохранительными органами до суда, с последующим восстановлением картины места происшествия или результатов предъявления для опознания по показаниям полицейских в суде.

Заключение. При всем разнообразии концептуальных подходов к реформированию российского досудебного производства по уголовным делам можно и необходимо выделить несколько ключевых вопросов, по которым ведутся основные дискуссии в уголовно-процессуальной науке.

Сопоставление различных, иногда диаметрально противоположных взглядов исследователей на законодательное решение этих ключевых вопросов позволяет выработать некий усредненный, а значит оптимальный вариант их решения в законе и в правоприменительной практике.

Концепции реформирования отечественного досудебного производства по уголовным делам, основанные на игнорировании исторических закономерностей и условий, в которых это реформирование осуществляется, как правило, обречены на скорый провал, но тоже нуждаются в научном анализе.

Список источников

1. Тарасов А.А. Рациональное и иррациональное в дискуссиях о развитии российского уголовного процесса / А.А. Тарасов // Журнал российского права. – 2023. – Т. 37, № 3. – С. 100–112.
2. Сущность и актуальные проблемы стадии возбуждения уголовного дела : монография / И.В. Блинова-Сычкарь и др. ; под ред. И.С. Дикарева. – Волгоград : Изд-во ВолГУ, 2011. – 380 с.

3. Герцен П.О. Реализация права на апелляционное обжалование и пересмотр промежуточных судебных решений, вынесенных в ходе досудебного производства: обеспечение баланса частных и публичных интересов : дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / П.О. Герцен. – Томск, 2023. – 243 с.

4. Якимович Ю.К. Дифференциация уголовного процесса / Ю.К. Якимович, А.В. Ленский, Т.В. Трубникова ; под ред. М.К. Свиридова. – Томск : Изд-во Том. ун-та. 2001. – 300 с.

5. Манова Н.С. Досудебное и судебное производство: сущность и проблемы дифференциации процессуальных форм / Н.С. Манова ; под ред. В.М. Корнукова. – Саратов : Изд-во ГОУ ВПО «Саратовская государственная академия права», 2003. – 228 с.

6. Количенко А.А. Проблемы проверки и оценки электронных доказательств в современном уголовном процессе : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 5.1.4 / А.А. Количенко. – Нижний Новгород, 2023. – 37 с.

7. Зуев С.В. Собираение и проверка электронной доказательственной информации стороной защиты в уголовном судопроизводстве : монография / С.В. Зуев, А.С. Каменев. – Москва : Юрлитинформ, 2024. – 160 с.

8. Баев М.О. Защита от обвинения в уголовном процессе. Тактика профессиональной защиты по уголовным делам. Право обвиняемого на защиту (нормативные акты, постатейный материал) / М.О. Баев, О.Я. Баев. – Воронеж : Изд-во Воронеж. ун-та, 1995. – 228 с.

9. Рагулин А.В. Профессиональные права адвоката-защитника, обусловленные гарантиями независимости адвоката: проблемы законодательной регламентации и практической реализации : монография / А.В. Рагулин. – Москва : Евразийский научно-исследовательский ин-т проблем права, 2011. – 148 с.

10. Даровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России : монография / О.И. Даровских. – Челябинск : Цицеро, 2013. – 152 с.

11. Баев О.Я. Злоупотребление правом в досудебном производстве по уголовным делам : монография / О.Я. Баев, М.О. Баев. – Москва : Проспект, 2015. – 216 с.

12. Андреева О.И. Злоупотребление обвиняемым субъективными правами и его преодоление в ходе предварительного расследования / О.И. Андреева, О.В. Желева. – Томск : Издательский дом Том. гос. ун-та. 2019. – 240 с.

13. Закомолдин А.В. Этические основы предварительного расследования : монография / А.В. Закомолдин, Д.Б. Кудзилов. – Москва : РИОР, 2021. – 110 с.

14. Руднев В.И. Право на судебную защиту лиц, содержащихся под стражей : монография / В.И. Руднев. – Москва : Юрлитинформ, 2022. – 296 с.

15. Миликова А.В. Уголовно-процессуальные акты органов предварительного следствия : монография / А.В. Миликова, С.Б. Россинский. – Москва : Юрлитинформ, 2021. – 160 с.

16. Александров А.С. Каким не быть предварительному следствию / А.С. Александров // Государство и право. – 2001. – № 9. – С. 54–62.

17. Александров А.С. Понятие и сущность уголовного иска / А.С. Александров // Государство и право. – 2006. – № 2. – С. 35–47.

References

1. Tarasov A.A. Rational and Irrational in Discussions about the Development of the Russian Criminal Process. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2023, vol. 37, no. 3, pp. 100–112. (In Russian).

2. Blinova-Sychkar I.V. et al.; Dikarev I.S. (ed.). The Essence and Current Problems of the Stage of Initiating a Criminal Case. Volgograd State University Publ., 2011. 380 p.

3. Herzen P.O. Realization of the Right to Appeal and Review of Interim Court Decisions Made during Pre-Trial Proceedings: Ensuring a Balance of Private and Public Interests. *Cand. Diss.* Tomsk, 2023. 243 p.

4. Yakimovich Yu.K., Lensky A.V., Trubnikova T.V.; M.K. Sviridov (ed.). Differentiation of the Criminal Process. Tomsk State University Publ., 2001. 300 p.

5. Manova N.S.; Kornukov V.M. (ed.). Pre-trial and Judicial Procedure: the Essence and Problems of Differentiation of Procedural Forms. Saratov State Academy of Law Publ., 2003. 228 p.

6. Kolichenko A.A. Problems of verification and evaluation of Digital Evidence in Modern Criminal Proceedings. *Cand. Diss. Thesis.* Nizhny Novgorod, 2023. 37 p.

7. Zuev S.V., Kamenev A.S. Collection and Verification of Electronic Evidentiary Information by the Defense in Criminal Procedure. Moscow, Yurлитinform Publ., 2024. 160 p.

8. Baev M.O., Baev O.Ya. Defense against Charges in Criminal Procedure. Tactics of Professional Defense in Criminal Cases. The Right of the Accused to Defense (Regulatory Acts). Voronezh State University Publ., 1995. 228 p.

9. Ragulin A.V. Professional rights of defence lawyers, subject to guarantees of the independence of lawyers: problems of legislative regulation and practical implementation. Eurasian Research Institute of Law Problems Publ., 2011. 148 p.

10. Darovskikh O.I. Abuse of Law in Criminal Procedure in Russia. Chelyabinsk, Cicero Publ., 2013. 152 p.

11. Baev O.Ya., Baev M.O. Abuse of Law in Pre-Trial Procedure in Criminal Cases. Moscow, Prospekt Publ., 2015. 216 p.

12. Andreeva O.I., Zheleva O.V. Abuse of Subjective Rights by the Accused and Overcoming It during the Preliminary Investigation. Tomsk State University Publ., 2019. 240 p.

13. Zakomoldin A.V., Kudzilov D.B. Ethical Foundations of Preliminary Investigation. Moscow, RIOR Publ., 2021. 110 p.

14. Rudnev V.I. The Right to Judicial Protection of Persons in Custody. Moscow, Yurlitinform Publ., 2022. 296 p.

15. Milikova A.V., Rossinsky S.B. Criminal Procedural Acts of the Pre-Trial Investigation Authorities. Moscow, Yurlitinform Publ., 2021. 160 p.

16. Alexandrov A.S. What a Preliminary Investigation Should Not Be. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2001, no. 9, pp. 54–62. (In Russian).

17. Alexandrov A.S. The Concept and Essence of a Criminal Lawsuit. *Gosudarstvo i pravo = State and Law*, 2006, no. 2, pp. 35–47. (In Russian).

Информация об авторе

Information about the Author

Джамиев Меджид Радикович –
старший прокурор отдела по обес-
печению собственной безопасности
и физической защиты, младший со-
ветник юстиции

Dzhamiev Medjid Radikovic –
Senior Prosecutor of the Department
for Ensuring Inherent Security and
Physical Protection, Junior Counselor
of Justice

Статья поступила в редакцию 30.04.2024; одобрена после рецензирования 09.06.2024; принята к публикации 09.06.2024.

The article was submitted 30.04.2024; approved after reviewing 09.06.2024; accepted for publication 09.06.2024.

Научная статья

УДК 343

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.5

Ежова Елена Владимировна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

yezhovae.rb@mail.ru

ОБЪЕКТИВНОСТЬ СУДА ПРИ ОСУЩЕСТВЛЕНИИ КОНТРОЛЯ ЗА ПРОИЗВОДСТВОМ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Целью настоящей статьи является анализ проблемы сохранения объективности судом, принимающим решения в досудебном производстве. Рассматриваются основания для отвода судьи, принявшего решение на указанном этапе, в случаях последующего рассмотрения им уголовного дела по существу, а также особенности подачи и рассмотрения жалоб в порядке ст. 125 УПК РФ.

Ключевые слова: УПК РФ, суд, судебный контроль, объективность и независимость суда

Для цитирования: Ежова Е.В. Объективность суда при осуществлении контроля за производством предварительного расследования / Е.В. Ежова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.5 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 50–56.

Original article

Yezhova Elena Vladimirovna

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, yezhovae.rb@mail.ru

OBJECTIVITY OF THE COURT IN SUPERVISING THE PRELIMINARY INVESTIGATION

Abstract. The purpose of this article is to analyse the problem of maintaining the objectivity of the court that makes decisions in the pre-trial proceedings. The article considers the grounds for recusal of the judge who made a decision at this stage, in cases of subsequent consideration of the criminal case on the me-

rits, the peculiarities of filing and consideration of complaints under Article 125 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation.

Keywords: Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, court, judicial control, objectivity and independence of the court

For citation: Yezhova E.V. Objectivity of the Court in Supervising the Preliminary Investigation. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2, pp. 50–56. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.5.

Вопрос о сохранении объективности при осуществлении судом контроля за законностью деятельности органов предварительного расследования по-прежнему остается непростым. С одной стороны, суд обязан вынести законное решение, основанное на всестороннем исследовании материалов дела, с другой – не предрешить вопросы, являющиеся предметом будущего разбирательства в суде первой инстанции. Соблюсти этот баланс необходимо для того, чтобы не оказать воздействия на вынесение в последующем итогового процессуального решения, чтобы судья, его принимающий, не посчитал уже установленными некоторые обстоятельства дела. Еще больше ситуация усугубится в случае, если судья, принимавший решения в досудебном производстве, будет разрешать это же уголовное дело по существу, что может указывать на возможную сформированность его позиции.

Эти проблемы не новы, на них обращали и продолжают обращать внимание многие ученые [1, с. 26; 2, с. 78]. Правда, они до сих пор так и не решены и оказывают огромное влияние на складывающуюся практику осуществления судебного контроля, все более и более усложняя данную процедуру, которую непрофессиональным участникам уголовного процесса понять трудно.

Законодатель пытался решить обозначенную проблему путем установления запрета на участие судьи, принимавшего любые решения, связанные с применением и продлением меры пресечения в виде заключения под стражу в ходе досудебного производства, в рассмотрении дела по существу. Согласно первоначальной редакции п. 1 ч. 2 ст. 63 УПК РФ такой судья подлежал отводу. В последующем данное положение было исключено из текста уголовно-процессуального закона, а Конституционный Суд РФ выразил позицию, согласно которой сам факт принятия решения о применении в качестве меры процессуального принуждения заключения под стражу, вне связи с иными обстоятельствами, которые могут указывать на наличие заинтересованности судьи, не является свидетельством его необъективности или

предвзятости¹, поскольку данные решения имеют различную фактическую основу и различное предназначение.

Между тем Пленум Верховного Суда РФ строго предписывает судьям осуществлять проверку обоснованности подозрения (обвинения) в причастности лица, заключаемого под стражу, к совершенному преступлению. Причем речь идет не о формальной ссылке на установление этого факта органами предварительного расследования, а о личной проверке и оценке судьей подтверждающих данный факт документов. При этом, «проверяя обоснованность подозрения в причастности лица к совершенному преступлению, суд не вправе входить в обсуждение вопроса о виновности лица»².

С одной стороны, такое положение, когда судья параллельно проверяет причастность лица к совершению преступления, что будет способствовать недопущению ограничения прав лиц, необоснованно вовлеченных в сферу уголовного судопроизводства, правильное; с другой стороны, оно налагает на судью обязательство не предрешать вопрос о виновности, хотя на практике бывает очень сложно воздержаться от этого.

Так, например, кассационным определением Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21 марта 2023 г. № 33-УДП2 3-7-КЗ было отменено решение судебной коллегии по уголовным делам Третьего кассационного суда общей юрисдикции, которая, рассмотрев в кассационном порядке уголовное дело, пришла к выводу о наличии оснований, исключающих участие судьи В. при рассмотрении дела по существу предъявленного обвинения, которая при принятии решений об избрании и продлении меры пресечения, полностью изложив фабулу предъявленного обвинения, тем самым сделала вывод о виновности лица в совершении преступления и предредила вопросы, которые впоследствии могут стать предметом судебного разбирательства по существу уголовного дела. Свое решение об отмене анализируемого процессуального акта Судебная коллегия по уголов-

¹ Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.1998 № 20-П, определения Конституционного Суда РФ от 24.05.2005 № 216-О, от 15.11.2007 № 804-О-О, от 24.12.2021 № 2319-О, от 17.02.2015 № 295-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста, залога и запрета определенных действий : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 19.12.2013 № 41, п. 2 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ным делам Верховного Суда РФ обосновала тем, что суд не обсуждал вопрос достаточности доказательств виновности лица¹.

Получается, что при избрании меры пресечения суд обязан проверить обоснованность подозрения, обвинения, что является гарантией от произвольного заключения под стражу, но не должен перейти черту, за которой начинается решение вопроса о виновности такого лица. Однако первоначально Конституционный Суд РФ придерживался иной позиции, а именно считал, что цель заключения лица под стражу – создание надлежащих условий для осуществления производства по делу, решение об этом выносится, если суд полагает, что лицо нарушит свои обязанности. Следовательно, предметом судебного контроля в данном случае были лишь материалы, подтверждающие законность и обоснованность избрания такой меры процессуального принуждения², что, на наш взгляд, соответствует целям применения института мер пресечения.

Свою точку зрения о необходимости вхождения суда в вопрос об обоснованности подозрения или обвинения при избрании меры пресечения Конституционный Суд РФ выразил в 2005 г. под влиянием позиции Европейского суда по правам человека³.

Между тем, несмотря на разъяснения Конституционного Суда РФ и Пленума Верховного Суда РФ, в том числе касающиеся различий между основаниями принятия решения о мере пресечения и о виновности лица, вопрос обеспечения беспристрастности суда до сих пор не решен однозначно, а различные судебные инстанции по-разному трактуют момент, когда можно говорить о том, что судья, осуществляющий контроль за органами предварительного расследования, вышел за рамки своих полномочий и предпринял вопросы будущего судебного разбирательства дела по существу.

Так, Судебная коллегия по уголовным делам Шестого кассационного суда общей юрисдикции, рассмотрев 17 мая 2023 г. уголовное дело, пришла к выводу, что у судьи Л., ранее принимавшего решение о продлении С. срока домашнего ареста, предрешение вопроса о виновности лица выразилось в том, что он указал в своем постановлении о причастности С. к совершению инкриминируемых ему деяний, подтвержденной собранными по делу доказательствами. Однако определением Судебной коллегии по уголовным де-

¹ Кассационное определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 21.03.2023 № 33-УДП2 3-7-КЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Постановление Конституционного Суда РФ от 02.07.1998 № 20-П // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ Определение Конституционного Суда РФ от 12.07.2005 № 330-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

лам Верховного Суда РФ от 17 октября 2023 г. указанное решение Шестого кассационного суда общей юрисдикции было отменено на том основании, что отражение судьей Л. в своем процессуальном документе содержания постановления следователя о возбуждении перед судом ходатайства о продлении С. домашнего ареста, в котором и содержался вывод следователя о причастности С. к совершению инкриминированных ему деяний, относится не к суждениям судьи о виновности лица, а является результатом проверки обоснованности такого ходатайства¹.

Таким образом, обязательство сохранить баланс между необходимостью установления судьей обоснованности подозрения (обвинения) при избрании меры пресечения и обеспечением его беспристрастности приводит к некоторым проблемам на практике. Судья, по сути, вправе только проверить тезисы следователя (дознавателя) о подозрении (обвинении), не высказывая своей позиции по делу в целом и не устанавливая иных обстоятельств в их подтверждение. Хотя иногда речь идет только о правильных формулировках в процессуальных документах, что, по сути, не ограждает судью от возникновения убеждения в виновности лица, в отношении которого избирается мера пресечения.

Проблема сохранения объективности суда актуальна и при решении вопросов в порядке ст. 125, 125.1 УПК РФ. Пытаясь оградить судью от возникновения предвзятого отношения к подозреваемому/обвиняемому, Конституционный и Верховный суды РФ, во-первых, установили полный запрет на обжалование решений и действий должностных лиц, которые требуют от судьи обсуждения вопросов доказанности события преступления, виновности лица и т. п. (например, постановление о привлечении лица в качестве обвиняемого и многие другие), во-вторых, с той же целью наложили ограничения на судью при рассмотрении уже принятых к производству материалов².

Таким образом, высшие суды находятся в постоянном поиске оптимального объема и пределов предоставляемых суду прав при осуществлении судебного контроля. Однако отсутствие однозначного оптимального

¹ Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 17.10.2023 по делу № 46-УД23-30-К6 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Например, при проверке решения об отказе в признании лица потерпевшим суд не предпринимает вопросы о доказанности события преступления, причинения того или иного вреда, а также о достоверности доказательств. Он лишь оценивает факт наличия или отсутствия доказательств, относящихся к возможному причинению лицу вреда деянием, по поводу которого возбуждено уголовное дело (см.: Определение Конституционного Суда РФ от 05.06.2014 № 1534-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»).

решения приводит к тому, что на практике возникают трудности, например, при определении предмета обжалования в порядке ст. 125 УПК РФ, наличия оснований для отвода судьи, если этот судья ознакомился с материалами дела на этапе досудебного производства, и др.

Практика судебного контроля с каждым годом все более усложняется, поэтому ученые стали ставить под сомнение эффективность его осуществления в целом [3, с. 232].

В идеале данную проблему можно решить, отделив функцию осуществления судебного контроля от функции правосудия, возложив их на разные судебные органы (что исключит опасность возникновения судейской предвзятости и откроет возможность наделения следственного судьи более широкой свободой усмотрения при вынесении решения в досудебном производстве). Возможны и другие решения, имеющие свои плюсы и минусы:

1) продолжить корректировать складывающуюся практику осуществления судебного контроля «по ходу», все более усложняя ее и детализируя, поддерживая тем самым бесконечные межинстанционные споры о предмете такого контроля и объеме полномочий судьи при рассмотрении жалоб;

2) довериться судьям, осуществляющим контроль за законностью производства предварительного расследования, предоставить им право самостоятельно решать вопрос об объеме исследуемых материалов для принятия решения, тем более что вынесение любого судебного решения в досудебном производстве не может принципиально повлиять на позицию суда по вопросу о виновности лица, поскольку очевидно, что такое решение основывается на гораздо меньшем объеме доказательств, так как расследование еще не окончено (однако такая широкая свобода усмотрения тоже не всегда целесообразна, поскольку в этом случае существует опасность дублирования полномочий судей, решающих вопросы в досудебном производстве, и при рассмотрении дела по существу);

3) вернуть контрольные полномочия прокурору (при таком варианте вопрос сохранения объективности судьи отпадет, однако у судебного контроля есть одно существенное преимущество – независимость судьи от позиции сторон и незаинтересованность в исходе дела).

Список источников

1. Кашепов В.П. О преобразовании статуса суда в уголовном судопроизводстве / В.П. Кашепов // Журнал российского права. – 2002. – № 12. – С. 25–32.

2. Парфенова М.В. Охрана конституционных прав подозреваемого и обвиняемого в досудебных стадиях уголовного процесса России : научно-методическое пособие / М.В. Парфенова. – Москва : Юрлитинформ, 2004. – 180 с.

3. Россинский С.Б. Размышления об эффективности судебного контроля за производством следственных действий / С.Б. Россинский // Вестник Томского государственного университета. – 2017. – № 423. – С. 225–235.

References

1. Kashepov V.P. On the Transformation of the Status of the Court in Criminal Proceedings. *Zhurnal rossijskogo prava = Journal of Russian Law*, 2002, no. 12, pp. 25–32. (In Russian).

2. Parfenova M.V. Protection of the Constitutional Rights of the Suspect and Accused in the Pre-Trial Stages of the Criminal Process in Russia. Moscow, Yurlitinform Publ., 2004. 180 p.

3. Rossinskiy S.B. Reflections on the Effectiveness of Judicial Control over the Conduct of Investigative Actions. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta = Tomsk State University Journal*, 2017, no. 423, pp. 225–235. (In Russian).

Информация об авторе

Ежова Елена Владимировна – кандидат юридических наук, доцент кафедры уголовного права и процесса Института права

Information about the Author

Yezhova Elena Vladimirovna – Candidate of Sciences (Law), Assistant Professor of the Chair of Criminal Law and Procedure, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 20.03.2024; одобрена после рецензирования 24.04.2024; принята к публикации 24.04.2024.

The article was submitted 20.03.2024; approved after reviewing 24.04.2024; accepted for publication 24.04.2024.

Научная статья

УДК 343

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.6

Исмаилов Магомед Сабир Анверович

Институт мировой экономики, Дербент, Россия, Sa4477bir@mail.ru

ПРАВОВАЯ ПРИРОДА ЗАДЕРЖАНИЯ КАК МЕРЫ УГОЛОВНО-ПРОЦЕССУАЛЬНОГО ПРИНУЖДЕНИЯ

Аннотация. Целью настоящей статьи является анализ правовой природы задержания как меры процессуального принуждения. Рассматриваются основные черты и цели задержания, раскрывается момент фактического задержания и связанные с его определением проблемы практического характера, анализируются вопросы, возникающие в связи с наделением лица статусом подозреваемого в ходе задержания. Сделан вывод о необходимости решения на законодательном уровне проблем, возникающих в ходе применения рассматриваемой меры процессуального принуждения.

Ключевые слова: УПК РФ, задержание, фактическое задержание, мера процессуального принуждения

Для цитирования: Исмаилов М.С.А. Правовая природа задержания как меры уголовно-процессуального принуждения / М.С.А. Исмаилов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.6 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 57–63.

Original article

Ismailov Magomed Sabir Anverovich

Institute of World Economy, Derbent, Russia, Sa4477bir@mail.ru

THE DETENTION LEGAL NATURE AS A MEASURE OF CRIMINAL PROCEDURE COMPULSION

Abstract. The purpose of the article is to analyse the detention legal nature as a measure of criminal procedure compulsion. The detention main purposes are considered, the moment of actual detention and practical problems related to its definition are examined, issues arising in connection with granting a person

the status of a suspect during the detention are analysed. It is concluded that it is necessary to solve at the legislative level the problems that appear during the use of the considered criminal procedure compulsion measure.

Keywords: Criminal Procedure Code of the Russian Federation, detention, actual detention, criminal procedure compulsion.

For citation: Ismailov M.S.A. The Detention Legal Nature as a Measure of Criminal Procedure Compulsion. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2, pp. 57–63. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.6.

Задержание лица, по общему правилу, предполагает ограничение свободы передвижения, осуществляемое вне судебного санкционирования на основании положений ст. 22 Конституции РФ (и это единственный случай-исключение, предполагающий такую возможность на срок не более 48 часов, а в условиях военного положения – на срок не более 30 суток по преступлениям, относящимся к категориям тяжких и особо тяжких). В этой связи ученые и практики уделяют много внимания данной проблеме. Споры ведутся о правовой природе задержания, порядке его осуществления, процессуальном статусе задержанного, а также об особой роли задержания в системе государственного принуждения [1, с. 3].

Российский законодатель напрямую относит задержание к мерам уголовно-процессуального принуждения (ст. 5 УПК РФ). Однако так было не всегда. Например, в УПК РСФСР 1960 г. порядок задержания предусматривался гл. 9 «Дознание», согласно которой право задержания принадлежало органу дознания, после чего прокурор в течение 48 часов решал вопрос о заключении лица под стражу или о его освобождении (ст. 122). Помимо этого, требовалось составить протокол, в котором наряду с основаниями и мотивами задержания содержались объяснения задержанного, что придавало задержанию черты следственного действия, а сам протокол задержания выступал в качестве доказательства по уголовному делу (ст. 87).

Таким образом, задержание как процессуальное действие содержало в себе черты, присущие мерам принуждения, следственным действиям и доказательствам.

В настоящее время задержание – это одна из мер процессуального принуждения (разд. IV УПК РФ). Н.В. Попков полностью разделяет мнение современного законодателя в определении правовой природы рассматриваемого института задержания именно через призму его принудительного характера, что позволяет наиболее полно выделить его черты [1, с. 15]. Однако если рассматривать задержание как комплекс мероприятий, включающий в себя и составление протокола, и допрос, и личный обыск лица, то от-

несение задержания исключительно к мерам принуждения выглядит не так однозначно. На это указывает С.Б. Россинский [2, с. 138].

Выделим основные черты, присущие задержанию.

1. Кратковременность ограничения (лишения) свободы (по общему правилу, на срок не более 48 часов без судебного решения, с возможностью его продления еще на 72 часа, но с санкции суда).

Задержание подозреваемого определяется в ст. 5 УПК РФ как мера процессуального принуждения, которая применяется органом дознания, дознавателем, следователем с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления, то есть с момента, когда человек лишился свободы передвижения. Ограничить свободу может любой человек, застигший лицо на месте совершения преступления, а осуществить процессуальное задержание – только следователь или дознаватель и только после возбуждения уголовного дела. Получается, что в данном случае внепроцессуальная деятельность по ограничению свободы человека становится определяющей при исчислении срока процессуального задержания. Отсюда огромное количество вопросов практического характера (особенно связанных с определением того, какие действия охватываются понятием «фактическое задержание»), многие из которых решаются на уровне определений или постановлений Конституционного Суда РФ:

– момент возникновения права на защиту обусловлен началом реального ограничения свободы, то есть моментом фактического задержания, когда лицо имеет право обратиться к адвокату (защитнику)¹;

– отсутствие правового механизма задержания лица в Федеральном законе «Об оперативно-розыскной деятельности», соответственно, оно осуществляется только по правилам, установленным КоАП РФ или УПК РФ²;

– проводимое в ходе оперативно-розыскной деятельности отождествление личности относится к мерам проверочного характера с целью установления лиц, причастных к преступной деятельности, путем непроцессуального

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 30.11.2021 № 2568-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Конституционного Суда РФ от 15.04.2008 № 312-О-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Определение Конституционного Суда РФ от 22.04.2010 № 533-О-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Определение Конституционного Суда РФ от 27.05.2010 № 704-О-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» ; Определение Конституционного Суда РФ от 23.09.2010 № 1210-О-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

опознания по идентифицирующим признакам и не предполагает применение такой меры принуждения, как задержание отождествляемого лица¹;

– применение предусмотренных согласно ст. 182 УПК РФ к лицам, присутствующим в месте, где производится обыск, запрета покидать его до окончания обыска не охватывается понятием «лишение свободы» в конституционно-правовом смысле, следовательно, не является частью задержания и не включается в 48-часовой срок².

Как видим, самые острые проблемы возникают, когда фактическое задержание производится органами, осуществляющими, оперативную деятельность. Многочисленные обращения в Конституционный Суд РФ свидетельствуют о том, что законодатель до сих пор четко не разграничивает понятия фактического и процессуального задержания. В связи с этим С.Б. Россинский считает, что задержание «всегда было и продолжает оставаться не более чем превентивным полицейским приемом, позволяющим безотлагательно ограничить право человека на свободу и личную неприкосновенность до его передачи в ведение судебно -следственных органов» [3, с. 179]. Остается открытым также вопрос об отграничении административного и уголовно-процессуального задержания. И хотя в основе применения первого лежит совершение административного правонарушения, не исключается в практической деятельности возможность трансформации административного задержания в последующее уголовное преследование лица.

Н.В. Попков считает, что момент фактического задержания является по своему содержанию юридической фикцией (*fictio juris*), вызывающей проблемы правоприменения, решить которые, по мнению автора, возможно разрешением производства задержания до возбуждения уголовного дела и регламентацией порядка доставления задержанного в органы предварительного расследования [1, с. 10]. Г.В. Стародубова также указывает на целесообразность процессуального закрепления положения о незамедлительном доставлении задержанного в орган предварительного расследования, а также обязательности указания в протоколе задержания времени такого доставления [4, с. 22].

2. Обусловленность задержания лица наличием подозрения в совершении им преступления, за которое, по общему правилу, может быть назначено наказание в виде лишения свободы и по которому не истекли сроки давности уголовного преследования. Таким образом, в основе применения рассматриваемой меры принуждения лежит возникновение подозрения в

¹ Определение Конституционного Суда РФ от 15.04.2008 № 312-О-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

² Определение Конституционного Суда РФ от 28.11.2019 № 3206-О // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

совершении лицом уголовно наказуемого деяния, наличие которого констатируется фактом выявления деяния, содержащего признаки преступления. Поскольку первоначальная квалификация преступления дается в постановлении о возбуждении уголовного дела, отсюда еще и обусловленность применения рассматриваемой меры принуждения наличием такого процессуального документа.

В.Ю. Мельников рассматривает подозрение с точки зрения нескольких аспектов:

- как часть деятельности органов предварительного расследования по осуществлению уголовного преследования лица;
- как утверждение о причастности лица к совершению преступления, носящее вероятностный характер;
- как общее условие применения уголовно-процессуального задержания лица [5, с. 7].

В любом случае целью фактического задержания является пресечение противоправной деятельности лица и обеспечение возможности органам предварительного расследования выяснить его причастность к совершению преступления. На это указывает В.А. Семенцов [6, с. 168]. Основная цель процессуального задержания – обеспечение неотложной проверки обоснованности такого возникшего подозрения, предупреждение совершения лицом иных правонарушений или попыток воспрепятствовать расследованию [3, с. 177], а также определение дальнейшей судьбы подозреваемого: будет ли она связана с последующим ограничением свободы в виде избрания заключения под стражу или же с его освобождением. С.Б. Россинский верно указывает, что задержание служит целям превентивного кратковременного ограничения свободы человека для последующего решения вопроса о необходимости его более длительной изоляции от общества [3, с. 176].

3. Перевод лица после задержания в статус подозреваемого. Это необходимо для обеспечения его права на защиту. Однако у ученых нет единого мнения по вопросу о том, в какой конкретно момент человек вводится в статус подозреваемого: после составления протокола задержания или ранее, после доставки лица к следователю или дознавателю. Так, например, В.А. Семенцов на основе проведенного им анализа п. 2 ч. 1 ст. 46 и ч. 1 ст. 92 УПК РФ пришел к выводу о возникновении процессуального статуса подозреваемого именно после доставления лица в орган дознания или к следователю [6, с. 169]. И.С. Тройнина момент фактического захвата указывает в качестве основания возникновения статуса подозреваемого [7, с. 72–73].

Как мы уже отмечали ранее, право требовать участия адвоката у лица появляется с момента, когда ограничение его свободы стало реальным, то есть с момента фактического задержания, а не с момента процессуального

оформления применения рассматриваемой меры принуждения. Поэтому в каком-то смысле можно утверждать, что реализация прав, принадлежащих подозреваемому, начинается с самого начала деятельности, направленной на задержание человека.

Помимо перечисленных, процессуалисты выделяют также такие черты задержания, как его неотложность и незамедлительность, самостоятельность принятия должностным лицом органа предварительного расследования решения о производстве задержания [1, с. 15] (в отличие от УПК РСФСР 1960 г. теперь такое право принадлежит не только дознавателю, но и следователю).

Таким образом, можно констатировать наличие большого количества практических вопросов, которые должны быть решены на законодательном уровне.

Список источников

1. Попков Н.В. Задержание подозреваемого и обвиняемого как вид государственного принуждения : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Н.В. Попков. – Нижний Новгород, 2007. – 26 с.
2. Россинский С.Б. Дискуссия о сущности и правовой природе задержания подозреваемого продолжается... / С.Б. Россинский // Актуальные проблемы российского права. – 2018. – № 6 (91). – С. 134–145.
3. Россинский С.Б. О полицейской природе оснований задержания подозреваемого / С.Б. Россинский // Правовое государство: теория и практика. – 2023. – № 3. – С. 175–181.
4. Стародубова Г.В. Задержание подозреваемого: проблема исчисления срока / Г.В. Стародубова // Юридический вестник Самарского университета. – 2019. – Т. 5, № 1. – С. 20–24.
5. Мельников В.Ю. Задержание подозреваемого : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / В.Ю. Мельников. – Краснодар, 2004. – 26 с.
6. Семенцов В.А. Избранные статьи по уголовному процессу / В.А. Семенцов. – Краснодар : Просвещение-Юг, 2013. – 593 с.
7. Тройнина И.С. Задержание подозреваемого как мера уголовно-процессуального принуждения / И.С. Тройнина // Судебная власть и уголовный процесс. – 2018. – № 3. – С. 69–73.

References

1. Popkov N.V. The Suspect and the Accused Detention as a Type of State Coercion. *Cand. Diss. Theses*. Nizhny Novgorod, 2007. 26 p.

2. Rossinskiy S.B. Discussion about the Essence and Legal Nature of the Suspect's Detention Continues... *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual Problems of Russian Law*, 2018, no. 6 (91), pp. 134–145. (In Russian).

3. Rossinsky S.B. On the Police Nature of the Grounds for Detaining a Suspect. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2023, no. 3, pp. 175–181. (In Russian).

4. Starodubova G.V. Detention of the Suspect: Problem of Calculation of the Term. *Iuridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2019, vol. 5, no. 1, pp. 20–24. (In Russian).

5. Melnikov V.Yu. Suspect Detention. *Cand. Diss. Theses*. Krasnodar, 2004. 26 p.

6. Sementsov V.A. Selected Articles on Criminal Proceedings. Krasnodar, Education-South Publ., 2013. 593 p.

7. Troinina I.S. Detention of the Suspect as Measure of Criminal Procedure Coercion. *Sudebnaya vlast' i ugolovnyj process = Judicial Authority and Criminal Process*, 2018, no. 3, pp. 69–73. (In Russian).

Информация об авторе

Исмаилов Магомед Сабир Анверович – аспирант кафедры юридических и гражданско-правовых дисциплин

Information about the Author

Ismailov Magomed Sabir Anverovich – Postgraduate student of the Chair of Legal and Civil Sciences

Статья поступила в редакцию 20.02.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 20.02.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 343:13

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.7

Латыпов Вадим Сагитьянович

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия,

Vadi-Latypov@yandex.ru

РАЗМЫШЛЕНИЯ О ВОЗМОЖНЫХ ВЕКТОРАХ РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА ПРИОСТАНОВЛЕНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Аннотация. Решение о приостановлении предварительного следствия зачастую является для правоприменительной деятельности единственной возможностью обеспечить реализацию прав и законных интересов лиц, заинтересованных в исходе уголовного дела, без посягательства на разумность сроков расследования до достижения назначения уголовного судопроизводства. Вместе с тем реализация данного института зачастую вызывает неоднозначную реакцию у населения и у контрольно-надзорных государственных органов. Отчасти это обусловлено необходимостью внесения системных изменений в нормативное регулирование института приостановления предварительного расследования с учетом имеющейся правоприменительной практики и результатов научных исследований. В статье предпринята попытка определить возможные пути нормативного развития данного института.

Ключевые слова: уголовное судопроизводство, приостановление предварительного следствия, развитие уголовного процесса, разумность сроков расследования

Для цитирования: Латыпов В.С. Размышления о возможных векторах развития института приостановления предварительного расследования / В.С. Латыпов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.7 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 64–74.

Original article

Latypov Vadim Sagitianovich

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia,
Vadi-Latypov@yandex.ru

REFLECTIONS ON POSSIBLE VECTORS OF THE INSTITUTION OF PRELIMINARY INVESTIGATION SUSPENSION DEVELOPMENT

Abstract. The decision to suspend the preliminary investigation is often the only way for the law-enforcement activity to ensure the rights and legitimate interests of persons interested in the outcome of a criminal case without attack on the reasonable duration of the investigation until the purpose of criminal proceedings is achieved. At the same time, the implementation of the institution often causes ambiguous reactions among the population and the control and supervisory state bodies. This is partly due to the need to introduce the systemic changes in the legal regulation of the institution of preliminary investigation suspension, taking into account the existing law enforcement practice and the results of scientific research. The author makes the attempts to identify possible ways of normative development of this institution.

Keywords: criminal procedure, preliminary investigation suspension, development of criminal proceedings, reasonableness of investigation terms

For citation: Latypov V.S. Reflections on Possible Vectors of the Institution of Preliminary Investigation Suspension Development. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2, pp. 64–74. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.7.

Приоритетом, как и назначением российского уголовного судопроизводства, является защита прав и законных интересов лиц и организаций, пострадавших от преступлений. При этом представляется, что правосудие следует считать справедливым лишь в случае неотвратимости наказания за содеянное противоправное деяние. Однако важно учитывать и тот факт, что время с момента совершения преступления до назначения наказания должно быть объективно минимальным.

Расследование уголовно наказуемого деяния в соответствии с действующим уголовно-процессуальным законодательством должно осуществляться в разумный срок, что позволяет обеспечить рационализацию временного промежутка не только производства правосудия в целом, но и принятия отдельных процессуальных решений. Подчеркивая важность своевременного

сти производства расследования, принятия процессуальных решений, исключая излишнюю спешку и неоправданную волокиту, законодатель определил разумные сроки расследования в качестве самостоятельного принципа уголовного судопроизводства (ст. 6.1 УПК РФ). Вместе с тем при реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства у сторон нередко возникают вопросы, что выражается в соответствующих судебных жалобах¹.

Посягательство на разумность сроков расследования, достижение назначения уголовного судопроизводства следует признать таковым лишь в случае умышленного или неоправданного затягивания властными субъектами сроков решения процедурных вопросов, принятия процессуальных решений. Вместе с тем в процессе расследования могут возникнуть посягающие на сроки предварительного расследования обстоятельства, на которые правоохранительные органы не в силах повлиять по объективным причинам. Для преодоления возникших в процессе расследования уголовного дела обстоятельств, препятствующих осуществлению правосудия без посягательства на установленные законом сроки, законодателем предусмотрен институт приостановления предварительного следствия (гл. 28 УПК РФ).

Актуальность настоящего исследования обусловлена опубликованными на официальном сайте МВД России данными о количестве принятых решений о приостановлении предварительного расследования на примере тяжких и особо тяжких преступлений.

Так, согласно официальной информации, представленной Главным информационным аналитическим центром МВД России за 2023 г., удельный вес от общего числа преступлений данной категории, приостановленных по п. 1–3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, составил 32,8 %, что на 2,8 % больше, чем в 2022 г. Анализ аналогичного показателя в динамике последних 5 лет (2021 г. – 33,2 %, 2020 г. – 32,4 %, 2019 г. – 26,9 %, 2018 г. – 23,1 %, 2017 г. – 21,7 %) позволяет выявить тенденцию к устойчивому росту количества уголовных дел, подлежащих приостановлению по одному из предусмотренных ст. 208 УПК РФ оснований. Представленная статистическая информация позволяет констатировать, что практически каждое третье уголовное дело, возбужденное по подозрению в совершении тяжкого или особо тяжкого преступления, подлежит приостановлению, при этом следует отметить, что удельный вес тяжких и

¹ Апелляционное определение Верховного Суда РФ от 18.07.2022. Дело № АПЛ 22-312 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/myaALTThR5ZY/> (дата обращения: 16.02.2024) ; Апелляционное постановление Рязанского областного суда № 22К-782/2020 от 24.09.2020 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/regular/doc/zdU43jkca8JR/> (дата обращения: 16.03.2024) ; Кассационное определение Верховного Суда РФ от 16.03.2012. Дело № 45-012-13 [Электронный ресурс]. URL: <https://sudact.ru/vsrf/doc/2jQa0ue5J0oW/> (дата обращения: 16.03.2024) и др.

особо тяжких преступлений в числе зарегистрированных возрос с 27,3 в 2022 г. до 30,3 % в 2023 г.¹

Результаты проведенного нами в 2023 г. опроса граждан² свидетельствуют об откровенно негативном отношении населения к возможности принятия решения о приостановлении предварительного следствия до назначения справедливого и законного наказания виновному лицу. Так, отрицательное отношение к существующей возможности приостановления уголовного дела высказали 82,3 % респондентов; восприняли как объективную необходимость – 11,2 %; затруднились ответить – 6,5 %. Позволим себе отметить, что результаты проведенного опроса практически идентичны тем, которые мы получили в 2022 г. в результате аналогичного опроса [1, с. 97]. Полагаем, данное обстоятельство позволяет расценивать эти результаты как отражающие общую позицию населения страны относительно возможности приостановления предварительного расследования.

В рамках проведенного исследования нами предпринята попытка теоретического осмысления возможных вариантов развития данного института.

Исторически институт приостановления предварительного следствия возник сравнительно недавно. Первое упоминание о возможности приостановления уголовного судопроизводства следует датировать 1864 г., оно связано с принятием Устава уголовного судопроизводства Российской империи³. Безусловно, первые нормы, регламентировавшие возможность приостановления предварительного расследования, являлись лишь прообразами современных. Оснований для принятия решения о приостановлении законодатель тогда не предусматривал, но он предусмотрел возможность принятия судом данного решения в случае возникновения ситуации, препятствующей производству по уголовному делу.

Не вдаваясь в детальный исторический анализ, отметим лишь, что каждый последующий нормативный акт, регламентирующий уголовное судопроизводство в нашей стране, предусматривал возможность принятия решения о временном приостановлении уголовного процесса до устранения обстоятельств, препятствующих расследованию дела. В качестве закономерности

¹ Состояние преступности в России за январь – декабрь 2023 г. [Электронный ресурс]. // МВД России : сайт. URL: <https://xn--b1aew.xn--p1ai/reports/item/47055751/> (дата обращения: 16.03.2024).

² Опрос проводился с июля по декабрь 2023 г. в городах Башкортостана, Татарстана и Челябинской области. В нем приняло участие 215 респондентов, из которых 103 – лица женского пола, 112 – мужского. Показатели опроса округлены до десятых.

³ Судебные уставы 20 ноября 1864 года: с изложением рассуждений, на коих они основаны. 2-е изд., доп. Санкт-Петербург : Тип. 2 отделения Собственной Е.И.В. Канцелярии, 1867. Ч. 1.

развития данного процессуального института следует отметить, что он направлен на обеспечение законности, реализацию гарантий прав и свобод заинтересованных участников уголовного судопроизводства, выраженную во временном перерыве, необходимом для устранения предусмотренных законом препятствий, не позволяющих по объективным причинам продолжить расследование. При этом основания для приостановления всегда имели исчерпывающий характер и не подлежали расширенному толкованию, кроме того, отмечается последовательное увеличение количества таких оснований.

Справедливости ради следует отметить, что изложенные в ст. 208 УПК РФ основания для приостановления предварительного следствия, как и условия самого приостановления, заимствованы современным законодательством практически в неизменном виде из УПК РСФСР 1960 г. Это позволяет утверждать, что данный институт не подвергался значительным изменениям более 60 лет. Указанный факт в контексте проводимого исследования подчеркивает историческую значимость как с правоприменительной, так и с научной позиции принятого 19 марта 2024 г. Федерального закона «О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации»¹. Вводимое, указанным законом новое для отечественного уголовного судопроизводства основание для приостановления предварительного следствия следует считать долгожданным началом поступательного развития института приостановления предварительного расследования, в том числе направленного на расширение перечня оснований, как нами и было спрогнозировано в более ранних исследованиях [1, с. 101–102].

Вполне объяснима причина введения нового п. 3.1 ч. 1 ст. 208 УПК РФ, обусловленная проведением специальной военной операции, необходимостью призыва граждан страны на военную службу для обеспечения национальных интересов государства. Надеемся, что это лишь начало предпринятой законодателем нормативной реанимации института приостановления предварительного расследования, достаточно длительное время нуждавшегося в процессуальном совершенствовании.

В подтверждение высказанного тезиса приведем перечень лишь некоторых диссертационных исследований по отдельным проблемам реализации рассматриваемого института в уголовном процессе России: М.С. Егорова «Институт приостановления производства по уголовному делу и обеспечение прав и законных интересов участников уголовного процесса при реализации его норм» (2004), Э.Ф. Закирова «Приостановление предварительного

¹ О внесении изменений в Уголовный кодекс Российской Федерации и Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации : Федеральный закон от 23.03.2024 № 64-ФЗ // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

следствия в случае, когда подозреваемый или обвиняемый скрылся от следствия либо место его нахождения не установлено по иным причинам» (2004), А.М. Попов «Проблемы совершенствования оснований и условий приостановления предварительного следствия» (2004), В.В. Рябчиков «Приостановление и возобновление предварительного расследования» (2006), А.В. Кочетова «Актуальные вопросы института приостановления производства по уголовному делу» (2006), С.М. Якубова «Дифференциация сроков расследования в связи с приостановлением производства по уголовному делу» (2017), И.М. Кунов «Процессуальные полномочия прокурора по обеспечению законности приостановления уголовного дела» (2019) и др. Отмеченное нами длительное отсутствие системных изменений предопределило необходимость определения основных тенденций развития института приостановления предварительного следствия.

В качестве первого направления развития нормативного регулирования видится унификация указанного института вне зависимости от форм расследования, поскольку действующее законодательство предусматривает приостановление лишь предварительного следствия (гл. 28 УПК РФ), что при буквальном толковании закона вызывает определенные вопросы относительно принятия решения при производстве по уголовным делам в форме дознания.

Вторым направлением видится качественное расширение оснований приостановления предварительного расследования. Проведенный нами сравнительно-правовой анализ уголовно-процессуального законодательства постсоветских государств позволяет выделить иные, отличные от привычного российскому уголовному процессу основания для приостановления.

Так, в уголовно-процессуальном законодательстве Республики Молдовы (ст. 287-1 УПК Молдовы) законодателем выделены, помимо прочих, два основания, которые представляют научный и практический интерес:

1) отказ в лишении неприкосновенности или в экстрадиции лица иностранным государством, если уголовное преследование не может быть окончено в его отсутствие;

2) наличие психической или иной тяжелой болезни обвиняемого, препятствующей его участию в производстве по уголовному делу и удостоверенной судебно-медицинским заключением государственного медицинского учреждения.

Учитывая уровень организованной преступности, в том числе имеющей межгосударственный, транснациональный характер, существующую фактическую возможность смены местоположения и страны проживания после совершенного лицом преступления и наличие внешнеполитического напряжения с отдельными недружественными странами, указанные в первом

пункте обстоятельства вполне допустимы и для российской следственной и судебной практики. В связи с изложенным полагаем необходимым рассмотреть возможность имплементации указанного основания в российское уголовное судопроизводство, но после тщательного, детализированного исследования и анализа статистической отчетности указанных обстоятельств.

Второе выделенное нами основание схоже с привычным отечественному правоприменителю, но лишь в части наличия физического заболевания. Считаем прогрессивным разграничение болезней на физические и психические, что соответствует современным представлениям о здоровье и физиологии человека.

При этом любопытно, что еще в Уставе уголовного судопроизводства Российской империи, по мнению С.И. Викторского, можно было выделить фактические и юридические основания приостановления расследования [2, с. 217]. Одним из фактических оснований являлось «безумие, сумасшествие или припадок болезни, приводящей в умоисступление или совершенное беспамятство, если при этом обвиняемый впал в такое болезненное состояние уже после совершения преступления или проступка» [3, с. 290].

В ст. 336, 353–356 Устава была закреплена процедура медицинского освидетельствования. Так, для оценки состояния соматического или психического здоровья привлекались судебные врачи, при невозможности их привлечения – другие военные, гражданские или вольнопрактикующие врачи.

В уголовном процессе Республики Азербайджан и Республики Узбекистан выделено самостоятельное основание приостановления предварительного расследования – нахождение обвиняемого за пределами страны, в которой ведется производство делу, и невозможность обеспечения его явки (ст. 53 УПК Республики Азербайджан, ст. 364 УПК Республики Узбекистан). Считаем, что для российского уголовного судопроизводства данное основание не нуждается в самостоятельном нормативном обособлении и должно быть поглощено уже существующим: место нахождения подозреваемого или обвиняемого известно, но отсутствует реальная возможность их участия в уголовном деле (п. 3 ч. 1 ст. 208 УПК РФ).

Видится достаточно универсальным с позиции правоприменения предусмотренное в белорусском уголовном процессе основание приостановления предварительного расследования, заключающееся в невозможности производства следственных действий, без которых не может быть принято решение об окончании предварительного следствия (ст. 246 УПК Беларуси). Данное основание позволяет лицу, осуществляющему уголовное преследование, принимать решение о приостановлении производства по уголовному делу не только в отсутствие возможности участия в уголовно-процессуальных отношениях подозреваемого и обвиняемого, но и остальных участников про-

цесса. К примеру, отсутствие возможности по объективным причинам участия потерпевшего в следственных действиях (временное тяжелое заболевание, нахождение вне пределов страны и пр.) не позволяет следователю (дознавателю) получить необходимую информацию для установления обстоятельств, подлежащих доказыванию (ст. 73 УПК РФ). Однако действующее уголовно-процессуальное законодательство не предусматривает данное обстоятельство в качестве основания для приостановления предварительного расследования, равно как и в отношении остальных участников уголовного судопроизводства, не являющихся подозреваемыми или обвиняемыми.

Актуальным данное основание видится и в условиях установленного российским законодателем запрета на производство следственных действий по приостановленным уголовным делам.

Убеждены, что данное основание, заключающееся в невозможности производства следственных действий, без которых не может быть принято решение об окончании предварительного следствия, должно найти отражение в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве, что позволит обеспечить реализацию конституционного права на участие в осуществлении правосудия непосредственных участников уголовно-процессуальных отношений.

Основанием приостановления, представляющим интерес в рамках приводимого анализа, является и предусмотренная казахстанским законодателем возможность приостановления в связи с действием обстоятельств непреодолимой силы, временно препятствующих дальнейшему производству по уголовному делу (ст. 45 УПК Республики Казахстан).

Непреодолимая сила как юридическая категория не встречается в российском уголовном и уголовно-процессуальном законодательстве, но имеет место в гражданско-правовых отношениях. Так, согласно п. 3 ст. 401 ГК РФ, п. 8 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 24 марта 2016 г. № 7¹, постановлению Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 июня 2012 г. № 3352/12² непреодолимая сила характеризуется чрезвычайностью и непреодолимостью возникших условий.

Полагаем, следует рассмотреть возможность включения непреодолимой силы в качестве самостоятельного основания приостановления предва-

¹ О применении судами некоторых положений Гражданского кодекса Российской Федерации об ответственности за нарушение обязательств : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 24.03.2016 № 7 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 5.

² Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21.06.2012 № 3352/12 по делу № А40-25926/2011-13-230 // Вестник Высшего Арбитражного Суда РФ. 2012. № 10.

рительного расследования, но для этого требуется определить, что следует понимать под непреодолимой силой, будут ли это обстоятельства техногенного или природного характера, следует ли связывать их с эпидемиологической или военной обстановкой. Вводимое в уголовно-процессуальный оборот понятие непреодолимой силы должно найти отражение в ст. 5 УПК РФ.

Вместе с тем законодателю следует с осторожностью и крайней степенью вдумчивости относиться к вопросу о расширении оснований для приостановления предварительного расследования, поскольку это непременно приведет к существенному росту количества приостановленных уголовных дел. Возможный статистический рост данного показателя, как следствие, приведет к недоверию граждан к правоохранительной системе и системе уголовного правосудия в целом.

Третье направление развития института приостановления предварительного расследования видится в пересмотре запрета на производство следственных действий по приостановленным уголовным делам.

Существующий в российском уголовном процессе указанный запрет объясняется прежде всего недопустимостью инициирования уголовно-процессуальных правоотношений между участниками уголовного процесса, требующих определенных временных затрат, которые должны учитываться в обязательном порядке при производстве следственных действий. Основная же цель приостановления заключается во временной остановке течения сроков расследования. Для устранения указанного противоречия был сформулирован и нормативно закреплен запрет на производство следственных действий по приостановленному уголовному делу.

Среди теоретиков уголовно-процессуального права есть сторонники нормативного разрешения производства следственных действий по приостановленным уголовным делам, а также те, кто предлагает разрешить завершение начатых до приостановления предварительного расследования следственных действий. Однако аргументы авторов указанных подходов не содержат решения проблемы исчисления сроков производства расследования и правового регулирования возникающих или развивающихся при производстве следственных действий уголовно-процессуальных правоотношений.

Мы придерживаемся официальной законодательной позиции о недопустимости преодоления запрета на производство следственных действий по приостановленным делам. При этом мы вполне допускаем существование альтернативной позиции, включающей действенный механизм регулирования уголовного судопроизводства, возможность сбора доказательств путем производства следственных действий по приостановленным уголовным делам.

Проведенное исследование не содержит конкретных законодательных инициатив с авторскими проектами новых или видоизмененных уголовно-

процессуальных норм, вводимых в теорию уголовно-процессуального права новых авторских определений. Ценность данной работы заключается в несколько ином результате, который можно свести к умозаключению о совершенной законодателем долгожданной нормативной реанимации института приостановления предварительного расследования и определению векторов его дальнейшего развития, в том числе путем заимствования положительного зарубежного опыта.

Вместе с тем следует подчеркнуть, что любой из предложенных путей развития данного института требует тщательного научного анализа, заключающегося в самостоятельных научных исследованиях монографического характера, именно поэтому мы не стали в рамках отдельно взятой статьи приводить конкретные нормы, подлежащие совершенствованию. Надеемся, что данная работа позволит обратить внимание научного сообщества на обозначенные вопросы и перспективу развития, а также послужит своего рода основой для изучения данной проблематики и выдвижения новых обоснованных авторских предложений по совершенствованию института приостановления предварительного расследования.

Список источников

1. Латыпов В.С. Институт приостановления предварительного расследования: вопросы теории и нормативного регулирования / В.С. Латыпов // *Lex Russica*. – 2022. – Т. 75, № 10. – С. 95–104.
2. Викторский С.И. Русский уголовный процесс / С.И. Викторский. – Москва : Тип. Императорского Московского университета, 1912. – 425 с.
3. Куанышпекова И.С. История развития института приостановления предварительного следствия / И.С. Куанышпекова, А.С. Ыбрай, Д.М. Мусипова // *Новое слово в науке: перспективы развития*. – 2016. – № 2 (8). – С. 289–291.

References

1. Latypov V.S. Institution of Preliminary Investigation Suspension: Issues of Theory and Statutory Regulation. *Lex Russica*, 2022, vol. 75, no. 10, pp. 95–104. (In Russian).
2. Viktorsky S.I. Russian Criminal Process. Imperial Moscow University Publ., 1912. 425 p.
3. Kuanyshpekova I.S., Ybray A.S., Musipova D.M. History of the Institution of Preliminary Investigation Suspension Development. *Novoe slovo v nauke: perspektivy razvitiya = New Word in Science: Development Prospects*, 2016, no. 2 (8), pp. 289–291. (In Russian).

Информация об авторе**Information about the Author**

Латыпов Вадим Сагитьянович –
доктор юридических наук, доцент,
заместитель начальника кафедры
уголовного процесса, подполковник
полиции

Latypov Vadim Sagitianovich –
Doctor of Law, Associate Professor,
Deputy Head of the Chair of Criminal
Procedure, Lieutenant Colonel of Police

Статья поступила в редакцию 09.03.2024; одобрена после рецензирования 24.03.2024; принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 09.03.2024; approved after reviewing 24.03.2024; accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 34

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.8

Папышева Елена Сергеевна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

papyshev-01@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8157-8805>

СТАТУС ПРОКУРОРА: ПРОЦЕСС ЭВОЛЮЦИИ ИЛИ ИНВОЛЮЦИИ?

Аннотация. В статье рассматриваются ключевые этапы развития прокуратуры Российской Федерации начиная с Концепции судебной реформы в РСФСР 1991 г. и принятия Конституции РФ и заканчивая изменениями конституционного статуса прокуратуры в свете поправок, внесенных в Основной закон в 2014 и 2020 гг. Также анализируется роль прокуратуры в правовой системе государства. Рассмотрены основные тенденции и выявлены некоторые проблемы в формулировании законодательного статуса прокуратуры. Особое внимание уделяется анализу действующей редакции ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации», из которой исключено указание на полномочие прокурора выступать от имени Российской Федерации. Рассматриваются вероятные причины и возможные последствия данного законодательного решения, его несогласованность с нормами процессуального законодательства, в частности с регламентирующими статус и полномочия прокурора в уголовном и гражданском судопроизводствах.

Ключевые слова: государственный обвинитель, от имени Российской Федерации, проводник политической воли, прокурор в гражданском процессе, реформирование прокуратуры

Для цитирования: Папышева Е.С. Статус прокурора: процесс эволюции или инволюции? / Е.С. Папышева. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.8 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 75–83.

Original article

Papysheva Elena Sergeevna

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
papyshev-01@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0001-8157-8805>

THE STATUS OF THE PROSECUTOR: A PROCESS OF EVOLUTION OR INVOLUTION?

Abstract. The article considers the key stages of the Prosecutor's Office of the Russian Federation development, beginning with the concept of judicial reform in the RSFSR in 1991 and the adoption of the Constitution of the Russian Federation and ending with the changes in the constitutional status of the Prosecutor's Office in the light of the amendments to the Basic Law in 2014 and 2020. The role of the prosecutor's office in the legal system of the state is also analysed. The main trends are considered and some problems in the formulation of the procurator's office legal status are identified. Special attention is paid to the analysis of the current wording of Article 1 of the Federal Law «On the Prosecutor's Office of the Russian Federation», that excludes the indication of the prosecutor's authority to act on behalf of the Russian Federation. The probable reasons and possible consequences of this legislative decision, its inconsistency with the norms of procedural legislation, in particular those regulating the status and powers of the prosecutor in criminal and civil proceedings, are considered.

Keywords: state prosecutor, on behalf of the Russian Federation, conductor of political will, prosecutor in civil proceedings, reform of the prosecutor's office

For citation: Papysheva E.S. The Status of the Prosecutor: a Process of Evolution or Involution? *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2, pp. 75–83. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.8.

Введение. Основой российского конституционализма является принцип разделения властей (ст. 10 Конституции РФ). Законодательная, исполнительная и судебная ветви власти независимы и должны обеспечивать систему сдержек и противовесов, гарантирующую стабильность и эффективность государственного управления. Вопрос о месте среди них прокуратуры остается открытым, дискуссионным и, по сути, не решенным в течение всего периода существования Российской Федерации.

Прокуратура, будучи важнейшим правоохранительным органом, призвана обеспечивать законность, защищать права и свободы граждан, интересы общества и государства. Тем не менее точное положение прокуратуры

в структуре разделения властей и объем ее полномочий неоднократно пересматривались и реформировались. Более того, в период преобразования России остро стоял вопрос о целесообразности существования прокуратуры.

Авторы небезызвестной Концепции судебной реформы в РСФСР, утвержденной Верховным Советом РСФСР в 1991 г., хотели видеть прокуратуру «объективным органом обвинительной власти на стадии предварительного расследования» как с правом возбуждения уголовного дела, так и поддержания от имени государства обвинения в суде. Общий надзор прокуратуры признан Концепцией «державным орудием принуждения», также был сделан вывод о «постепенном отмирании общенадзорной функции прокуратуры»¹. Таким образом, Концепция судебной реформы стала отправной точкой планировавшегося преобразования системы органов прокуратуры, изменения ее статуса и роли в правовой системе России.

Изменения, внесенные в Конституцию РФ и законодательство о прокуратуре, отражают сложный процесс поиска оптимальной модели функционирования этого института. Анализ законодательной эволюции статуса прокурора в Российской Федерации позволяет лучше понять сущность и значение этого государственного органа, оценить эффективность проводимых реформ.

В данной статье будут рассмотрены ключевые этапы развития прокуратуры в России, проанализированы изменения ее конституционного и, частично, законодательного статуса, выявлены основные тенденции и проблемы в этой сфере.

Положение прокуратуры по Конституции РФ 1993 г. Конституция РФ, принятая в 1993 г., стала основополагающим документом, определяющим структуру и принципы функционирования государственной власти в стране. Влияние Концепции судебной реформы на содержание Конституции РФ неоспоримо. В результате «давления» названной Концепции норма о прокуратуре была включена в главу Конституции «Судебная власть»², что свидетельствует о стремлении ограничить ее надзорные полномочия. Однако такое расположение статьи не означало, что прокуратура фактически относится к судебной ветви власти, а скорее отражало компромиссный характер принятых решений.

¹ О Концепции судебной реформы в РСФСР : постановление Верховного Совета РСФСР от 24.10.1991 № 1801-1 // Ведомости Съезда народных депутатов РСФСР и Верховного Совета РСФСР. 1991. № 44, ст. 1435.

² Более подробно о причинах появления нормы о прокуратуре в столь краткой форме и об обстановке, в которой это происходило, неоднократно рассказывал А.И. Казанник, занимавший в тот период должность Генерального прокурора РФ (см., например: Петров А. Алексей Казанник: отдал свой мандат Ельцину из чувства справедливости и не жалею об этом [Электронный ресурс]. URL: <https://tass.ru/interviews/3347868?ysclid=lvf365w9gx823034912> (дата обращения: 17.03.2024).

Лаконичная формулировка статьи о прокуратуре в Основном законе оставила значительное пространство для маневра в определении ее полномочий и статуса через федеральное законодательство. Это давало возможность в будущем наделить прокуратуру дополнительными функциями, сохранить существующие или, напротив, ограничить ее роль, без внесения каких-либо изменений в Конституцию. Такая «гибкость» нормы, с одной стороны, позволяла адаптировать институт прокуратуры к меняющимся потребностям общества и государства, с другой – создавала некоторую неопределенность и нестабильность положения прокуратуры.

После принятия Конституции РФ продолжались дискуссии о реформировании прокуратуры, ее месте в системе государственных органов и объеме полномочий. Критики сложившейся модели указывали на чрезмерную централизацию прокурорской системы, сохранение элементов общего надзора, характерных для советского периода. Так, по мнению И.Л. Петрухина, прокуратура «в цивилизованных странах ... является органом исполнительной власти и, по общему правилу, входит в Министерство юстиции» [1, с. 149].

Сторонники существующего положения прокуратуры подчеркивали важность ее как гаранта законности и единства правового пространства страны, необходимость сохранения ее широких полномочий в сфере уголовного преследования и надзора за соблюдением прав граждан [см. об этом подробнее: 2].

Изменения Конституции 2014 и 2020 г., затрагивающие статус прокуратуры. В 2014 г. был сделан важный шаг в сторону признания особого статуса прокуратуры: название главы Конституции, в которой находилась статья о прокуратуре, было изменено на «Судебная власть и прокуратура»¹. Это изменение подчеркнуло, что прокуратура не относится напрямую к судебной власти, а является автономным, самостоятельным государственным институтом с особым конституционно-правовым статусом. Однако реальные полномочия и функции прокуратуры по-прежнему определялись в федеральном законодательстве, которое могло быть изменено без внесения поправок в Конституцию.

Значительные изменения произошли в 2020 г., когда была принята новая редакция ст. 129 Конституции РФ, посвященной прокуратуре². В обновленной норме были закреплены основные функции прокуратуры, включая

¹ Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 05.02.2014 № 2-ФКЗ «О Верховном Суде Российской Федерации и прокуратуре Российской Федерации» // Собрание законодательства РФ. 2014. № 6, ст. 548.

² Закон РФ о поправке к Конституции РФ от 14.03.2020 № 1-ФКЗ «О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти» // Собрание законодательства РФ. 2020. № 11, ст. 1416.

надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, уголовное преследование в соответствии со своими полномочиями.

Признание надзорных полномочий прокуратуры на конституционном уровне стало, без преувеличения, важной вехой в развитии этого института и, казалось бы, ознаменовало победу над идеями ограничения роли прокуратуры, заложенными в Концепции судебной реформы 1991 г. Расширение и конкретизация функций прокуратуры в Основном законе отражали стремление укрепить ее положение как централизованной системы органов, обеспечивающих верховенство закона и единство правового пространства страны.

Таким образом, конституционные поправки 2020 г. стали важным этапом эволюции конституционного статуса прокуратуры в России, закрепили ее ключевые функции и подчеркнули особое место в системе государственных органов как «подсистемы государственной власти Российской Федерации» [3, с. 101]. Однако законодательная реализация этих изменений вызывает настороженность.

Противоречия в законодательстве о прокуратуре. Казалось бы, через почти тридцать лет прокуратура все-таки конституционно укрепила свой уникальный статус надзорного органа. Однако, несмотря на поправки, внесенные в Конституцию в 2020 г., в федеральном законодательстве о прокуратуре возникли некоторые если не противоречия, то неясности. Так, при приведении Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в соответствие с обновленной ст. 129 Конституции РФ из его ст. 1 было неожиданно исключено упоминание о том, что прокуратура осуществляет свои функции от имени Российской Федерации.

Это изменение вызывает вопросы, поскольку не ясно, от чьего имени теперь действует прокуратура и каковы правовые последствия такого исключения. Функции прокуратуры по надзору за соблюдением Конституции и исполнением законов, а также по уголовному преследованию традиционно рассматривались как осуществляемые от имени государства, что подчеркивало их публично-правовой характер.

Прокурор был и остается проводником политической воли руководства страны. «Особая легитимность прокурора необходима ему ... для независимой и процессуализированной реализации в конкретных ситуациях обложенных в правовую ... форму решений политической власти, прежде всего законодательной власти и в значительной мере Президента РФ» [4, с. 214–215]. Прокурор реализует решения государственной власти посредством осуществления надзора за исполнением законов в различных отраслях, в том числе в сфере уголовного судопроизводства. Надзор за соблюдением Конституции РФ и исполнением законов, наделяющий прокурора правом проведения проверок органов исполнительной власти, особый процессу-

альный статус во всех видах судопроизводства с правом обжалования судебных актов поднимает его на более высокий политический уровень. Прокурор, поддерживающий государственное обвинение в суде или осуществляющий надзор за исполнением законов, действует не от своего имени, не от имени федерального ведомства, а от имени государства как представитель государственной власти.

Исключение из текста Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» указания на право действовать от имени Российской Федерации не повлекло каких-либо радикальных изменений статуса и полномочий прокурора в уголовном, гражданском и других видах судопроизводства. Не подверглись редактированию ст. 5 и 37 УПК РФ – прокурор по-прежнему является должностным лицом, уполномоченным осуществлять от имени государства уголовное преследование в ходе уголовного судопроизводства, а также надзор за процессуальной деятельностью органов дознания и предварительного следствия.

Исходя из структуры нормы, полномочия «от имени государства» распространяются как на сферу уголовного преследования, так и надзора. В силу предоставленных ст. 37 ГПК РФ полномочий прокурор вправе обратиться в суд с заявлением в защиту интересов Российской Федерации и других публично-правовых образований. Более того, Федеральным законом от 7 октября 2022 г.¹ прокурор наделен правом по своей инициативе (или инициативе суда) вступать в дело, рассматриваемое судом, на любой стадии процесса для дачи заключения, если предмет спора связан с недружественными действиями иностранных государств. Эти дополнения нормы ст. 37 (аналогичным образом и ст. 52 АПК РФ) подтверждают, что прокурор остается проводником политической воли государственной власти.

Сохранение у прокуратуры полномочий по надзору за исполнением законов, участию в судопроизводстве (и даже их расширение) и координации деятельности правоохранительных органов де-факто подтверждает ее особый статус и роль в защите интересов государства и общества.

С другой стороны, исключение указания в законе на то, что прокуратура осуществляет свои функции от имени Российской Федерации, может толковаться как попытка снизить ее правовой статус и приравнять к государственным органам исполнительной власти (в частности, к органам государственного надзора (контроля), не имеющим особого конституционно-правового положения).

¹ О внесении изменений в статью 52 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации и статью 45 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации : Федеральный закон от 07.10.2022 № 387-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 2022. № 41, ст. 6949.

Возникает и другой вопрос правоприменения: не потребуется ли теперь получать специальные полномочия или согласие государства на реализацию прокурором своих функций от имени государства, например, при обращении в суд с исками и заявлениями в интересах Российской Федерации?

Необходимость получения таких полномочий может существенно усложнить и замедлить работу прокуратуры, снизить ее эффективность и оперативность реагирования на нарушения закона. В связи с этим исключение из Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» указания на осуществление ею функций от имени Российской Федерации представляется спорным решением, которое может иметь негативные последствия для реализации конституционных полномочий прокуратуры и требует дополнительного анализа и толкования.

Заключение. Анализ эволюции статуса прокурора в Российской Федерации показывает, что этот процесс носит сложный, иногда противоречивый характер, отражающий борьбу сторонников исторически сложившейся в России концепции наделения прокурора полномочиями по надзору за органами исполнительной власти (общего надзора) и их противников – приверженцев отнесения прокуратуры к органам судебной или исполнительной власти, сужения функций прокуратуры до поддержания государственного обвинения в суде.

Концепция судебной реформы в РСФСР 1991 г. заложила основу для ограничения полномочий прокуратуры и ее поглощения судебной или исполнительной властью. Однако последующее развитие федерального законодательства и конституционные поправки демонстрируют тенденцию к укреплению статуса прокуратуры как самостоятельного государственного института с широким кругом надзорных полномочий. Исторически сложившаяся концепция наделения прокурора надзорными полномочиями закономерно одержала победу.

Изменения, внесенные в Конституцию РФ в 2014 и 2020 гг., подчеркнули особое положение прокуратуры и закрепили ее ключевые полномочия, что можно рассматривать как важный шаг в развитии российской правовой системы.

В то же время некоторые противоречия¹ и неясности в федеральном законодательстве о прокуратуре, в частности исключение указания на осуществление ею функций от имени Российской Федерации, вызывают вопросы. Названные противоречия могут быть истолкованы как очередная попытка приравнять прокуратуру к государственным органам исполнительной

¹ Например, лишение прокурора права возбуждать уголовное дело. Однако данная проблема не является предметом рассмотрения в рамках настоящей статьи.

власти¹ и уменьшить ее независимость, что идет вразрез с тенденцией конституционного усиления ее статуса.

Возможно, законодатель исходил из того, что указание в Конституции РФ основных функций органов прокуратуры уже предполагает наличие у прокурора полномочий выступать от имени государства и дублирования их в законе теперь не требуется. Но тогда почему это нововведение не коснулось процессуальных кодексов?

Может быть, при формулировании ч. 1 ст. 1 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» в новой редакции была допущена технико-юридическая ошибка и полномочия «от имени Российской Федерации» опущены случайно? Возможны ли такие издержки законотворчества или причины кроются в другом? Эти вопросы остаются открытыми. Время покажет, в каком направлении будет развиваться законодательство о прокуратуре. Наверное, когда-нибудь мы узнаем об истинных причинах рассмотренных изменений закона.

Дальнейшее развитие законодательства о прокуратуре должно быть направлено на устранение существующих противоречий, обеспечение независимости и эффективности работы прокуроров, единства и централизации прокуратуры, отстаивающей публичный интерес, а также на поиск баланса между различными ветвями власти. Опыт развития прокуратуры в России показывает, что ее статус и полномочия не могут рассматриваться как раз и навсегда установленные, они эволюционируют вместе с развитием общества и государства, отвечая на новые вызовы и потребности. К сожалению, иногда этот процесс больше напоминает инволюцию. В этом контексте дальнейшие дискуссии о месте прокуратуры в системе разделения властей, ее функциях и полномочиях представляются актуальными и необходимыми для совершенствования российской правовой системы, поиска оптимальной модели функционирования прокуратуры в системе разделения властей.

Список источников

1. Судебная власть / под ред. И.Л. Петрухина. – Москва, 2002. – 720 с.
2. Бойков А.Д. Третья власть в России / А.Д. Бойков. – Москва, 1997. – 264 с.
3. Карпов Н.Н. К вопросу о правовом статусе прокуратуры Российской Федерации / Н.Н. Карпов // Вестник Московского университета МВД России. – 2022. – № 2. – С. 101–106.

¹ К таковым автор относит установление Федеральным законом от 07.03.2017 № 27-ФЗ «О внесении изменений в Федеральный закон "О прокуратуре Российской Федерации"» порядка проведения прокурорских проверок.

4. Головки Л.В. Государство и его уголовное судопроизводство : монография / Л.В. Головки. – Москва : Городец, 2022. – 464 с.

References

1. Petrukhin I.L. (ed.). Judicial Power. Moscow, 2002. 720 p.
2. Boykov A.D. The Third Power in Russia. Moscow, 1997. 264 p.
3. Karpov N.N. To the Question of the Legal Status of the Prosecutors Office the Russian Federation. *Vestnik Moskovskogo universiteta MVD Rossii = Vestnik of Moscow University of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2022, no. 2, pp. 101–106. (In Russian).
4. Golovko L.V. The State and Its Criminal Procedure. Moscow, Gorodets Publ., 2022. 464 p.

Информация об авторе

Папышева Елена Сергеевна –
кандидат юридических наук, до-
цент кафедры уголовного права и
процесса Институт права

Information about the Author

Papysheva Elena Sergeevna –
Candidate of Sciences (Law), Associate
Professor of the Chair of Criminal Law
and Procedure, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 01.04.2024; одобрена после рецензирования 10.05.2024; принята к публикации 10.05.2024.

The article was submitted 01.04.2024; approved after reviewing 10.05.2024; accepted for publication 10.05.2024.

Научная статья

УДК 343.85

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.9

Романова Галина Валерьевна

Казанский институт (филиал) Всероссийского государственного университета юстиции (РПА Минюста России), Казань, Россия,

GGG341@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7247-5983>

ЗНАЧЕНИЕ ЭЛЕКТРОННЫХ ДОКАЗАТЕЛЬСТВ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ

Аннотация. В настоящее время сформировалась информационная сфера, обеспечиваемая функционированием системы объектов цифровой инфраструктуры. Элементы данной системы, представляющие собой информационные процессы и средства их осуществления с присущими им функциональными возможностями информационных преобразований, связанные с поиском, анализом, хранением и упорядочением информации, могут быть использованы и в качестве технико-криминалистических средств, что предопределяет важность поиска и исследования способов и приемов их интеграции в процессе решения криминалистических задач. Однако внедрение передовых технологий в сферу уголовного судопроизводства, как и их применение, само по себе не способно повысить его качество, но позволяет обратить внимание на детали. Существует значительное количество исследований в области разработки технико-криминалистических средств обнаружения и фиксации цифровых (электронных, виртуальных, компьютерных) следов преступной деятельности, однако большинство из них посвящены вопросам разработки и применения специальных технико-криминалистических средств в судебно-экспертной деятельности. Современные высокотехнологичные разработки, специальные программы должны быть использованы на первоначальных этапах расследования. Грамотно процессуально оформленное обнаружение, фиксация, изъятие и сохранение цифровой информации в значительной мере будет способствовать изобличению всех участников преступного события, их розыску и задержанию, поиску похищенного и в целом обеспечению надежной доказательственной базы для органов предварительного расследования. В статье раскрывается значение электронных доказательств в российском законодательстве и практике его применения.

Ключевые слова: уголовный процесс, досудебное производство, электронное доказательство, уголовное судопроизводство, информация, интернет-ресурсы, преступление, доказывание, интернет-доказательство, оценка доказательств

Для цитирования: Романова Г.В. Значение электронных доказательств в уголовном судопроизводстве / Г.В. Романова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.9 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 84–93.

Original article

Romanova Galina Valeryevna

Kazan Institute (Branch) of All-Russian State University of Justice
(RLA of the Ministry of Justice of Russia), Kazan, Russia,
GGG341@yandex.ru, <https://orcid.org/0000-0002-7247-5983>

THE IMPORTANCE OF DIGITAL EVIDENCE IN CRIMINAL PROCEDURE

Abstract. At present, the information sphere provided by the functioning of the digital infrastructure objects system has been formed. Elements of this system, representing information processes and means of their implementation with inherent functionality of information transformations, associated with the search, analysis, storage and arrangement of information, they can also be used as technical and forensic means, which makes it important to find and explore ways and means of integrating them into the forensic process. The introduction and use of advanced technology in the field of criminal procedure does not in itself increase its quality but allows paying attention to details. There is a significant amount of research in the development of technical and forensic means of detection and fixation of digital (electronic, virtual, computer) traces of criminal activity, but most of them are devoted to the development and application of special technical and forensic means in forensic activities. With the development of modern high technology, special programmes should be used in the initial stages of the investigation. The proper detection, fixation, seizure and preservation of digital information will significantly contribute to the identification of all participants in the criminal event, their search and arrest, the search for stolen goods and, in general, provide a reliable evidence base for the preliminary investigation. The article reveals the significance of digital evidence in the Russian legislation and practice of its application.

Keywords: criminal proceeding, pre-trial procedure, digital evidence, criminal procedure, information, Internet resources, crime, evidence, Internet evidence, evaluation of evidence

For citation: Romanova G.V. The Importance of Digital Evidence in Criminal Procedure. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2, pp. 84–93. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.9.

Фундаментом досудебного судопроизводства, как известно, является доказывание по уголовному делу, содержание которого, согласно уголовно-процессуальному закону, составляет совокупность процедур собирания, проверки и оценки доказательств. Основными способами собирания доказательств выступают следственные действия, являющиеся центральным звеном в системе доказывания, а основной фигурой в сборе доказательственной информации является следователь. Его полномочия по производству следственных действий установлены в ч. 1 ст. 86 УПК РФ и конкретизированы в уголовно-процессуальных нормах, в которых определены основания и порядок производства конкретных следственных действий.

Большинство уголовно-процессуальных норм, в которых установлены основания и порядок производства следственных действий, сконструировано таким образом, что вывод о том, вправе или обязан следователь производить то или иное следственное действие, возможен при наличии определенных условий. Например, информация о том, что фигуранты во время совершения преступления разговаривали по мобильному телефону, инициирует процедуру получения информации о местоположении абонентов, активность которых была проявлена в этом районе. В то же время анализ структуры этих же норм, осуществляемый с учетом процессуальных ситуаций, в которых они используются, говорит о том, что в ряде случаев следователь обязан соблюдать определенный алгоритм, состоящий из последовательно проведенных следственных действий. Наиболее ярким примером служит специфика реализации в доказывании видеофайлов, копирование которых осуществляется при производстве выемки в помещении, где установлен компьютер, записывающий информацию с камер видеонаблюдения.

После проведения выемки электронного носителя информации следователь обязан провести осмотр скопированных видеозаписей. При обнаружении значимой для доказывания информации в ходе просмотра видеофайлов в обязательном порядке назначается судебная экспертиза. В последующем в ходе целого спектра следственных действий имеющаяся информация должна быть использована в качестве доказательственной. Однако в каждой отдельной ситуации применение алгоритма определяется не только

обязанностью проведения конкретного следственного действия, но и правом, которым наделяется следователь. Например, при анализе результатов осмотра места происшествия и сопоставления информации с картографических сервисов следователь может сделать вывод, что при осмотре исследовались не все здания, оборудованные камерами видеонаблюдения, и принять решение о проведении дополнительного осмотра.

Вопрос об уголовно-процессуальной природе электронных доказательств из сети Интернет, как и непосредственно связанный с ним вопрос о сущности цифровых доказательств, является непростым, а в ряде случаев даже спорным. Так, М. Хужин считает интернет-доказательства отдельным видом уголовно-процессуальных доказательств [1]. Н. Меркулов, напротив, придерживается мнения о том, что оснований для такого выделения нет и следует говорить о цифровом носителе информации, а их фиксация не требует специальной уголовно-процессуальной формы [2]. М. Шалумов рассматривает интернет-доказательства как подвид электронных доказательств [3, с. 84].

Таким образом, для одних исследователей и практиков понятия интернет-доказательства и цифровые (электронные) доказательства являются синонимами, для других – отдельными и самостоятельными явлениями, а третьи рассматривают интернет-доказательства как подвид электронных доказательств. При этом каждый автор включает в перечень разновидностей интернет-доказательств разный объем сведений и их источников, что не позволяет установить единое содержание данного понятия.

Между тем решение указанного вопроса имеет важное практическое и теоретическое значение, так как от него зависит, имеется ли необходимость в выделении специфических признаков интернет-доказательств и, соответственно, в разработке методики их сбора, фиксации, использования и оценки в уголовном процессе. Другими словами, наличие у группы доказательств отличительных черт, имеющих процессуальное и материальное значение, обуславливает их выделение в качестве отдельного понятия, полезного для криминалистики и уголовного процесса.

Так, 23 февраля 2022 г. гражданин Е. совершил сделку: продал рублевый код на 900 000 руб. Деньги за продажу поступили на карту Сбербанка, которая была оформлена на девушку Е. После поступления денежных средств карту заблокировали. Оказалось, что поступившая денежная сумма была похищена телефонными мошенниками (схема со звонком из «службы безопасности» крупного банка и просьбой перевести средства на «безопасный счет»). Действия мошенников были заранее продуманы. Жертва мошенников перечислила деньги на счет неизвестного гражданина С., платежную карту которого преступники использовали для похищения денег, а сам граж-

данин С. получал за это определенный процент. Именно со счета гражданина С. денежные средства поступили на карту девушки Е.

Правоохранительные органы раскрыли данную преступную схему и задержали всех участвующих в ней лиц. По версии следствия, Е., С. и мошенники, которые выманили деньги у потерпевшего, действовали в преступном сговоре, о чем свидетельствовала изъятая электронная переписка. За такие действия суд назначил гражданину Е. 2 года условно, а гражданину С. – 2,5 года условно (оба свою вину признали). По мнению суда, молодые люди жили в разных концах России, общались посредством электронных сообщений.

Очевидно, что определяющим признаком интернет-доказательств является их происхождение: для всех в качестве единого источника выступает Интернет. Как нам видится, Интернет представляет собой информационную систему – результат коммуникации и взаимодействия различных устройств, объединенных посредством единого «языка общения» – интернет-протокола.

Если рассматривать Интернет сугубо функционально как способ коммуникации по типу «отправитель – получатель», то он будет выступать источником таких сведений, как электронная переписка, блокчейн-транзакции или базы данных. Эти сведения, как нам представляется, можно отнести к интернет-доказательствам. В то же время следует помнить, что не все базы данных могут иметь отношение к Интернету, некоторые могут существовать автономно.

Такой же подход справедлив и по отношению к электронной почте или блокчейну. Хотя обмен электронными сообщениями или информацией в данном случае осуществляется посредством Интернета, канал связи закрыт от остального информационного пространства. Только отправитель и адресат, а не любой иной пользователь имеют доступ к содержанию электронных сообщений. Интернет здесь выступает не как источник доказательственной информации, а лишь как способ ее передачи между физическими накопителями – серверами. В итоге доказательственная информация хранится на устройствах даже после отключения от Сети: полученные или отправленные сообщения электронной почты записываются на жесткий диск (или сервер-провайдер), а данные о транзакции сохраняются в закрытом электронном кабинете пользователя и на флэш-карте. Иными словами, Интернет в представленных примерах не производит доказательственную информацию, а лишь передает ее между устройствами в Сети. Это влечет за собой ориентированность следствия при поиске указанных доказательств исключительно на физические носители как первичные источники информации.

Единственной обусловленной Интернетом особенностью электронной переписки или иных подобных доказательств является их трансграничная природа, которая порождает сложности в отношении определения места

хранения электронной переписки и заставляет государства более тесно сотрудничать в рамках международной правовой помощи по уголовным делам для исключения риска конфликта юрисдикции правоохранительных органов. С другой стороны, как электронная почта, так и блокчейн, файлообмен или база данных могут быть реализованы и отдельно от Интернета в рамках локальной изолированной подсети, иногда достаточно больших размеров. Такое решение все чаще используется корпорациями (в том числе банками), желающими обезопасить свой внутренний информационный трафик от угроз извне¹.

Если подходить к Интернету как к общему информационному пространству, открытому источнику сведений и цифровой платформе, выходящей за рамки сугубо коммуникационных нужд, интернет-ресурсы обретают собственную, отдельную от физического носителя значимость как источника сведений. В качестве примера приведем случай из следственной практики.

Главным следственным управлением СК России совместно с оперативными службами было выявлено лицо, разместившее на сайте движения «Бессмертный полк» в сети Интернет фотографию лидера Национал-социалистической немецкой рабочей партии Адольфа Гитлера. Как указано в материалах дела, подобные действия преследуют цель одобрения преступлений нацистского режима. Этим лицом оказался житель Воронежа Александр Хорошильцев. По данному факту было возбуждено уголовное дело по признакам преступления, предусмотренного ч. 1 ст. 354.1 УК РФ – реабилитация нацизма, то есть одобрение преступлений, установленных приговором Нюрнбергского военного трибунала, совершенное публично². В отношении Хорошильцева был вынесен обвинительный приговор, он понес заслуженное наказание.

Анализируя данный пример, следует отметить, что в поле зрения следственных органов часто попадают такие сведения, которые не просто передаются посредством Интернета, а генерируются им, то есть образуются в информационном пространстве и адресуются всем пользователям этого пространства. В качестве таковых могут выступать сайты, личные открытые блоги, сайты вакансий и другие ресурсы, которые продуцируются компаниями и (или) пользователями, в том числе совместно, и предназначены для неограниченного круга лиц. Важная особенность таких источников состоит в

¹ Так называемые компьютерные сети, изолированные по принципу «воздушного зазора» (air-gapped networks). См. подробнее: Предприятие с изолированной подсетью: что может пойти не так? [Электронный ресурс]. URL: <https://www.kaspersky.ru/blog/cyberthreats-in-isolated-subnet/31002/> (дата обращения: 12.02.2024).

² Следственный комитет РФ : сайт [Электронный ресурс]. URL: <https://sledcom.ru/news/item/1489166/> (дата обращения: 12.02.2024).

том, что их привязка к Интернету как общему информационному пространству и виртуальной среде намного сильнее, чем к материально-технической инфраструктуре Сети. Не играет существенной роли то, на каком носителе в итоге хранится текст открытого поста в социальной сети или опубликованная вакансия на сайте-агрегаторе, значение имеет сама информация. Причем такая информация из Интернета может иметь не только ориентирующее, как кажется на первый взгляд, но и материально-правовое значение, то есть напрямую определять уголовную квалификацию совершенного деяния.

К примеру, совершение преступных действий через Интернет является квалифицирующим признаком большого количества составов преступлений, предусмотренных УК РФ: п. «д» ч. 2 ст. 110, п. «д» ч. 3 ст. 110.1, ч. 2 ст. 110.2, ч. 2 ст. 128.1, п. «б» ч. 3 ст. 133, ч. 3 ст. 137, п. «в» ч. 2 ст. 151.2 и др. Соответственно, интернет-доказательства могут свидетельствовать о наличии квалифицирующего признака состава преступления, влиять на его правильную квалификацию следствием и судом.

В процессе формирования доказательств по уголовному делу зачастую имеется не только информация, хранящаяся на серверах, но и передающаяся по информационно-телекоммуникационным сетям в режиме онлайн, в частности сообщения электронной почты, переписка в мессенджерах, социальных сетях и т. п. Например, 5 марта 2020 г. неустановленное лицо распространило через электронную почту интимные фотографии 25-летней жительницы Казани. По данному факту следственными органами СК России по Республике Татарстан возбуждено уголовное дело по ч. 1 ст. 137 УК РФ (нарушение неприкосновенности частной жизни). В процессе расследования было установлено, что фотографии были отправлены на электронную почту молодого человека потерпевшей. В ходе грамотно спланированных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий установлен предполагаемый злоумышленник – 29-летний бывший друг потерпевшей¹.

В другом случае следственными органами СК России по Республике Татарстан было проведено расследование уголовного дела в отношении 31-летнего местного жителя, обвиняемого в совершении преступлений, предусмотренных ч. 1 ст. 135 УК РФ (развратные действия), п. «б» ч. 3 ст. 242 (незаконное изготовление и оборот порнографических материалов), п. «б» ч. 4 ст. 132 УК РФ (насильственные действия сексуального характера в отношении лица, не достигшего четырнадцатилетнего возраста). По версии следствия, в 2020–2021 гг. обвиняемый в одной из социальных сетей познакомился с двумя жителями Казани 2007 и 2009 г. р., после чего вел с ними пе-

¹ Следственное управление Следственного комитета РФ по Республике Татарстан : сайт [Электронный ресурс]. URL: Tatarstan.sledcom.ru (дата обращения: 12.02.2024).

реписку интимного характера, направляя порнографические материалы. Родители одного из детей обнаружили эту переписку и обратились в правоохранительные органы. Судом по ходатайству следователя в отношении 31-летнего мужчины была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу.

Полагаем, что нельзя недооценивать общее процессуальное значение интернет-доказательств при расследовании преступлений. Открытые сведения из Интернета могут доказывать:

- связь между преступниками и членами преступных формирований;
- обмен преступным опытом;
- поиск жертвы и орудий преступления;
- поиск соучастников готовящихся преступлений;
- сбыт имущества, добытого преступным путем;
- осуществление расчетно-денежных операций между лицами с целью подготовки и совершения преступлений;
- наличие имущества у подозреваемых и обвиняемых;
- данные, характеризующие фигурантов уголовного дела;
- способ совершения и сокрытия следов преступления.

В отличие от электронной почты и иных закрытых источников открытые данные в Интернете, такие как веб-сайты, форумы, агрегаторы и информационные сервисы, не могут существовать отдельно от Сети, а являются непосредственной частью единого глобального интернет-пространства. Их процессуальная фиксация не требует физического взаимодействия с конкретным материальным носителем, так как информация подобного рода, с одной стороны, доступна для неограниченного круга лиц, а с другой – подвержена постоянным изменениям и модификации.

Трансграничный характер Интернета в отношении таких сведений не усложняет процесс их получения, а упрощает его: если при получении электронной переписки, сохраненной на сервере, находящемся за рубежом, возникает вопрос о границах юрисдикции правоохранительных органов одной страны [4; 5], то в случае с интернет-ресурсами публичный и открытый характер информационных данных обуславливает их использование любым властным субъектом вне зависимости от территориальных границ государств.

Таким образом, в качестве признаков интернет-доказательств можно выделить следующие:

- 1) неразрывная связь с Интернетом;
- 2) доступность информации для потенциально неограниченного круга лиц;

3) независимость презентации информации и доступа к ней от физического носителя (хотя сама она записана на физическом носителе и с технологической стороны неотделима от него).

В заключение отметим, что интернет-доказательство представляет собой информацию, имеющую значение для уголовного дела и неразрывно связанную с Интернетом, что обуславливает ее возникновение и предназначение исключительно для презентации и (или) восприятия в публичном цифровом пространстве неограниченным кругом лиц (а не в закрытой сети с ограниченным количеством пользователей).

Список источников

1. Хужин М. Использование интернет-доказательств в уголовном процессе / М. Хужин // Адвокатская газета. – 2020. – № 20.
2. Меркулов Н. От неподготовленности страдают все / Н. Меркулов // Адвокатская газета. – 2020. – № 20.
3. Шалумов М.С. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве / М.С. Шалумов // Уголовный процесс. – 2021. – №12 (204). – С. 80–85.
4. Jahn M. Digitale Beweismittel im deutschen Strafprozess – Ermittlungsverfahren, Hauptverhandlung und Revision / M. Jahn, D. Brodowski // Digitalisierung und Strafverfahren. – 2020. – № 23 (4). – S. 228–238.
5. Chalmers D. European Union law / D. Chalmers, G. Davies, G. Monti. – Cambridge University Press, 2010. – 1000 p.

References

1. Khuzhin M. Use of Internet Evidence in Criminal Proceedings. *Advokatskaya gazeta = Lawyer's Newspaper*, 2020, no. 20. (In Russian).
2. Merkulov N. Everyone Suffers from Unpreparedness. *Advokatskaya gazeta = Lawyer's Newspaper*, 2020, no. 20. (In Russian).
3. Shalumov M.S. Electronic Evidence in Criminal Proceedings. *Ugolovnyj process = Criminal Procedure*, 2021, no. 12 (204, pp. 80–85. (In Russian).
4. Jahn M., Brodowski D. Digitale Beweismittel im deutschen Strafprozess – Ermittlungsverfahren, Hauptverhandlung und Revision. *Digitalisierung und Strafverfahren*, 2020, no. 23 (4), pp. 228–238.
5. Chalmers D., Davies G., Monti G. European Union Law. Cambridge University Press Publ., 2010. 1000 p.

Информация об авторе

Романова Галина Валерьевна –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного
процесса и криминалистики

Information about the Author

Romanova Galina Valeryevna –
Candidate of Sciences (Law), Associate
Professor of the Chair of Criminal
Procedure and Criminalistics

Статья поступила в редакцию 31.03.2024; одобрена после рецензирования 29.04.2024; принята к публикации 29.04.2024.

The article was submitted 31.03.2024; approved after reviewing 29.04.2024; accepted for publication 29.04.2024.

Научная статья

УДК 343:13

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.10

Свяженина Анна Андреевна

Уфимский юридический институт МВД России, Уфа, Россия,

svyazhenina2024@mail.ru

СОЗДАНИЕ ОСНОВ РОССИЙСКОГО ЮВЕНАЛЬНОГО УГОЛОВНОГО ПРАВОСУДИЯ ПО ОПЫТУ ШВЕЙЦАРСКОГО ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

Аннотация. Представленный в виде автономного кодифицированного закона Ювенальный УПК Швейцарии, не имеющий аналогов в других моделях уголовного судопроизводства, не вызывает никаких сомнений в актуальности для российской юридической науки. О важности дифференцированного уголовного судопроизводства в отношении взрослых и детей говорилось еще в XIX в., однако много ли было сделано для реализации представленного подхода в отечественном и швейцарском законодательстве? Автором принята попытка найти ответ на этот вопрос. В статье рассматриваются особенности правового регулирования участия лиц, не достигших совершеннолетия, в правосудии Российской Федерации и ювенальном уголовном процессе Швейцарии. Определены общие представления о возрасте несовершеннолетнего участника уголовного процесса, проанализирован институт принципов ювенального уголовного процесса, мер принуждения, а также система субъектов. Исследуемые модели уголовного судопроизводства в законодательном плане определяют несовершеннолетних как более уязвимую, требующую особой правовой защиты категорию участников, наделяют их дополнительными юридическими гарантиями и правами.

Ключевые слова: ювенальное судопроизводство, несовершеннолетние, принципы ювенального уголовного процесса, субъекты, меры принуждения

Для цитирования: Свяженина А.А. Создание основ российского ювенального уголовного правосудия по опыту швейцарского законодательства / А.А. Свяженина. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.10 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 94–102.

Original article

Svyazhenina Anna Andreevna

Ufa Law Institute of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Ufa, Russia, svyazhenina2024@mail.ru

CREATING A FRAMEWORK FOR RUSSIAN JUVENILE CRIMINAL JUSTICE BASED ON SWISS EXPERIENCE

Abstract. Presented in the form of an autonomous codified law, the Juvenile CPC of Switzerland, which has no analogues in other models of criminal proceedings, does not raise any doubts about its relevance for the Russian legal science. The importance of differentiated criminal proceedings for adults and children dates back to the nineteenth century, but has much been done to implement this approach in domestic and Swiss law? The author has attempted to answer this question. The article discusses the peculiarities of the legal regulation of minors' participation in the justice of the Russian Federation and in juvenile criminal proceedings in Switzerland. The general ideas about the age of a juvenile participant in criminal proceedings are defined, the institute of principles of juvenile criminal proceedings, coercive measures, as well as the system of subjects are analysed. The investigated models of criminal proceedings in legislative terms define minors as a more vulnerable category of participants requiring special legal protection; endow them with additional legal guarantees and rights.

Keywords: juvenile court proceedings; minors; age of majority; principles of juvenile criminal procedure; subjects; coercive measures

For citation: Svyazhenina A.A. Creating a Framework for Russian Juvenile Criminal Justice Based on Swiss Experience. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2, pp. 94–102. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.10.

Введение. В большинстве современных государств проблемы, связанные с соблюдением и реализацией правового положения (статуса), обеспечением безопасности и гармоничного развития несовершеннолетних лиц, вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения, являются актуальными, стимулирующими поиск инновационных научных способов решений.

Лица, не достигшие 18-летнего возраста, становящиеся участниками уголовного судопроизводства, всегда были объектом повышенного внимания законодателей. Подтверждая сказанное, отметим, что базисными нормативно-правовыми актами, регламентирующими правовое положение (статус) не-

совершеннолетних лиц, в том числе вовлеченных в уголовно-процессуальные отношения, являются: Декларация прав ребенка¹, Конвенция о правах ребенка², Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей³, Решение о защите детства в государствах – участниках СНГ⁴, Закон «Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации»⁵, Указ Президента РФ «О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года»⁶ и др.

Кроме того, как цивилизованное демократическое правовое социальное государство, Российская Федерация активно реализует национальную политику в области обеспечения прав и законных интересов несовершеннолетних. Закрепляя в ч. 1 ст. 38 Конституции РФ положение о том, что институт детства находится под защитой государства, Российская Федерация посредством принятия различных государственных мер и реализации программ (Концепция демографической политики Российской Федерации на период до 2025 г., программа «Десятилетие детства»⁷ и др.) стремится к созданию наиболее благоприятных условий для гармоничного развития детей, обеспечения их комплексной безопасности, в том числе в случаях вовлечения в уголовно-процессуальные отношения.

С сожалением стоит отметить, что официальные данные, представленные Главным информационно-аналитическим центром МВД России, при

¹ Декларация прав ребенка (принята 20.11.1959 резолюцией 1386 (XIV) на 841-м пленарном заседании Генеральной Ассамблеи ООН) // Международная защита прав и свобод человека : сб. документов. М. : Юрид. лит., 1990. С. 358–388.

² Конвенция о правах ребенка (одобрена Генеральной Ассамблеей ООН 20.11.1989 (вступила в силу для СССР 15.09.1990) // Сборник международных договоров СССР. М., 1993. Вып. XLVI.

³ Всемирная декларация об обеспечении выживания, защиты и развития детей (принята 30.09.2000 Всемирной встречей на высшем уровне в интересах детей, Нью-Йорк). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/decl_child90.shtml (дата обращения: 02.04.2024).

⁴ Решение о защите детства в государствах – участниках Содружества Независимых Государств (Минск, 30.11.2000). URL: <https://cis.minsk.by/page/1878/resenie-o-zasite-detstva-v-gosudarstvah-ucastnikah-sodruzestva-nezavisimyh-gosudarstv> (дата обращения: 02.04.2024).

⁵ Об основных гарантиях прав ребенка в Российской Федерации : Федеральный закон от 24.07.1998 № 124-ФЗ // Собрание законодательства РФ. 1998. № 31, ст. 3802.

⁶ О Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 года : Указ Президента РФ от 17.05.2023 № 358 // Собрание законодательства РФ. 2023. № 21, ст. 3696.

⁷ Об объявлении в Российской Федерации Десятилетия детства : Указ Президента РФ от 29.05.2017 № 240 // Собрание законодательства РФ. 2017. № 23, ст. 3309.

всей тенденции снижения количества зарегистрированных преступлений в Российской Федерации свидетельствуют о неукоснительно высоком уровне преступности среди несовершеннолетних. Так, согласно социально-криминологической характеристике преступности за 2023 г. общее количество зарегистрированных преступлений, совершенных несовершеннолетними, составило 27,3 тыс., в 2022 г. – 30,4 тыс., в 2021 г. – 31,8 тыс., в 2020 г. – 37,8 тыс., в 2019 г. – 41,5 тыс.

Важно иметь в виду, что наряду с несовершеннолетними, совершившими преступление (подозреваемые, обвиняемые), в уголовно-процессуальные отношения могут вовлекаться и иные участники (потерпевшие, свидетели), в качестве которых могут выступать и несовершеннолетние, что свидетельствует о возможности реализации ими как традиционных функций – защиты и обвинения, так и функций по оказанию содействия правосудию [1, с. 786].

Компарирование отечественного и швейцарского законодательств.

Согласно положениям теории уголовного процесса судопроизводство с участием несовершеннолетних лиц принято определять как ювенальное. Получивший широкое распространение и международное признание термин «ювенальная юстиция» используется в научных источниках в двух значениях: комплексная деятельность государственных органов и социальных институтов по оказанию юридической помощи и обеспечению защиты и заботы лицам, не достигшим 18-летнего возраста (широкое значение); правосудие, отправляемое специализированными судами по делам несовершеннолетних с привлечением специализированных прокуроров, защитников, педагогических работников и иных лиц (узкое значение). Очевидно, что для настоящего исследования преимущественную роль будет играть ювенальная юстиция в узком значении [2, с. 79].

Возраст совершеннолетия. Методически верным решением при рассмотрении проблемы участия в уголовно-процессуальных отношениях лиц, не достигших совершеннолетия, будет определение самой категории несовершеннолетних. Согласно отечественному уголовно-процессуальному законодательству, выделившему особенности правового регулирования производства по уголовным делам в отношении несовершеннолетних в отдельную гл. 50 УПК РФ, несовершеннолетние – это лица, не достигшие к моменту совершения преступления 18 лет (ч. 1 ст. 420). При этом в законодательстве некоторых стран континентальной Европы, отвечающем современным европейским требованиям по установлению минимального возраста уголовной ответственности, определено, что несовершеннолетними признаются лица в возрасте от 10 до 18 лет (ст. 3 ч. 1 Ювенального УК Швейцарии).

Не подлежит сомнению тот факт, что рубеж в 18 лет неспроста считается началом совершеннолетия. Согласно исследованиям в области возрас-

тной психологии результатами онтогенетического развития личности от 0 до 18 лет являются: овладение способностями брать ответственность за себя; формирование социальных ориентиров, культурных ценностей, авторитетов; когнитивное совершенствование; преодоление зависимостей; развитие способности реагировать на изменения и быстро подстраиваться под обстоятельства [3]. Отечественные исследователи обоснованно утверждают, что, по общему правилу, период взрослости начинается с 18 лет, однако не исключают, что возраст – категория оценочная, требующая индивидуального подхода. К примеру, ст. 61 УК Швейцарии позволяет наряду с традиционными правилами назначения наказания применять специфические, более мягкие санкции для так называемых «молодых взрослых» в возрасте от 18 до 21 года, тем самым обеспечивая реализацию принципа индивидуальности для каждого случая.

Полагаем, что российское законодательство к вопросу определения возраста подходит крайне рационально, с учетом психофизиологических особенностей личности. Поэтому анализ зарубежного опыта в части установления персонифицированного ювенального правосудия позволил бы заимствовать некоторые положения с целью усовершенствования уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних.

Принципы ювенального уголовного процесса. Несмотря на несомненную ценность фундаментальных положений, определяющих логику построения правосудия, отечественное уголовное законодательство устанавливает лишь универсальные принципы, равнозначно применяемые для всех стадий, форм и институтов уголовного судопроизводства. Однако, относя лиц, не достигших 18-летнего возраста, к привилегированной категории, предусматривая для них особые требования, правила производства следственных и иных процессуальных действий, отечественный законодатель проигнорировал фундаментальные основы, систематизирующие и оптимизирующие правосудие в отношении несовершеннолетних.

Положительным представляется опыт Ювенального УПК Швейцарии, определяющего специальные принципы уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних. Акцентируя особое внимание на том, что решающее значение имеют защита и воспитание несовершеннолетнего, законодатель таким образом призывает придавать правосудию по делам несовершеннолетних реституционный характер, объясняющийся важностью обеспечения в первую очередь благополучия ребенка, а далее – назначения наказания. Ввиду особенностей психофизиологического онтогенеза ребенка справедливым считается факт, согласно которому ювенальное уголовное судопроизводство должно исходить исключительно из индивидуального подхода (*Individualisierung des Jugendstraffahrens*) [2, с. 110], принимающего во

внимание возраст и развитие несовершеннолетнего. Ввиду затрудненности, а зачастую невозможности самостоятельно принимать участие в уголовно-процессуальных отношениях несовершеннолетнему со стороны органов уголовного судопроизводства должно оказываться содействие в обеспечении личных прав и активного участия. В целях противодействия чрезмерному вторжению в частную жизнь несовершеннолетнего, а также в сферу влияния его законного представителя компетентные органы должны обеспечивать надлежащий контроль, чтобы соблюдался баланс между личной жизнью детей и правосудием. Очевидно, что психика детей более ранима по сравнению со взрослыми участниками уголовно-процессуальных отношений, поэтому в случаях необходимости органы уголовного судопроизводства должны обеспечить участие законного представителя и органов гражданского права – так называемых внесудебных учреждений, включающих органы опеки, попечительства, комиссии по делам несовершеннолетних и др. Комплексный слаженный подход данных учреждений влияет на достижение назначения уголовного процесса, а также процесс адаптации, приспособления несовершеннолетнего в обществе.

Соглашаясь с важностью развития рассматриваемого института, мы утверждаем, что, закрепляя специальные принципы уголовного судопроизводства с участием несовершеннолетних, отечественное законодательство позволит правоприменителям толковать нормы не только сквозь призму назначения уголовного процесса, но и с учетом психофизиологических особенностей ребенка, обуславливающих его как участника, нуждающегося в особой правовой защите.

Субъекты ювенального уголовного процесса. Согласно анализируемой модели российского уголовного процесса предварительное следствие производится следователями Следственного комитета РФ, в том числе по тяжким и особо тяжким преступлениям, совершенным несовершеннолетними и в отношении них (п. «г» ч. 2 ст. 151 УПК РФ). С сожалением стоит отметить, что данное положение – единственное законодательное упоминание, касающееся специфики органов отправления правосудия с участием несовершеннолетних. Мы разделяем точку зрения некоторых авторов о том, что данных органов уголовного судопроизводства недостаточно для обеспечения всесторонней правовой защиты ребенка [4], поэтому, следуя сложившемуся опыту процессуального законодательства Швейцарии, крайне важно выходить с инициативой о создании специализированной системы органов уголовного судопроизводства, осуществляющих правосудие в отношении несовершеннолетних лиц.

Согласно Ювенальному УПК Швейцарии в систему органов, осуществляющих ювенальное правосудие, входят полиция, следственный орган, су-

ды. В качестве следственного органа выступают ювенальный судья, являющийся членом ювенального суда, ювенальный прокурор, призванный поддерживать обвинение перед ювенальным судом [5, с. 104].

Суды в системе органов швейцарского уголовного процесса классифицируются в зависимости от выполняемых функций. Так, суд по вопросам мер принуждения компетентен предписывать или одобрять заключение под стражу как меру принуждения, иные меры предписываются следственным органам; ювенальный суд призван рассмотреть уголовное дело по существу, при этом ввиду особенностей правосудия для ювенального суда характерно коллегиальное начало. Согласно дифференцированному подходу к определению судебной системы законодатель также предусматривает специализированные инстанции (апелляционная и по вопросам обжалования).

Заслуживает особого внимания следующий любопытный факт. Согласно ст. 13 Ювенального УПК Швейцарии несовершеннолетний на всех стадиях уголовного судопроизводства вправе приглашать доверенное лицо. Буквальное толкование норм позволяет предположить, что наряду с традиционным участником судопроизводства – законным представителем, призванным обеспечить защиту прав и законных интересов несовершеннолетнего, – также возможно участие доверенного лица, вне зависимости от родственных, правовых связей. Эти участники уголовного процесса имеют весьма схожие функции, однако главным преимуществом доверенного лица является то, что оно может быть назначено в целях осуществления воспитания, заботы, лечения и образования, если со стороны родителей надзор за несовершеннолетними недостаточен.

Такая дифференциация субъектов ювенального уголовного процесса позволяет подчеркнуть особенность правосудия, указать на привилегированный характер несовершеннолетних участников, обеспечить беспристрастное принятие решений.

Меры принуждения. Отметим, что в структуре мер процессуального принуждения в российском уголовном судопроизводстве содержится лишь единственная избираемая исключительно в отношении лиц, не достигших 18-летнего возраста, специальная мера – присмотр за несовершеннолетним подозреваемым или обвиняемым. Согласно результатам следственной и судебной практики современное законодательство нуждается в развитии данного института, объясняется это необходимостью осуществления превентивной политики в отношении несовершеннолетних подозреваемых и обвиняемых.

В Ювенальном УПК Швейцарии разработана целая система предупреждающих мер защиты в целях обеспечения интересов несовершеннолетних. Так, суд по вопросам мер принуждения вправе установить надзор за несовершеннолетним, если имеются основания полагать, что родители или взявшие ребенка на воспитание лица не в состоянии обеспечить воспитательное воздействие и

терапевтические меры; не достигнув цели надзора, постановляющий орган может подобрать подходящее лицо, способное оказать содействие родителям в воспитании ребенка. Такие действия реализуются в рамках меры принуждения – личная забота; в случаях отставания ребенка в развитии, наличия у него зависимостей суд назначит амбулаторное лечение, однако в целях более эффективной реализации превентивных мер амбулаторное лечение сочетают с надзором или личной заботой; крайней предупредительной мерой является помещение в учреждение, то есть непосредственная передача несовершеннолетнего частному лицу, воспитательному или лечебному учреждению.

Заключение. Исследование показало, что в целях оптимизации уголовного судопроизводства необходима адаптация в отечественном законодательстве отдельных положений Ювенального УПК Швейцарии, направленных на усиление правовых гарантий несовершеннолетних участников уголовного судопроизводства. Реализация указанного предложения видится в важности внесения в действующее уголовно-процессуальное законодательство России системных комплексных изменений, заключающихся во введении:

- самостоятельных норм уголовно-процессуального законодательства, раскрывающих специальные отраслевые принципы ювенального правосудия, такие как содействие несовершеннолетним в реализации уголовно-процессуальных гарантий (ст. 19.1 УПК РФ), возрастная индивидуальность (ст. 19.2 УПК РФ), оказание правового консультирования (ст. 19.3 УПК РФ);
- специальных ювенальных органов, осуществляющих предварительное расследование, с вовлечением в уголовно-процессуальные отношения несовершеннолетних участников (гл. 6 УПК РФ);
- развитие превентивного института применения мер принуждения в отношении несовершеннолетних участников уголовного процесса (разд. IV УПК РФ).

Безусловно, каждое из указанных нововведений требует самостоятельных научных изысканий, в связи с чем полагаем, что указанное исследование положит начало серии статей по созданию основ российского ювенального уголовного правосудия, в связи с чем призываем научное сообщество поддерживать заявленную научную идею.

Список источников

1. Латыпов В.С. Содействие правосудию как самостоятельная уголовно-процессуальная функция / В.С. Латыпов // Всероссийский криминологический журнал. – 2021. – Т. 15, № 6. – С. 786–796.
2. Трефилов А.А. Военный и ювенальный уголовный процесс Швейцарии : монография / А.А. Трефилов. – Москва : Юрлитинформ, 2024. – 232 с.

3. Возрастная психология : электронный учебник / авт.-сост. Л.Ц. Кагермазова. 276 с. URL: https://chukotkabezsirot.chao.socinfo.ru/media/2019/01/25/1274339953/Vozrastnaya_psixologiya_uchebnik.pdf (дата обращения: 02.04.2024).

4. Спесивов Н.В. Создание специализированной системы правосудия по делам несовершеннолетних: международные стандарты и российская практика / Н.В. Спесивов // Вестник Поволжского института управления. – 2015. – № 2 (47). – С. 62–67.

5. Латыпов В.С. Обеспечение прав несовершеннолетних в уголовном судопроизводстве по законодательству отдельных зарубежных государств / В.С. Латыпов, Н.А. Моругина // Lex Russica. – 2024. – № 77(3). – С. 96–106.

References

1. Latypov V.S. Promotion of Justice as an Independent Criminal Procedure Function. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2021, vol. 15, no. 6, pp. 786–796. (In Russian).

2. Trefilov A.A. Military and Juvenile Criminal Proceedings in Switzerland. Moscow, Yurlitinform Publ., 2024. 232 p.

3. Kagermazova L.Ts. Developmental Psychology. Available at: https://chukotkabezsirot.chao.socinfo.ru/media/2019/01/25/1274339953/Vozrastnaya_psixologiya_uchebnik.pdf.

4. Spesivov N.V. The Creation of a Specialized Juvenile Justice: International Standards and Russian Practice. *Vestnik Povolzhskogo instituta upravleniya = Bulletin of the Volga Region Institute of Administration*, 2015, no. 2 (47), pp. 62–67. (In Russian).

5. Latypov V.S., Morugina N.A. Ensuring the Rights of Minors in Criminal Proceedings under the Legislation of Certain Foreign Countries. *Lex Russica*, 2024, no. 77 (3), pp. 96–106. (In Russian).

Информация об авторе

Свяженина Анна Андреевна –
адъюнкт, лейтенант полиции

Information about the Author

Svyazhenina Anna Andreevna –
adjunct, police lieutenant

Статья поступила в редакцию 29.03.2024; одобрена после рецензирования 05.04.2024; принята к публикации 05.04.2024.

The article was submitted 29.03.2024; approved after reviewing 05.04.2024; accepted for publication 05.04.2024.

Научная статья

УДК 343.1, 343.2

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.11

Ситдикова Гузель Зуфаровна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, g40773@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9650-7225>

ИНТЕРЕС КАК ОСНОВА LEGAL-КОМПЛАЕНСА В УГОЛОВНО-ПРАВОВОЙ СФЕРЕ

Аннотация. Интерес является предпосылкой многих общественных отношений, побуждая к совершению действий или способствуя бездействию. Действия или бездействие становятся центром правоотношения в том случае, если предусмотрены в законе как запрещенные. В уголовно-правовой сфере они рассматриваются как незаконный комплаенс и получают правовую оценку правоприменителя. Legal-комплаенс (правовой комплаенс) и дискреционный комплаенс составляют основу уголовно-процессуальных отношений, направленных на обеспечение процессуальных прав и исследование обстоятельств незаконного комплаенса. Цель: анализ особенностей, признаков и видов legal-комплаенса в уголовном праве и уголовном процессе, формулирование дефиниций и классификаций, касающихся нового правового явления. Методы: эмпирические методы сравнения, описания, интерпретации; теоретические методы формальной и диалектической логики; частнонаучные методы: юридико-догматический и толкования правовых понятий. Результаты: сформулировано понятие legal-комплаенса, определены его виды, основные элементы нового правового института и их характеристики.

Ключевые слова: legal-комплаенс, интерес, процессуальный комплаенс, дискреционный комплаенс, незаконный комплаенс субъекта преступления, комплаенс-риск

Для цитирования: Ситдикова Г.З. Интерес как основа legal-комплаенса в уголовно-правовой сфере / Г.З. Ситдикова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.11 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 103–110.

Original article

Sitdikova Guzel Zufarovna

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia, g40773@yandex.ru,
<https://orcid.org/0000-0001-9650-7225>

INTEREST AS THE BASIS FOR LEGAL-COMPLIANCE IN THE CRIMINAL SPHERE

Abstract. Interest is a prerequisite for many social relationships. It can lead to action or inaction. Actions or inactions that are prohibited by law become the focus of a legal relationship. In the criminal sphere, they are treated as illegal compliance and receive legal assessment of the law-enforcer. Legal-compliance (legal compliance) and discretionary compliance form the basis of criminal procedural relations aimed at ensuring procedural rights and investigating the circumstances of unlawful compliance. Purpose: to analyse the features, attributes and types of legal-compliance in criminal law and criminal procedure, to formulate definitions and classifications concerning the new legal phenomenon. Methods: empirical methods of comparison, description, interpretation; theoretical methods of formal and dialectical logic; private-scientific methods: legal-dogmatic and interpretation of legal concepts. Results: the concept of legal compliance is formulated, its types, main elements of the new legal institution are defined.

Keywords: legal-compliance, interest, procedural compliance, discretionary compliance, unlawful compliance of the subject of crime, compliance-risk

For citation: Sitdikova G.Z. Interest as the Basis for Legal-Compliance in the Criminal Sphere. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2, pp. 103–110. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.11.

Интерес является одной из важных научных категорий, которая широко используется в различных областях знания, в том числе в юридической сфере. Поскольку право регулирует общественные отношения, участниками которых выступают физические или юридические лица, социум или государство, интерес может быть как субъективным, индивидуальным, так и объективным, связанным с социальным благом или общественными потребностями.

Интерес в уголовно-правовой сфере выражается в различных формах.

Во-первых, интерес как побуждающая сила в осуществлении неприемлемых действий, которые уже имеют правовое регулирование в уголовном законе, например, в виде их запрета на территории государства. Особен-

ность уголовно-правовых отношений заключается в том, что на начальной их стадии интерес проявляется в противозаконном поведении субъекта. Находясь в основе криминальной мотивации действий субъекта преступления, противозаконный интерес становится предпосылкой возникновения уголовно-правовых отношений (например, корыстный интерес, иная личная заинтересованность), побуждая к совершению противоправного деяния.

Согласимся с С.Д. Шестаковой в том, что сами по себе потребности не могут оцениваться с точки зрения их законности, пока не проявятся во внешнем поведении и не станут интересом субъекта, который совершил запрещенное правовыми нормами деяние [1, с. 19].

Реализуя свою преступную мотивацию, субъект противоправного деяния ломает одно из звеньев системы правовой защиты и безопасности, созданной законодателем, нарушает права и свободы потерпевшего, покушается на интересы общества или государства.

В начале уголовного правоотношения интерес выражается в незаконном комплаенсе субъекта преступления (*illegal compliance of the subject*) к противоправному поведению, которое в дальнейшем будет центром процессуального интереса, или дискреционного комплаенса органов предварительного расследования и суда. Таким образом, первую форму выражения интереса в уголовно-правовой сфере целесообразно назвать незаконным комплаенсом субъекта (*illegal compliance of the subject*), под которым понимается открытая форма правового нигилизма и делинквентного поведения субъекта преступления, вызванная его противозаконным интересом к нарушению правовых норм и совершению преступления.

Комплаенс (*compliance*) в современном общепринятом значении – это соответствие внутренним или внешним требованиям. Этот термин часто используется в исследованиях экономических отношений. Так, в работе Н.А. Ермаковой и Ч.Ф. Ахуньяновой под ним понимается внутренний аудит организации на соответствие налоговому, банковскому, гражданскому, уголовному законодательству [2, с. 2]. Как видим, деятельность организации оценивается через действия ее работников: бухгалтера, юриста, менеджера, которые в рамках своей должности работают, соблюдая законодательство. В психиатрии комплаенс рассматривается как добровольное выполнение пациентом назначений врача [3, с. 2].

Обратим внимание, что соответствовать внешним требованиям закона, правил поведения, принятых в обществе, внутренним требованиям может только *homo sapiens*, знающий о внешних и внутренних требованиях, последствиях их несоблюдения, имеющий интерес их соблюдать и выражающий волю в соответствующем поведении. COMPLAINT не относится к животным и неживым объектам ввиду невозможности осознания внешних и внутренних

требований, интереса к соответствию им и проявления воли в их соблюдении. В связи с этим не согласимся с мнением о том, что юридический комплаенс – это отраженная в законодательстве система норм, действий и процедур обязательного правового характера, обеспечивающих соответствие общественных отношений установленным на их основе правовым и неправовым предписаниям [4, с. 119]. Система правовых норм, национальное законодательство может соответствовать и не противоречить только Конституции РФ. Правовая норма из статичной фазы переходит в динамичную, если действия субъекта противоречат запрету, установленному в правовой норме.

В уголовно-правовой сфере предлагаем ввести новую дефиницию «legal-комплаенс» (правовой комплаенс). В узком смысле это форма поведения, движимого личным интересом, сформированным правосознанием, соответствующая внешним требованиям закона. В широком смысле legal-комплаенс – это концепция законопослушного поведения большинства граждан государства, которое является нормой в общественном сознании, обладает такими признаками, как наличие личного интереса, правосознания, добровольности соблюдения требований закона.

На признак добровольности обращают внимание В.Ф. Попондопуло и Д.А. Петров, предлагая его как один общий правовой принцип [5, с. 105].

Совершая преступление, физическое лицо демонстрирует государству очевидность своего присутствия за пределами правового пространства, созданного конституцией и законами этого государства. С момента виновного совершения (приготовления или покушения) противоправного деяния его субъект активизирует уголовно-правовые отношения.

Активация преобразует статичную правовую норму уголовного закона в динамичные уголовные правоотношения в виде реализации обязанности государства обеспечить защиту законных интересов потерпевшего, охраняемых уголовным законом благ и общественных отношений, рассматриваемых правоприменителем как объект преступления.

Активация уголовного правоотношения закономерно приводит в действие уголовно-процессуальные правоотношения, в которые включается государственный механизм уголовного преследования. В уголовно-процессуальных отношениях субъект преступления, а он и есть инициатор активации государственного механизма уголовного преследования, наделяется процессуальным статусом – подозреваемый, обвиняемый, подсудимый, осужденный – и соответствующими правами и обязанностями.

На этапе уголовного преследования субъект преступления возвращается в правовое пространство и становится заинтересованным в защите со стороны государства своих прав и законных интересов от какого-либо ограничения или недостаточной степени их реализации. Именно в уголовно-процес-

судебных отношениях субъект преступления, он же подозреваемый или обвиняемый, становится равным с потерпевшим участником уголовного процесса с противоположной заинтересованностью в исходе уголовного преследования.

Как писал В.М. Савицкий, участник уголовного судопроизводства, который отстаивает перед судом определенный охраняемый интерес, пользуется теми же правами, которыми обладает участник судопроизводства, отстаивающий противоположный интерес [6, с. 96].

Таким образом, преследуя при совершении преступления противозаконный интерес, субъект выступает против интересов государства, создавшего систему правовой защиты и национальной безопасности, охраны прав и свобод человека и гражданина, общественных и государственных интересов. Создается антагонизм интересов государства и субъекта преступления, то есть неприемлемость государством противозаконных действий, посягающих на охраняемые конституцией и законами общественные отношения, блага, права и свободы человека и гражданина, декларированные на уровне общепризнанных в мировом сообществе принципов. Антагонизм интересов государства и субъекта преступления закономерно влечет обязанность государства применить меры уголовной ответственности к виновному. Комплаенс-риск (compliance risk) в уголовно-правовой сфере – это неотвратимость уголовной ответственности, предусмотренной за нарушение границ и условий правового пространства, которую может и должен предполагать субъект преступления, следуя незаконному комплаенсу.

Незаконный комплаенс, выражающий делинквентный интерес субъекта, получает правовую оценку со стороны органов уголовного преследования и суда при квалификации действий субъекта преступления.

Вторая форма интереса в юридической сфере выражается в качестве критерия для определения справедливости и эффективности правовых норм и институтов – обеспеченный законом интерес (legally secured interest).

Обеспеченный законом интерес – это двухуровневая система правовых гарантий государства по обеспечению соблюдения конституционных и процессуальных прав участников уголовного процесса.

Интересы стороны обвинения и защиты при разрешении социального конфликта, по поводу которого проводится расследование или рассмотрение уголовного дела, реализуются на первом уровне их обеспечения и лежат в основе объективного и справедливого решения по уголовному делу. Неудовлетворенность решением, вынесенным по уголовному делу должностным лицом органа дознания или предварительного расследования, судом, приводит к переходу на второй уровень обеспечения интересов – обжалование. Обжалование предоставляет возможность обращения к вышестоя-

щему должностному лицу, в прокуратору или в суд за защитой имеющегося интереса вследствие его нереализованности или недостаточной реализации на первом уровне.

На этом уровне незаконный комплаенс заменяется процессуальным комплаенсом, в котором и подозреваемый, и потерпевший проявляют соответствие внешним требованиям уголовно-процессуального закона и ожидают максимальной реализации своих прав и удовлетворения процессуального интереса.

По мнению Х.М. Лукажева, процессуальный интерес – это выраженная в конкретном поведении участника уголовного судопроизводства потребность к тому, чтобы итогом уголовно-процессуальной деятельности стал определенный устраивающий его результат [7, с. 291].

Как пишет С.Д. Шестакова, процессуальный интерес может быть законным и тогда, когда его субъект стремится к результату, на который он в рамках уголовного правоотношения права не имеет [1, с. 19], например, подозреваемый, обвиняемый не ограничен запретом на дачу ложных показаний.

Применение в уголовно-правовых и уголовно-процессуальных отношениях дозволительных и поощрительных методов, касающихся интереса, не устраняет незаконный комплаенс субъекта и может усугубиться делинквентным поведением в будущем.

Третья форма интереса в уголовно-правовой сфере реализуется государством в лице органов уголовного преследования, исполняющих назначение уголовного судопроизводства. Эта форма проявляется в дискреционном комплаенсе, который выражает публичный интерес и предусматривает обязанность государства организовать, обеспечить в лице органов уголовного преследования и суда объективное, всестороннее и полное расследование и рассмотрение уголовного дела в целях установления истины, справедливого разрешения социального конфликта в интересах правосудия. В дискреционном комплаенсе выражается процессуальный интерес органов, уполномоченных государством на осуществление уголовного преследования и правосудия.

Формулирование новых научных дефиниций – legal-комплаенс, процессуальный комплаенс, дискреционный комплаенс, незаконный комплаенс субъекта преступления, комплаенс-риск, – касающихся интереса в уголовно-правовой сфере, и их правовых признаков позволяет точно определить составляющие элементы уголовного правоотношения, его предпосылки, а также основу уголовно-процессуальных отношений, направленных на установление истины по делу.

Список источников

1. Шестакова С.Д. Состязательность уголовного процесса / С.Д. Шестакова. – Санкт-Петербург : Юридический центр Пресс, 2001. – 210 с.
2. Ермакова Н.А. Комплаенс-контроль в системе внутреннего контроля корпораций / Н.А. Ермакова, Ч.Ф. Ахуньянова // Международный бухгалтерский учет. – 2014. – № 3 (297). – С. 2–10.
3. Соколов В.П. Проблемы комплаенса в психиатрии / В.П. Соколов, И.В. Белокрылов [Электронный ресурс] // Материалы XIX международного конгресса «Здоровье и образование в XXI веке». 18–20 декабря 2017 г. – Москва, 2017. – Т. 19. – С. 254–255. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/problema-komplaensa-v-psihiatrii?ysclid=lwvxpy2fz691212346> (дата обращения 15.04.2024).
4. Головкин Р.Б. Механизмы цифровизации права и юридический комплаенс : учебное пособие / Р.Б. Головкин, Е.Р. Крайнова, В.С. Манохин ; под ред. Р.Б. Головкина. – Владимир : Изд-во ВлГУ, 2022. – 170 с. [Электронный ресурс]. – URL: <https://dspace.www1.vlsu.ru/bitstream/123456789/9677/1/02381.pdf> (дата обращения 22.04.2024).
5. Попондопуло В.Ф. Комплаенс как правовой инструмент минимизации рисков и профилактики правонарушений / В.Ф. Попондопуло, Д.А. Петров // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета. Право. – 2020. – Вып. 14. – С. 102–114 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42642210&ysclid=lwvy3ufoem972320995> (дата обращения 20.04.2024).
6. Савицкий В.М. Государственное обвинение в суде / В.М. Савицкий. – Москва : Наука. 1971. – 342 с.
7. Лукажев М.Х. Процессуальный интерес прокурора, участвующего в качестве государственного обвинителя в суде / М.Х. Лукажев // Актуальные проблемы российского права. – 2010. – № 1. – С. 289–295.

References

1. Shestakova S.D. Adversarial Nature of the Criminal Process. Saint Petersburg, Yuridicheskij centr Press Publ., 2001. 210 p.
2. Ermakova N.A., Akhunyanova Ch.F. Compliance Control in the Corporations' Internal Control System. *Mezhdunarodnyj buhgalterskij uchet = International Accounting*, 2014, no. 3 (297), pp. 2–10. (In Russian).
3. Sokolov V.P., Belokrylov I.V. The Problem of Compliance in Psychiatry. Materials of the XIX International Congress «Health and Education in the XXI Century». December 18–20, 2017. Moscow, 2017. Vol. 19, pp. 254–255. Available at:

<https://cyberleninka.ru/article/n/problema-komplaensa-v-psihiatrii?ysclid=lwvxpy2fz691212346>.

4. Golovkin R.B., Krainova E.R., Manokhin V.S.; Golovkin R.B. (ed.). Mechanisms of Law Digitalization and Legal Compliance. Vladimir State University Publ., 2022. 170 p. Available at: <https://dspace.www1.vlsu.ru/bitstream/123456789/9677/1/02381.pdf>.

5. Popondopulo V.F., Petrov D.A. Compliance as a Legal Instrument for Minimizing Risks and Prevention of Offences. *Pravo = Vestnik of St. Petersburg State University. Right*, 2020, iss. 14, pp. 102–114. Available at: <https://www.elibrary.ru/item.asp?id=42642210&ysclid=lwvy3ufoem972320995> (access date 04/20/2024).

6. Savitsky V.M. State Prosecution in Court. Moscow, Nauka Publ., 1971. 342 p.

7. Lukazhev M.Kh. Procedural Interest of the Prosecutor Participating as a State Prosecutor in Court. *Aktual'nye problemy rossijskogo prava = Actual problems of Russian law*, 2010, no. 1, pp. 289–295. (In Russian).

Информация об авторе

Ситдикова Гузель Зуфаровна –
кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного права
и процесса, Институт права

Information about the Author

Sitdikova Guzel Zufarovna –
Candidate of Sciences (Law), Associate
Professor of the Chair of Criminal Law
and Procedure, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 13.05.2024; одобрена после рецензирования 14.06.2024; принята к публикации 15.06.2024.

The article was submitted 13.05.2024; approved after reviewing 14.06.2024; accepted for publication 15.06.2024.

Научная статья

УДК 343.1

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.12

Тарасов Александр Алексеевич

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия, aatar@mail.ru

«НАРОДНЫЙ ЭЛЕМЕНТ» В ПРАВОСУДИИ: МИРОВЫЕ ТЕНДЕНЦИИ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ

Аннотация. Участие представителей общества в качестве непрофессиональных судей по уголовным делам – явление, получившее в мировой юридической практике массовое распространение. Вопреки кажущейся очевидности утверждения, будто бы непрофессионал неспособен рассудить юридический спор, количество стран, не допускающих в правосудие «народный элемент» в той или иной форме, традиционно ничтожно мало. Цель: показать, что принципиальный выбор между исключительно «профессиональным» уголовным правосудием и правосудием «с народным элементом», а также выбор процедурных форм использования «народного элемента» в мировой истории всегда зависел от конкретных социально-политических условий существования конкретных государств в конкретный период их развития. На основе сравнительно-правового и исторического методов показано, что при всем разнообразии национальных вариантов народного участия в правосудии мировая практика выработала две их принципиально различающиеся модели, которые условно можно назвать «судом присяжных» и «судом шеффенов». Система разграничительных критериев между этими моделями продемонстрировала свою историческую подвижность, что потребовало в современных исследованиях разделить признаки обеих моделей на субстанциальные (сущностные) и субсидиарные (факультативные). Результат: сформулирован вывод о том, что «народный элемент» в правосудии – это выходящий далеко за рамки уголовного судопроизводства диалог государства и общества. Правильное определение сущностных признаков моделей народного участия в правосудии, возможность их комбинирования в национальных правовых системах или смешения в каких-то гибридных формах нуждается в теоретическом анализе в целях решения практических задач оптимизации функционирования судебной власти в любой стране.

Ключевые слова: «народный элемент», правосудие, суд присяжных, суд шеффенов

Для цитирования: Тарасов А.А. «Народный элемент» в правосудии: мировые тенденции и национальные особенности / А.А. Тарасов. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.12 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 111–123.

Original article

Tarasov Aleksandr Alekseyevich

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, aatar@mail.ru

«PEOPLE'S ELEMENT» IN JUSTICE: WORLD TRENDS AND NATIONAL PECULIARITIES

Abstract. The participation of public representatives as non-professional judges in criminal cases is a phenomenon that has become popular in world legal practice. Contrary to the apparent evidence that the layperson is incapable in judging legal disputes, the number of countries that do not admit the «people's element» in one form or another is traditionally negligible. The purpose is to show that the fundamental choice between exclusively «professional» criminal justice and justice «with a human element» and the choice of procedural forms of using the «people's element» in world history have always depended on the specific social and political conditions of the states in the specific period of their development. Based on the comparative legal and historical methods, it is shown that despite the diversity of lay participation in justice, world practice has developed two fundamentally different models, which can be conditionally called «jury» and «court of lay assessors». The system of distinguishing criteria between these models has demonstrated its historical mobility, which has required modern studies to divide the features of both models into substantive (essential) and subsidiary (optional). The result: The conclusion is formulated that the «people's element» in justice is a dialogue between the state and the society that goes far beyond criminal proceedings. The correct definition of models of lay participation' essential features in justice, the possibility of combining them in national legal systems or mixing them in some hybrid forms need theoretical analysis in order to solve practical problems of optimizing the functioning of the judiciary in any country.

Keywords: «people's element», justice, jury, court of lay assessors

For citation: Tarasov A.A. «People's Element» in Justice: World Trends and National Peculiarities. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2, pp. 111–123. (In Russian). 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.12.

Введение. Участие представителей общества в качестве непрофессиональных судей по уголовным делам – явление, получившее в мировой юридической практике массовое распространение. Даже поверхностный анализ специальной литературы по проблемам народного участия в правосудии позволяет выявить примечательную закономерность: обсуждение любого вопроса, связанного с привлечением непрофессиональных участников в составы судов по уголовным делам, практически в каждой стране делит примерно пополам и профессиональное сообщество, и общество в целом. Касается это в равной мере и тех судебных коллегий, в которых представители общества заседают совместно с профессиональными судьями (условно их принято называть «судом шеффенов») и совместно решают все вопросы уголовного дела, и тех самостоятельных коллегий народных представителей, которые изолированно от профессиональных судей решают вопрос о доказанности факта совершения преступления конкретным подсудимым и о его виновности либо невиновности (суд присяжных). Два названных типа «народного элемента» разграничены в мире относительно стабильно¹, хотя о значимости конкретных типологических признаков, лежащих в основе такого деления, можно спорить. Однако здесь важно подчеркнуть, что используемые в законодательстве разных государств термины без анализа сущности самой процессуальной формы народного участия в суде способны ввести неискушенного исследователя в заблуждение [1, с. 139].

Вечные дискуссии о «народном элементе» в правосудии. Тезисы и аргументы, звучащие с обеих сторон в этих не прекращающихся веками дискуссиях, нередко снабжались и снабжаются такими эпитетами, как «бесспорно» и «очевидно» или, напротив, «нонсенс» и даже «бред». Большинство и тезисов, и аргументов повторялись в истории многократно, столь же многократно опровергались, повторялись вновь и вновь опровергались. Никакой объем научного труда не позволил бы даже просто перечислить используемые в таких спорах суждения и аргументы. Обозначим лишь крайние из них, а потому грешащие, на наш взгляд, приблизительно равной степенью субъективизма и одной из самых распространенных логических ошибок, именуемых в формальной логике «доводом к публике», то есть подменой содержательных аргументов прямым обращением к эмоциям адресатов. Для горячих сторонников суда присяжных аргумент подобного рода в предельно упрощенном варианте выглядит так: простым среднестатистическим людям, не являющимся профессиональными юристами, настолько важны

¹ Титаев К. Два способа участия граждан в роли присяжных и народных заседателей в суде [Электронный ресурс] // Ведомости. 2015. 25 марта. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2015/03/26/dva-sposoba-uchastiya-grazhdan-v-rabote-sudov> (дата обращения: 29.03.2024).

проблемы правосудия и судьбы подсудимых, решающиеся в судах, что если дать этим людям возможность, они охотно пойдут в судебный процесс с решающим голосом и поступят по совести: осудят виновного или оправдают невиновного. Практика многих стран показала избыточный романтизм таких представлений о народном участии в правосудии – и в суды идут люди в ущерб своим повседневным занятиям неохотно, и судят далеко не всегда по совести, а лишь бы побыстрее освободиться.

Однако и крайняя негативная оценка «народного элемента» в правосудии как основанного на безответственном популизме какой-то части правящей политической элиты, дорогостоящего и организационно обременительного препятствия для самого профессионального правосудия выглядит не более привлекательно при внимательном ее анализе. При всей очевидности самого распространенного в профессиональной юридической среде мнения о недоступности для понимания непрофессионалом юридической материи, являющейся предметом судебного разбирательства, количество стран, не допускающих в правосудие «народный элемент» в той или иной форме, традиционно ничтожно мало. К их числу относятся, например, Королевство Нидерланды, Доминиканская Республика и Аргентина. В причинах пополнения этой группы стран, равно как и выхода из нее на определенных этапах истории трудно уловить какие-то устойчивые закономерности. Это не удастся сделать даже на ограниченном в общемировых масштабах постсоветском пространстве. Республика Молдова вовсе отказалась от «народного элемента», тогда как Прибалтийские республики восприняли «шеффенское» правосудие, близкое не только к современной германской модели народного участия, но и к идее советских народных заседателей – выборных представителей больших социальных групп, участвующих в работе суда в единой коллегии с профессиональным судьей. Россия возродила классическую модель суда присяжных, Казахстан – особый гибрид между судом присяжных и судом шеффенов.

В средневековой монархической Англии институт непрофессиональных присяжных заседателей возник и развивался на почве непрекращающихся протестов сильной местной аристократии против «коронных судей», представлявших интересы короля в графствах. В таком же режиме, как известно, в XII в. английские бароны вынудили очевидно слабого иноземного монарха Иоанна Безземельного подписать Великую хартию вольностей, во многих положениях касавшуюся организации правосудия. Впоследствии более сильные английские монархи предпочитали договариваться с баронами, в том числе и по вопросам правосудия, что обусловило первоначальное привлечение в коллегии присяжных наиболее уважаемых граждан данного территориального образования и использование их вердиктов в качестве консолидированных свидетельских показаний. С этими же дого-

воренностями, как полагаем, связана и возможность подвергнуть недобросовестных присяжных взысканиям, причем не только ощутимым денежным штрафам, но и телесным наказаниям. «Народный элемент» в правосудии, прежде всего в уголовном, возникал и укреплялся, таким образом, как способ упорядочивания и умиротворения взаимоотношений между государством как официальной формой организации жизни общества и самим этим обществом, в реальной действительности не совпадающим полностью ни с одной из форм организации публичной власти, а потому объективно требующим такого «упорядочивания» и «умиротворения». Профессиональные юридические знания королевских и иных государственных чиновников в этой схеме оказывались не только не единственным, но даже и не главным системообразующим фактором. Главным было стремление государства расширить социальную базу собственного существования за счет обращения непосредственно к населению страны или к какой-то его влиятельной части с предложением участвовать в одной из наиболее заметных для большинства этого населения форм реализации публичной власти – в отправлении правосудия по уголовным делам. Одним лишь аппаратом государственных чиновников эту проблему решить было нельзя – любой чиновник, в том числе и судья, объективными условиями осуществления своей деятельности всегда был отгорожен от населения и поставлен как бы «над ним», что непременно рано или поздно становится причиной недоверия к нему со стороны населения.

Принципиальный выбор между исключительно «профессиональным» уголовным правосудием и правосудием с «народным элементом», а также выбор процедурных форм использования «народного элемента» в мировой истории всегда зависел от конкретных социально-политических условий существования конкретных государств в конкретный период, а потому всегда был и остается достаточно подвижным. При всем разнообразии национальных вариантов народного участия в правосудии мировая практика выявила две их принципиально различающиеся модели, которые условно можно назвать «судом присяжных» и «судом шеффенов». Революционная Франция в конце XVIII в. заимствует английскую модель суда присяжных – с самостоятельным решением коллегией непрофессиональных случайно отобранных судей вопроса о доказанности обвинения и виновности подсудимого. Именно Франция с военными победами Наполеона в начале XIX в. распространяет эту ставшую классической английскую модель суда присяжных почти по всей Европе. Фактическая ликвидация суда присяжных во Франции приходится на начало гитлеровской оккупации в 1940 г. (ордонанс маршала Петена), юридическая – на конец Второй мировой войны (специальный закон 1945 г.). На смену английскому варианту суда присяжных приходит суд ассизов – пред-

ставителей общества, заседающих в единой коллегии с несколькими профессиональными судьями. В российской уголовно-процессуальной литературе встречаются суждения о необходимости использования положительного опыта суда присяжных в современной Франции в части процессуального паритета прав профессиональных и непрофессиональных судей в исследовании доказательств [2, с. 18].

Такого рода суждения, довольно распространенные в современной литературе, основаны на принципиальном непонимании того, что в современной Франции нет суда присяжных в той форме, в которой он существует в современной России, и «усовершенствование» российского суда присяжных «по французскому образцу» означало бы его ликвидацию. Так же выглядят и попытки реформировать российский суд присяжных «по примеру Германии», которая в 1920-х годах отказалась от навязанной Францией («на штыках наполеоновских армий», как писал М.А. Чельцов-Бебутов [3, с. 556]) классической английской модели суда присяжных и вернулась к традиционному для самой Германии шеффенскому суду.

Ошибочные суждения, основанные на смешении разных форм участия народных представителей в правосудии, встречаются и в более поздних научных исследованиях, что проанализировано и подвергнуто критической оценке в литературе последних лет [1, с. 139–140].

В числе самых обсуждаемых «недостатков» традиционного англосаксонского суда присяжных, а значит и один из самых «весомых» аргументов его откровенных противников, – это явление так называемой нуллификации, то есть вынесения оправдательного вердикта при несомненной доказанности виновности подсудимого, нередко при его собственном настойчивом признании в совершении именно этого преступления. Ю.В. Стрелкова на основе анализа практики деятельности суда присяжных в разных государствах убедительно доказывает, что это именно социальное явление, достойное изучения и специально изучаемое в профессиональном научном сообществе. Как правило, нуллификация представляет собой форму общественного протеста против несправедливого уголовного закона или несовершенства системы правосудия в конкретной стране в конкретный период ее истории [4, с. 85].

В литературе правильно подчеркивается, что практика вынесения присяжными так называемых нуллифицирующих оправдательных вердиктов вопреки действительно доказанным, с точки зрения профессионала, основаниям виновности подсудимого – это вовсе не сбой в работе суда присяжных, а имманентное его свойство. Л.В. Головкин называет нуллификацию уголовного закона институциональным признаком суда присяжных, призывает принять его как данность и солидаризируется с мнением американско-

го профессора Ст. Теймана о том, что отрицать нуллификацию означает отрицать сам суд присяжных [5, с. 61–62].

Французские присяжные, когда они еще были таковыми в традиционном английском варианте, в октябре 1927 г. показали миру один из самых ярких образцов нуллификации – оправдательный вердикт по делу Самуила Шварцбурда об убийстве в Париже Симона Петлюры, который в современной Украине считается национальным героем, павшим жертвой спланированного убийства, а убийца к тому же еще и избежал наказания. Тот же, кто убил Петлюру и публично признался в этом, в современном Израиле признан национальным героем, справедливо казнившим главного виновника жесточайших еврейских погромов на Украине в 1919 г., унесших жизни, по разным данным, не одной сотни тысяч человек, в том числе всех родственников подсудимого. Именами и «жертвы», и «преступника» названы, соответственно, украинские и израильские улицы. Их могилы во Франции и в Израиле считаются культовыми символами, привлекающими внимание современников. Оценивать эту ситуацию строго юридически трудно. Однако нетрудно предположить, что нуллификация как социально-правовое явление едва ли смогла бы получить сколько-нибудь значительное распространение в тех формах народного участия в правосудии, которые предполагают совместное решение главных вопросов уголовного дела профессиональными судьями и непрофессиональными судебными заседателями в единой судебной коллегии (германскими шеффенами, французскими ассизами или советскими народными заседателями – неважно). При этом осмелимся утверждать, что стремление к недопущению нуллификации – это вовсе не бесспорный мотив для отказа от суда присяжных в его классической модели. Коллегия присяжных, сформированная методом случайной выборки и отобранная с помощью мотивированных и немотивированных отводов, заявленных носителями противоположных правовых интересов, – это «срединный срез» общества. Негативное отношение такого «срединного среза» к уголовному закону, к системе правосудия в стране, к кадровому корпусу условных юридических чиновников – серьезный повод для ответственной государственной власти попытаться диагностировать истинную причину конкретного случая нуллификации и что-то изменить, не дожидаясь крайних форм проявления массового народного сопротивления. Суд присяжных – это не только и не столько набор юридических процедур разрешения конкретного уголовного дела. Это выходящий далеко за рамки уголовного процесса диалог государственной власти и общества.

Сказанное вовсе не исключает, скорее наоборот, подчеркивает подвижность и национальную индивидуальность процессов выбора как самого принципа привлечения непрофессионалов к отправлению правосудия в кон-

кретных государствах на конкретных этапах истории или отказа от него, так и процессуальных форм народного участия.

Швейцария в период с 2007 г., когда был принят первый общий для всей Швейцарской Конфедерации уголовно-процессуальный закон (Schweizerische Strafprozessordnung), до 2011 г., когда он был введен в действие, постепенно, по кантонам, отказывается от суда присяжных, созданного в XIX в., и не заменяет его никакими народными представителями в суде¹, в отличие от Германии и Франции, сохранивших непрофессиональных судебных заседателей, хотя влияние обеих стран на правовую систему Швейцарии всегда было достаточно ощутимым.

Япония, веками обходившаяся без участия представителей общества в правосудии, в начале текущего столетия, а именно в 2009 г., вводит судебных заседателей по типу германских шеффенов, которые, однако, «отбираются из избирателей каждый раз только для одного дела», по типу традиционных присяжных заседателей [6, с. 186].

Последнее обстоятельство столь же красноречиво дает понять, что и казавшаяся незыблемой система разграничительных критериев между двумя типичными моделями «народного элемента» в правосудии – судом присяжных или судом шеффенов – также продемонстрировала свою историческую подвижность. И.Я. Фойницкий в конце XIX – начале XX столетия такими критериями называет: 1) особенность формирования коллегии непрофессиональных судей (целенаправленные выборы шеффенов и случайный отбор присяжных по жребию); 2) эпизодичность привлечения к правосудию (шеффены – на определенный срок по не определенному заранее кругу дел, присяжные – на конкретное дело); 3) распределение компетенции при исследовании обстоятельств уголовного дела (шеффены – те же обстоятельства, что и профессиональные судьи, одновременно с ними, присяжные – только вопросы доказанности фактических обстоятельств преступления и виновности в нем (либо невиновности) конкретного подсудимого); 4) принятие решения по существу дела либо в единой коллегии с профессиональными судьями (шеффены), либо в автономно совещающейся и принимающей самостоятельное решение по вопросу доказанности факта и виновности подсудимого собственной, изолированной от профессионального судьи коллегией непрофессионалов (присяжные); 5) мотивированность решения единой коллегии профессиональных и непрофессиональных судей (шеффены) и немотивированность вердикта присяжных (*vere dictum* – в переводе с латинского означает «правдиво сказано», то есть не требует специального обоснования); 6) возможность (шеффе-

¹ Ведение судебных процессов в Швейцарии [Электронный ресурс] // IQ Decision. URL: <https://iqdecision.com/vedenie-sudebnyh-processov-v-shvejcarii/> (дата обращения 24.04.2024).

ны) либо невозможность (присяжные) апелляционного пересмотра приговора, постановленного с участием народных представителей [7, с. 134–135]. Последний признак традиционно связывали с предыдущим: если принятое решение не мотивируется, то невозможно отменить его по мотиву необоснованности, то есть несоответствия выводов суда установленным фактическим обстоятельствам уголовного дела.

Практика использования обеих форм «народного элемента» в разных странах показала многочисленные варианты отступления от этих сформулированных когда-то правил, что, однако, не меняет общего деления их форм на два принципиально различающихся типа. Современные испанские присяжные мотивируют свой вердикт и допускают в коллегию судебного секретаря во избежание формальных нарушений процедуры совещания и голосования по вердикту [8]. Приговоры, постановленные на основании вердикта присяжных заседателей, в современной России подлежат пересмотру в апелляционном порядке при сохранении законодательного запрета на отмену такого приговора по мотиву его необоснованности, то есть несоответствия выводов суда установленным фактическим обстоятельствам дела [9].

С.А. Насонов справедливо предложил разделить признаки суда присяжных на субстанциальные (сущностные) и субсидиарные (факультативные). К субстанциальным признакам непременно относится распределение исключительной компетенции между коллегией присяжных и профессиональными судьями: первая обладает автономным от профессионального судьи правом на разрешение вопроса о виновности либо невиновности подсудимого, при этом только профессиональный судья вправе решать вопрос об уголовно-правовой квалификации содеянного, о назначении наказания и разрешать уголовно-процессуальные споры. Субстанциальным признаком суда присяжных при этом является и «правовая консолидация» автономных в своей исключительной компетенции профессиональных и непрофессиональных судей в исследовании доказательств, в устранении разного рода неясностей, в «суммировании результатов судебного разбирательства» [10, с. 13].

На основе анализа законодательной и правоприменительной практики нескольких континентально-европейских государств С.А. Насонов также выделяет особую, комбинированную модель суда присяжных, в которой при сохранении субстанциальных признаков именно этого суда могут варьироваться какие-то субсидиарные признаки. Такая модель существует в современной России, и она остается именно судом присяжных [10, с. 16].

С.А. Насонов справедливо и последовательно доказывает «дисфункционализм» так называемых гибридных моделей народного участия в правосудии, когда даже при сохранении каких-то терминологических совпадений с судом присяжных суд утрачивает сущностные признаки суда присяжных, то

есть таковым уже не является. Автор выделяет два варианта таких моделей: 1) те, в которых вопрос о виновности относится к исключительной компетенции профессионального судьи; 2) те, в которых решение вопроса о виновности относится к совместной компетенции профессиональных и непрофессиональных судей.

Какими бы процедурными «довесками» обе эти гибридные модели ни сопровождались, считать их судом присяжных нельзя ввиду отсутствия сущностных его признаков. С.А. Насонов верно подчеркивает, что многие процедурные особенности суда присяжных в гибридных моделях приобретают рудиментарный характер, что делает логичным последующий отказ от них. Так, например, присутствие председательствующего профессионального судьи при совещании коллегии присяжных делает избыточным напутственное слово председательствующего перед удалением присяжных в совещательную комнату. Такое положение в реальной современной практике влечет за собой постепенный отказ законодателей от этих избыточных процедурных элементов, а значит и от остатков субстанциальных признаков суда присяжных и от «присяжного правосудия» как такового [11, с. 111]. Вместе с тем С.А. Насонов отмечает и позитивное значение гибридных моделей, состоящее в формировании потенциальной основы и для обратного движения – постепенного перехода к суду присяжных в его «классическом» варианте [11, с. 112].

Заключение. Сформулируем главный вывод из всего сказанного. «Народный элемент» в уголовном правосудии – это необходимый способ преодоления «пропасти отчуждения» между судебной властью, а заодно и всей правоохранительной системой страны и ее населением. Такое отчуждение рано или поздно возникает в истории любых государств по разным социально-политическим или даже экономическим причинам, и социально ориентированное государство заинтересовано в своевременной диагностике этого явления и как минимум в приспособлении к нему, а как максимум – в его преодолении. Народное участие в разрешении наиболее чувствительных для людей правовых конфликтов – в сфере уголовного права – это придание системе правосудия понятного простым людям человеческого облика, это глобальный, выходящий далеко за рамки собственно уголовного судопроизводства диалог государства (в узком смысле – государственного аппарата) и общества. Постоянно нуждаясь в кредите доверия к системе правосудия со стороны населения, государственная власть сама выбирает форму народного участия в уголовном правосудии, ориентируясь на особенности конкретного исторического момента. Несоответствие избранной процедурной модели «народного элемента» социально-правовым реалиям не только не

обеспечивает народного доверия к суду и правосудию, напротив, подрывает доверие к данному государству вообще.

Список источников

1. Тарасов А.А. Уголовно-процессуальная компаративистика – территория открытий и заблуждений / А.А. Тарасов // Правовое государство: теория и практика. – 2024. – № 1 (75). – С. 133–141.
2. Шидловская Ю.В. Участие присяжных заседателей в исследовании доказательств в уголовном процессе России : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю.В. Шидловская. – Томск, 2007. – 26 с.
3. Чельцов-Бебутов М.А. Курс уголовно-процессуального права. Очерки по истории суда и уголовного процесса в рабовладельческих, феодальных и буржуазных государствах / М.А. Чельцов-Бебутов. – Санкт-Петербург, 1995. – 846 с.
4. Стрелкова Ю.В. Вердикт присяжных заседателей в уголовном судопроизводстве: теоретические основы и правоприменительная практика : дис. канд. юрид. наук : 12.00.09 / Ю.В. Стрелкова. – Москва, 2018. – 228 с.
5. Головки Л.В. Суд присяжных и качество предварительного следствия: есть ли корреляция? / Л.В. Головки // Расследование преступлений: проблемы и пути их решения. – 2019. – № 1. – С. 58–62.
6. Коморида Акио. Глава 26. Суд с участием судебных заседателей: новая форма организации состязательного судопроизводства в Японии / Акио Коморида // Теория уголовного процесса: состязательность : монография / под ред. Н.А. Колоколова. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – Ч. II. – 320 с.
7. Фойницкий И.Я. Курс уголовного судопроизводства / И.Я. Фойницкий. – Санкт-Петербург : Альфа, 1996. – Т. 1. – 552 с.
8. Юришина Е.А. Суд присяжных в Испании: историческая ретроспектива, предпосылки возрождения и некоторые отличительные особенности / Е.А. Юришина // Вопросы российского и международного права. – 2020. – Т. 10, № 3А. – С. 87–98.
9. Камнев А.С. Пересмотр не вступивших в законную силу приговоров, постановленных судом с участием присяжных заседателей, в России: традиция и международные стандарты уголовного правосудия / А.С. Камнев // Вестник Томского университета. – 2015. – № 391. – С. 160–166.
10. Насонов С.А. Концептуальные основы производства в суде с участием присяжных заседателей : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / С.А. Насонов. – Москва, 2022. – 46 с.

11. Насонов С.А. Концептуальные основы производства в суде с участием присяжных заседателей : дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / С.А. Насонов. – Москва, 2021. – 517 с.

References

1. Tarasov A.A. Criminal Procedure Comparativistics – a Territory of Discoveries and Misconceptions. *Pravovoe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2024, no. 1 (75), pp. 133–141. (In Russian).
2. Shidlovskaya Yu.V. Participation of Jurors in the Study of Evidence in Criminal Proceedings in Russia. *Cand. Diss. Theses*. Tomsk, 2007. 26 p.
3. Cheltsov-Bebutov M.A. Course of Criminal Procedure. Essays on the History of Court and Criminal Proceedings in Slaveholding, Feudal and Bourgeois States. Saint Petersburg, 1995. 846 p.
4. Strelkova Yu.V. Jury Verdict in Criminal Proceedings: Theoretical Foundations and Law Enforcement Practice. *Doct. Diss.* Moscow, 2018. 228 p.
5. Golovko L.V. The jury and the Quality of the Preliminary Investigation: Is There a Correlation? *Rassledovanie prestuplenij: problemy i puti ih resheniya = Crime Investigation: Problems and Solutions*, 2019, no. 1, pp. 58–62. (In Russian).
6. Komorida Akio. Chapter 26. Court with the Participation of Lay Judges: a New Form of Organizing Adversarial Proceedings in Japan. In Kolokolov N.A. *Theory of Criminal Process: Adversarialism*. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. Pt. II. 320 p.
7. Foinitsky I.Ya. Course of Criminal Procedure. Saint Petersburg, Alpha Publ., 1996. Vol. 1. 552 p.
8. Yurishina E.A. Jury Trial in Spain: Historical Review, Revival of Institute and Some Distinctive Features. *Voprosy rossiiskogo i mezhdunarodnogo prava = Matters of Russian and International Law*, 2020, vol. 10, no. 3A, pp. 87–98. (In Russian).
9. Kamnev A.S. Review of an Otherwise Final Jury Trial: Legal Tradition and International Law Standards of Criminal Justice. *Vestnik Tomskogo universiteta = Bulletin of Tomsk University*, 2015, no. 391, pp. 160–166. (In Russian).
10. Nasonov S.A. Conceptual Framework of Trial by Jury. *Doct. Diss. Theses*. Moscow, 2022. 46 p.
11. Nasonov S.A. Conceptual Framework of Trial by Jury. *Doct. Diss.* Moscow, 2021. 517 p.

Тарасов Александр Алексеевич –
доктор юридических наук, профессор,
заведующий кафедрой уголовного
права и процесса Института права

Tarasov Aleksandr Alekseyevich –
Doctor of Law, Professor, Head of
the Chair of Criminal Law and Pro-
cedure, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; одобрена после рецензирования 16.05.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 22.04.2024; approved after reviewing 16.05.2024; accepted for publication 16.05.2024.

Научная статья

УДК 343.14

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.13

Цыцюра Максим Петрович

Институт мировой экономики, Дербент, Россия,

verhovenstvo.ru@yandex.ru

ПРОЦЕССУАЛЬНЫЕ ОСОБЕННОСТИ РАССЛЕДОВАНИЯ ДОЛЖНОСТНЫХ ПРЕСТУПЛЕНИЙ КОРРУПЦИОННОЙ НАПРАВЛЕННОСТИ

Аннотация. В статье исследуется место должностных коррупционных преступлений в системе преступлений коррупционной направленности, анализируются особенности предмета доказывания и процессуальные вопросы, возникающие при возбуждении и расследовании уголовных дел данной категории. В ходе доследственной проверки сообщения о преступлении и в процессе расследования тщательному доказыванию подлежит деятельность субъекта преступления, его статус должностного лица, связи и отношения с другими лицами, финансовые потоки, связанные с преступлением, что требует особой квалификации сотрудников органов предварительного расследования. Подчеркивается, что обстоятельства, способствовавшие совершению преступления, имеют особое значение, поэтому их выявление и доказывание обязательно в каждом случае.

Ключевые слова: должностные коррупционные преступления, должностное лицо, предмет доказывания, возбуждение уголовного дела

Для цитирования: Цыцюра М.П. Процессуальные особенности расследования должностных преступлений коррупционной направленности / М.П. Цыцюра. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.13 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 124–133.

Original article

Tsytsiura Maxim Petrovich

Institute of World Economics, Derbent, Russia, verhovenstvo.ru@yandex.ru

PROCEDURAL FEATURES OF THE CRIMES INVESTIGATION OF CORRUPTION-RELATED OFFICIALS

Abstract. The article delves into the role of corruption crimes committed by officials within the spectrum of corruption-related offenses, scrutinizing the unique challenges in proving these crimes and the procedural hurdles that arise during the initiation and investigation of such cases. Throughout the pre-investigation process and the subsequent inquiry, proving the involvement of the officials, their position, connections, financial transactions, and relationships with others demands specific expertise from law enforcement personnel. Emphasis is placed on the critical role of these details in establishing guilt and ensuring justice is served. It is important to recognise the factors that led to the commission of a crime in these types of cases, and it is necessary to provide evidence for them in each instance.

Keywords: crimes related to official corruption, official, fact in proof, initiation of criminal case

For citation: Tsytsiura M.P. Procedural Features of the Crimes Investigation of Corruption-Related Officials. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2, pp. 124–133. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.13.

Коррупция представляет собой серьезную угрозу безопасности¹. Борьба с ней с помощью уголовно-правовых мер основывается на закреплённой в УК РФ ответственности за такие деяния и на установленном уголовно-процессуальным законодательством порядке проведения расследования и судебного разбирательства уголовных дел, возбужденных по признакам соответствующих преступлений.

По данным Генеральной прокуратуры РФ, количество преступлений коррупционного характера за последние годы стабильно увеличивается. Отмечается значительный рост выявления взяточничества, совершаемого ор-

¹ О Национальной стратегии противодействия коррупции и Национальном плане противодействия коррупции на 2010–2011 годы : Указ Президента РФ от 13.04.2010 г. № 460 (с изм. от 13.03.2012) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2024).

ганизованными преступными группировками и сообществами, а также в крупных и особо крупных размерах (на 14,2 %)¹.

Термины «преступление коррупционной направленности» и «коррупционное преступление» используются в законодательных актах, в актах толкования Верховного Суда РФ и судебных решениях², однако их юридического определения не существует. Например, упоминание коррупционного преступления содержится в Федеральном законе «О борьбе с коррупцией»³, который не раскрывает понятие и не приводит перечень преступлений, относящихся к этой группе.

В своем постановлении от 9 июля 2013 г. № 24 Пленум Верховного Суда РФ указал не только на взяточничество (ст. 290, 291, 291.1, 291.2 УК РФ), но и на другие виды коррупционных преступлений (ст. 159, 160, 184, 200.5, 204, 204.1, 204.2, 292, 304 УК РФ)⁴; в п. 17 постановления от 14 июня 2018 г. к категории коррупционных преступлений отнесены действия, которые подпадают под ст. 291, 291.2, 204, 204.2 УК РФ⁵.

В современной юридической литературе проблеме коррупционных преступлений уделено значительное внимание, предложены различные определения этого понятия. В зависимости от цели исследования авторы предлагают уголовно-правовое, криминалистическое, криминологическое или междисциплинарное определение [1; 2; 3; 4]. В 2013 г. депутат Государственной Думы И.А. Яровая предложила внести изменения в УК РФ, включив в него ст. 14.1 «Понятие коррупционного преступления», в которой коррупционное преступление определялось как деяние, совершенное с прямым умыслом из корыстных побуждений лицом, подпадающим под определен-

¹ Генеральный прокурор Российской Федерации Игорь Краснов выступил с докладом в Совете Федерации [Электронный ресурс] // Генеральная прокуратура РФ : сайт. URL: <https://epp.genproc.gov.ru/web/gprf/mass-media/news?item=87329761> (дата обращения: 11.03.2024).

² Апелляционное определение Апелляционной коллегии Верховного Суда РФ от 27.02.2024 № АПЛ23-505 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Определение Судебной коллегии по уголовным делам Верховного Суда РФ от 10.08.2021 № 19-УД21-16-К5 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³ О противодействии коррупции : Федеральный закон от 25.12.2008 № 273-ФЗ (с изм. от 19.12.2023) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴ О судебной практике по делам о взяточничестве и об иных коррупционных преступлениях : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 09.07.2013 № 24 (с изм. от 24.12.2019) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ О некоторых вопросах, связанных с применением конфискации имущества в уголовном судопроизводстве : постановление Пленума Верховного Суда РФ от 14.06.2018 № 17 (с изм. от 12.12.2023) // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ные критерии, указанные в законе, запрещенные УК РФ под угрозой наказания¹. Этот проект закона критиковался и принят не был.

Совместным указанием Генпрокуратуры России № 401/11 и МВД России от 19 июня 2023 г. № 2 установлен перечень преступлений, связанных с коррупцией. Это было сделано с целью совершенствования статистической отчетности. В указании содержится классификация этих преступлений и их признаки: наличие надлежащих субъектов уголовно наказуемого деяния (лица согласно примечанию к ст. 201 и 285 УК РФ), связь деяния со служебным положением субъекта, отступлением от его прямых прав и обязанностей, обязательное наличие у субъекта корыстного мотива, совершение преступления только с прямым умыслом. В итоге получился достаточно внушительный перечень составов преступлений².

С одной стороны, критерии списка помогают стандартизировать определение коррупционного преступления с возможностью закрепления его в законодательстве. С другой стороны, этот список был введен в 2010 г. и ежегодно изменяется и дополняется, что свидетельствует об очевидном специализированном подходе и просторе для дальнейшего нормотворчества в этой области из-за разногласий во взглядах.

Понятия «преступление коррупционной направленности» и «коррупционное преступление» имеют одинаковое значение [4]. В научной литературе в эту категорию включают от семи до сорока [5], а то и до восьмидесяти составов преступлений [6]. Авторы считают, что невозможно закрепить единое нормативное определение коррупционных преступлений из-за сложности и разносторонности самого явления коррупции [4].

Преступления коррупционной направленности, совершаемые должностными лицами в государственной сфере, представляют собой особую категорию преступлений, к ним относят преступления, предусмотренные ст. 285, 289, 290 УК РФ. Они связаны со злоупотреблением своим положением или властью с целью личной выгоды или других корыстных целей. Ученые предлагают классифицировать эту категорию преступлений на основе следующих характеристик: «1) публичное должностное лицо; 2) коррупционная направ-

¹ Проект федерального закона № 292869-6 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации в части усиления борьбы с коррупционными преступлениями» [Электронный ресурс] // Система обеспечения законодательной деятельности : сайт. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/292869-6> (дата обращения: 20.03.2024).

² О введении в действие перечней статей Уголовного кодекса Российской Федерации, используемых при формировании статистической отчетности : указание Генпрокуратуры России № 401/11, МВД России от 19.06.2023 № 2 // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

ленность; 3) корыстный мотив либо иная личная заинтересованность; 4) нарушение прав и законных интересов граждан или организаций либо охраняемых законом интересов общества или государства» [7, с. 16].

Деяния, являющиеся должностными преступлениями, связанные с коррупцией, совершаются должностными лицами путем злоупотребления своим служебным положением, включая принуждение, взяточничество, хищение и другие коррупционные действия, наносят ущерб законным интересам граждан, общества и государства. Расследование их представляет определенные трудности и требует особых методов работы со стороны правоохранительных органов.

Одной из особенностей расследования должностных преступлений коррупционной направленности является необходимость проведения комплексного анализа деятельности подозреваемого должностного лица. В рамках такого анализа необходимо изучить не только конкретные факты коррупционных действий, но и всю практику его работы, связи и отношения с другими лицами, возможные финансовые потоки, которые могут быть связаны с совершением преступлений. Очевидно, что список факторов, требующих доказательств при исследовании таких преступлений, гораздо более обширен по сравнению с формулировками ст. 73 УПК РФ. При проведении расследования необходимо внимательно изучить личность преступника, его специальный правовой статус и полномочия.

Как отмечают ученые, коррупционные должностные преступления, направленные на получение имущественной выгоды, во многом носят организованный характер, что выражается в особом механизме их совершения; зачастую совершается серия преступлений или длящееся преступление, охватывающее по времени довольно длительный период [8, с. 23]. Особую сложность представляет доказывание характера и размера причиненного преступлением вреда, поскольку необходимо доказать не только реальный ущерб, но и причинную связь наступивших последствий с деятельностью должностного лица, обусловленность его корыстной заинтересованностью.

В соответствии с п. 2 ст. 73 УПК РФ необходимо выявлять обстоятельства, которые способствовали совершению преступления, в каждом уголовном деле. Для дел данной категории обязательно доказывание этих обстоятельств, поскольку важность профилактической работы по противодействию коррупции трудно переоценить.

При рассмотрении дел о коррупционных преступлениях судам рекомендуется акцентировать внимание на выявлении условий, способствовавших их совершению, в частности при получении и даче взяток, а также в случаях посредничества в коррупционных схемах.

Специфика должностных преступлений коррупционной направленности определяет важность этапа возбуждения уголовного дела. Исследователи отмечают, что обычно информация о совершенных преступлениях поступает из различных источников: жалобы пострадавших, публикации в газетах, отчеты обследований и проверок, сообщения от государственных и общественных организаций [9]. Необходимо дополнить эти источники информацией, полученной в ходе оперативно-розыскной работы, так как взяточничество, например, чаще всего раскрывается благодаря проведению оперативных мероприятий [4].

Следственные данные, полученные в ходе оперативно-розыскной работы, имеют особое значение для установления фактов преступлений. Пленум Верховного Суда РФ отмечает, что они могут использоваться в уголовном процессе по делам о коррупции, если были собраны и переданы правоохранительным органом в соответствии с законом, а умысел лица «сформировался независимо от деятельности сотрудников органов, осуществляющих оперативно-розыскную деятельность». Поэтому суд должен объективно оценивать все представленные доказательства, проверять законность и обоснованность каждого оперативно-розыскного мероприятия.

Одной из особенностей проведения предварительного расследования и определения наличия оснований для возбуждения уголовного дела (ч. 2 ст. 140 УПК РФ) по рассматриваемым преступлениям является необходимость определения того, является ли подозреваемое лицо субъектом преступления, то есть имеет ли должностное положение.

Сложная задача для правоприменителя – возбуждение дел или инициирование соответствующих служебных расследований в отношении должностных лиц, обладающих особым правовым статусом (судей, прокуроров, следователей и др.). Если лица не раскрывают свой статус следственным органам на начальных этапах расследования, уголовное преследование проводится стандартным образом, как в обычных случаях. Из-за нарушения особых процессуальных процедур возможна отмена принятых решений и признание доказательств недопустимыми. Для преодоления подобных ситуаций предложено дополнить ст. 447 УПК РФ текстом следующего содержания: «если в ходе проверки сообщения о преступлении или расследования уголовного дела не установлены сведения о наличии у лица особого статуса и такое лицо этих сведений не сообщило (последствия этого были разъяснены), процессуальные действия считаются проведенными с соблюдением требований законодательства»¹. Подобные изменения направлены на

¹ Бастрыкин: каждый коррупционер рано или поздно ответит перед законом [Электронный ресурс] // РИА Новости : сайт. URL <https://ria.ru/20221208/bastrykin-1837126991.html> (дата обращения: 20.03.2024).

увеличение эффективности борьбы с коррупцией, однако они нарушают основные принципы уголовного процесса, в частности принцип презумпции невиновности.

Особенностью расследования должностных преступлений коррупционной направленности является необходимость строгого соблюдения правил по обеспечению конфиденциальности следствия. Учитывая, что подозреваемые часто обладают большим влиянием и ресурсами, существует риск утечки информации, что может помешать полному и всестороннему расследованию.

Необходимо также отметить, что для успешного расследования преступлений в сфере коррупции требуется особая квалификация сотрудников правоохранительных органов. Поэтому отнесение данной категории уголовных дел к подследственности одного следственного органа важно для повышения эффективности производства по делу.

Значимым фактором при расследовании должностных преступлений коррупционной направленности является реакция общества на такие преступления. Коррупция остается одной из наиболее серьезных проблем, и общественное давление на правоохранительные органы может быть значительным в случае выявления коррупции в государственных учреждениях, особенно при принятии решения о возбуждении уголовного дела. Мы разделяем точку зрения о том, что лишение прокурора возможности инициировать уголовное преследование не способствует эффективной борьбе с коррупцией [10, с. 84]. Согласно международным нормам прокуроры во всех юридических системах принимают решения о возбуждении и продолжении уголовного преследования¹. «Прокуроры должны в любом случае иметь возможность беспрепятственно возбуждать уголовное преследование против государственных должностных лиц, в особенности за коррупцию, незаконное использование полномочий, грубое нарушение прав человека и за другие правонарушения, признанные международным правом»². В России в настоящее время в уголовном процессе сложилась ситуация, когда следователь может начать уголовное преследование в отношении надзирающего за

¹ Стандарты профессиональной ответственности и изложение основных прав и обязанностей прокуроров, приняты Международной Ассоциацией прокуроров 21.04.1999 // Додонов В.Н. Прокуратуры стран мира : справочник. М. : Юрлитинформ, 2006. С. 246–284 ; О прокуратуре : модельный закон, принят на 27-м пленарном заседании Межпарламентской Ассамблеи государств – участников СНГ 16.11.2006 // Информационный бюллетень. 2007. № 39. С. 339–340.

² О роли прокуратуры в системе уголовного правосудия : Рекомендации R(2000)19 Комитета Министров Совета Европы от 06.10.2000 // Додонов В.Н. Указ. соч. С. 254–265.

ним прокурора, в то время как последний лишен такой возможности. Возвращение прокурору права возбуждать уголовное дело в отношении субъектов, относящихся к отдельной категории, способствовало бы росту количества выявленных должностных преступлений коррупционной направленности.

Таким образом, расследование должностных преступлений коррупционной направленности представляет собой сложный процесс, требующий особого подхода и высокой квалификации сотрудников правоохранительных органов. Очень важно немедленно начать уголовное преследование, сохранять конфиденциальность в ходе следствия, соблюдать процедурные правила, особенно при использовании результатов оперативно-розыскной деятельности в качестве доказательств. Также необходимо проявлять грамотность на всех этапах работы, противодействовать разного рода давлению в ходе расследования для эффективной борьбы с таким явлением, как коррупция.

Список источников

1. Соловьева Ю.И. Коррупционные преступления // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2024).
2. Матвеев И.В. Соотношение понятий коррупционного преступления и преступления коррупционной направленности / И.В. Матвеев // Российский юридический журнал. – 2021. – № 3. – С. 70–78.
3. Михайлов В.И. Доктринальные основы определения понятия «коррупционные преступления» с позиций междисциплинарного подхода / В.И. Михайлов // Российский следователь. – 2022. – № 7. – С. 43–50.
4. Гармаев Ю.П. Антикоррупционный комплаенс в Российской Федерации: междисциплинарные аспекты : монография / Ю.П. Гармаев, Э.А. Иванов, С.А. Маркунцов // Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс» (дата обращения: 20.03.2024).
5. Цоколов И.А. Проблемы уголовного преследования лиц, совершивших коррупционные преступления. Статья 1. К вопросу об оптимизации понятия «коррупционное преступление» / И.А. Цоколов // Российский следователь. – 2011. – № 5. – С. 13–17.
6. Пискунов С.А. Раскрытие и расследование преступлений коррупционной направленности: проблемы и пути их решения / С.А. Пискунов // Российский следователь. – 2015. – № 24. – С. 10–12.
7. Крюков В.В. Методика расследования должностных преступлений коррупционной направленности : автореф. дис. ... канд. юрид. наук / В.В. Крюков. – Челябинск, 2011. – 26 с.

8. Халиков А.Н. Теория и практика выявления и расследования должностных преступлений (криминалистический аспект) : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / А.Н. Халиков. – Саратов, 2011. – 50 с.

9. Попов И.А. Особенности расследования уголовных дел о должностных преступлениях / И.А. Попов, А.В. Борбат // Российский следователь. – 2018. – № 7. – С. 8–10.

10. Шагеева Р.М. Противодействие коррупции как приоритетная задача органов прокуратуры / Р.М. Шагеева // Аграрное и земельное право. – 2010. – № 4 (64). – С. 81–85.

References

1. Solovyova Y.I. Corruption Offences. Available at: <https://www.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req=doc&base=CJI&n=109359&ysclid=lxarmubnh526863756#1kL1OFUi8Zo7YmI81>.

2. Matveev I.V. The Correlation between a Corruption Crime and a Corruption-Related Crime *Rossiiskij yuridicheskij zhurnal = Russian Juridical Journal*, 2021, no. 3, pp. 70–78. (In Russian).

3. Mikhailov V.I. Doctrinal Foundations of the Definition of «Corruption-Related Offenses» from the Perspective of an Interdisciplinary Approach. *Rossiiskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2022, no. 7, pp. 43–50. (In Russian).

4. Garmaev Yu.P. Anti-Corruption Compliance in the Russian Federation: Interdisciplinary Aspects. Available at: <https://www.consultant.ru/>.

5. Tsokolov I.A. Problems of Criminal Prosecution of Persons Who Have Committed Corruption Crimes. Article 1. On the Issue of Optimising the Concept of «Corruption Crime». *Rossiiskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2011, no. 5, pp. 13–17. (In Russian).

6. Piskunov S.A. Detection and Investigation of Corruption-Related Crimes: Problems and Ways to Handle Them. *Rossiiskij sledovatel' = Russian investigator*, 2015, no. 24, pp. 10–12. (In Russian).

7. Kryukov V.V. Methodology for Investigating Corruption-Related Malfeasance: Author's Abstract. *Cand. Diss.* Chelyabinsk, 2011. 26 p.

8. Khalikov A.N. Theory and Practice of Identifying and Investigating Malfeasance (Forensic Aspect). *Doct. Diss. Thesis.* Saratov, 2011. 50 p.

9. Popov I.A., Borbat A.V. Peculiarities of Investigation of Criminal Cases on Professional Misconduct. *Rossiiskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2018, no. 7, pp. 8–10. (In Russian).

10. Shageeva R.M. Anti-Corruption as a Priority Task of Procuratorial Organs. *Agrarnoe i zemel'noe pravo = Agrarian and Land Law*, 2010, no. 4 (64), pp. 81–85. (In Russian).

Информация об авторе**Information about the Author**

Цыцюра Максим Петрович –
аспирант

Tsytsiura Maxim Petrovich –
postgraduate student

Статья поступила в редакцию 26.02.2024; одобрена после рецензирования 25.03.2024; принята к публикации 25.03.2024.

The article was submitted 26.02.2024; approved after reviewing 25.03.2024; accepted for publication 25.03.2024.

Научная статья

УДК 347.2

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.14

Шарипова Алия Рашитовна

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

nord-wind23@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0003-3254-55770>¹

О ГИПОТЕТИЧЕСКИХ ОСОБЕННОСТЯХ ПРАВОСУДИЯ ПО УГОЛОВНЫМ ДЕЛАМ

Аннотация. Обобщенного перечня аргументов противников концепции судебного права, в отличие от аргументов ее сторонников, которые в течение долгого времени разрабатывались и анализировались, не существует. Развитие соответствующей научной дискуссии требует их выяснения, в связи с чем в статье предпринята попытка их систематизации с элементами достраивания. Цель: установить наличие или отсутствие системозначимых особенностей уголовных дел, которые могли бы предопределять неустранимое своеобразие правосудия по ним. Определяющим методом исследования выступил метод сравнительного правоведения. Кроме того, применены общие и специальные методы (анализа и синтеза, логический, специально-юридический). Результаты: выявлено всего два отчетливо названных аргумента против универсализации процессуальных институтов при участии уголовно-процессуального права. Это специфика материально-правовых споров, рассматриваемых в порядке уголовного судопроизводства, и исключительная их публичность. Достроены два «неписанных» аргумента – публичность уголовного процесса в противопоставлении цивилистическому и разница стандартов доказанности по уголовным и другим судебным делам. По поводу всех аргументов автором приведены собственные соображения.

Ключевые слова: уголовный процесс, судопроизводство, уголовное дело, судебное право, доказывание

Для цитирования: Шарипова А.Р. О гипотетических особенностях правосудия по уголовным делам / А.Р. Шарипова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.14 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 134–140.

Original article

Sharipova Aliya Rashitovna

Ufa University of Science and Technology, Ufa, Russia, nord-wind23@mail.ru

ON HYPOTHETICAL FEATURES OF CRIMINAL JUSTICE

Abstract. There is no general list of arguments used by those who oppose the concept of judicial law, unlike the arguments used by those who support it, which have been developed and analysed over time. The development of the relevant scientific discussion requires the clarification, and in this context the article attempts to systematise them with elements of completion. The aim is to determine whether or not there are any systemically significant features of criminal cases that could predetermine the uniqueness of the justice they provide. The determining method of the research is the method of comparative jurisprudence. In addition, general and specific methods (analysis and synthesis, logical, special-legal) are also used. Results: only two clear arguments against the universalisation of procedural institutions involving criminal procedure law were identified. This is the specific nature of the substantive disputes that are considered in criminal proceedings and their exclusive publicity. Two 'unwritten' arguments – the publicity of criminal proceedings as opposed to civil proceedings, and the different standards of proof in criminal and other trials – are completed. For all the arguments, the author gave his own thoughts.

Keywords: criminal procedure, legal proceedings, criminal case, criminal law, judicial law, evidence

For citation: Sharipova A.R. On Hypothetical Features of Criminal Justice. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2, pp. 134–140. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.14.

Несмотря на достаточно долгую историю существования концепции судебного права [1; 2; 3], назвать ее широко поддерживаемой нельзя. В целях настоящей статьи под концепцией судебного права мы понимаем все многообразие дореволюционных, советских и современных идей, которые в том или ином виде предполагают близкое родство или объединение разных отраслей процессуального и, как вариант, судоустройственного права.

При этом в ответ на монографические работы ученых-процессуалистов трех обозначенных периодов существования отечественной науки никакого подобия «Анти-Дюринга» издано не было. Возражения против судебного права (мы рассматриваем их сейчас на уровне возражений против «родства»

уголовного, с одной стороны, и гражданского, арбитражного и (или) административного процессов, с другой стороны; о создании единого цивилистического процесса, его сторонниках и противниках речи нет) сводятся к тому, что «уголовный процесс – это совсем другое». Более или менее подробно, чем именно уголовный процесс принципиально отличен от остальных, написано В.В. Скитовичем в формате статьи [4].

Поскольку, по нашему мнению, аргументы противников судебного права следует изучать, нам нужно их вычленив из данной статьи и, вероятно, реконструировать какими-то другими способами, поскольку сами противники концепции внятно их не озвучивают.

1. «Любая из возможных юрисдикций (уголовное или гражданское судопроизводство. – А. Ш.) выступает процессуальным выражением тех материально-правовых закономерностей, в рамках которых возникает разрешаемый судом юридический конфликт» [4, с. 7]. Иными словами, уголовный процесс отличается от остальных процессов в силу специфики материально-правовых, то есть уголовно-правовых споров, ради решения которых он существует, в сравнении со спорами, рассматриваемыми в цивилистических видах процесса.

Конечно, материально-правовая специфика влечет определенную процессуальную специфику, но мы полагаем, что очень и очень ограниченную. Во-первых, любой вид судопроизводства построен вокруг доказывания (события преступления и т. п. – в уголовном процессе, заключения и исполнения договора – в гражданском и др.), обеспечения его возможности, объективности, проверяемости и т. д. Веками и цивилизациями вырабатываются процедуры, дающие лучшие возможности доказывания для установления того, кто прав в юридическом споре. Можно провести аналогии с научным доказыванием: оно тоже вырабатывает лучшие для своих задач методы, и эти методы близки для разных областей знаний. Нет оснований утверждать, что эксперимент, сравнение или моделирование как-то принципиально различаются, когда речь идет о физике, химии или биологии. И если специфика изучаемого объекта не предопределяет уникальность метода изучения, то и специфика материально-правового спора не предопределяет уникальность процедуры его решения. По крайней мере, нельзя утверждать априори, что сущность юридического спора диктует особые правила его рассмотрения; каждую конкретную особенность правил рассмотрения следует анализировать отдельно, выясняя, связана она с материально-правовой спецификой или нет.

Во-вторых, в современном состоянии правосудие может быть только «процессуальным», то есть регламентированным, законным, открытым и т. д. Насколько реально существование четырех или пяти (если добавить

конституционное судопроизводство) разных сущностей правосудия? Если вновь обратиться к статье В.В. Скитовича, то найдется такой ответ: «в уголовном процессе судебная власть – отнюдь не беспристрастный арбитр в споре между двумя сторонами, она сама является, если можно так выразиться, заинтересованным лицом» [4, с. 16]. Что ж, если отталкиваться от такой роли суда в уголовном производстве, то можно просто отказаться от использования понятия «правосудие», заменив его любым другим, а не извращать его содержание. Если суд не беспристрастный и не арбитр, то это не суд; может быть, это государственный орган, на который возложено привлечение к уголовной ответственности, но не справедливое разрешение споров. Очень хотелось бы надеяться, что специфика уголовных дел состоит в чем-то другом, а не в том, что для их разрешения не нужны беспристрастные арбитры.

2. Еще один обнаруженный нами аргумент состоит в следующем: «даже в тех случаях, когда объектом посягательства выступают такие блага, как жизнь, здоровье или личная неприкосновенность, наказание преступника не может быть частным делом потерпевшего. Право, на которое посягает преступник, – отнюдь не элемент моей правосубъектности как частного лица, а составная часть всего правопорядка, так как криминальное деяние представляет опасность не только для меня лично». Иными словами, отличие уголовных дел состоит в том, что материальное уголовное право является публичным. Конечно, если противопоставлять уголовное право гражданскому (именно об этом идет речь в цитируемой статье), то на таком простом уровне сопоставления мы согласимся с выводом. Решение каждого конкретного уголовного дела имеет значение для общества, вероятно, большее, чем решение каждого конкретного гражданского дела. Однако если вести речь не об одном гражданском деле, а об их группах или всей совокупности, то ответ будет не таким однозначным. Предсказуемое, законное и справедливое решение судами гражданских дел имеет огромное значение для общества в целом, а не только для лиц, участвующих в этих делах. Это основа экономики, если она предполагает наличие частной собственности и ведение бизнеса.

Расширение заявленного аргумента подразумевает противопоставление уголовных дел в их публичности всем другим судебным делам, рассматриваемым в цивилистических видах процесса. В таком виде этот аргумент становится еще менее надежным: административные дела, рассматриваемые арбитражными судами и судами общей юрисдикции в процедурах АПК и КАС, подразумевают публичный интерес, как и уголовные. До введения в действие КАС суды общей юрисдикции рассматривали административные споры на основании ГПК. Совершенно очевидно, что все виды правосудия, а не только правосудие по уголовным делам, в том или ином контексте (вклю-

чая очень близкий уголовно-правовому) имеют дело с публичным интересом по рассматриваемым юридическим спорам.

Наиболее явное (но далеко не единственное) выражение публичного начала проявляется в участии прокурора в юридических спорах. В ст. 52 АПК, например, установлен широчайший набор случаев возможного участия прокурора в арбитражном деле, причем, помимо явно административных споров, в этом наборе присутствуют и споры о признании сделок незаключенными, связанные с применением гражданского законодательства. В 2023 г. прокуроры участвовали по 4,5 тысячам арбитражных дел, что немного в общей массе, но и не исключительно редко¹. Если в арбитражном деле участвует прокурор, то наверняка и скептики признают, что спор имеет публичное значение. Однако это вовсе не приводит к какому-то особому положению прокурора в арбитражном процессе, в отличие от уголовного: подаваемые им документы об обжаловании судебных актов именуются апелляционными и кассационными жалобами, как и жалобы других участников дела, а не представлениями, как это предусмотрено в УПК.

3. Несколько раз нам приходилось сталкиваться и с аргументом, будто бы развивающим предыдущий, что сам уголовный процесс публичен, в отличие от цивилистического процесса. Это явная ошибка, которая допускается путем распространения свойств рассматриваемых юридических споров (хотя, как выше мы описали, не всех, а только некоторой части) на сущность судопроизводства. Арбитражный, гражданский и административный процессы публичны; в них суд точно так же властен в отношении участников, как и в уголовном процессе. Возможно, цивилистический процесс оставляет у юристов ощущение большей доли диспозитивности, чем уголовный. Но в задачи судебного права как раз и входит «примерка» разных предлагаемых процессуальными отраслями процедур (в том числе с элементами диспозитивности) к другим процессуальным отраслям.

И если считать проявлением диспозитивности, например, возможность завершения практически любого юридического спора, рассматриваемого в цивилистическом процессе, утверждением мирового соглашения, то можно рассмотреть применимость такого варианта исхода к уголовно-правовому спору (какому-то или каким-то его видам) [5].

4. Возможное отличие уголовных дел от всех остальных судебных споров – степень влияния обвинительного приговора суда с назначением наказания на судьбу подсудимого. Отметим, что признание исключительной

¹ Отчет о работе арбитражных судов Российской Федерации о рассмотрении дел их гражданских и административных правоотношений по первой инстанции [Электронный ресурс] // Судебный департамент при Верховном Суде РФ : сайт. URL: <http://www.cdep.ru/index.php?id=79&item=8687> (дата обращения: 17.03.2024).

важности итогов рассмотрения уголовного дела при всей их ожидаемости и очевидности в некоторой степени вынужденное. Для государственного или публичного интереса судьбы налоговых и других экономических, включая гражданские, дел важны не менее. По этическим соображениям воздержимся от сравнения этой важности, ограничившись указанием на то, что основа нашего существования – это экономика.

Тем не менее из-за огромного влияния результатов рассмотрения уголовного дела на судьбу отдельного человека именно по таким делам существуют повышенные, по сравнению с остальными, стандарты доказанности. Иными словами, процедура рассмотрения именно уголовных дел должна максимально исключать возможность совершения ошибки, даже путем ее усложнения, удлинения и удорожания.

Разный стандарт доказанности – это то, что действительно отличает уголовные дела от гражданских, административных и арбитражных. И если это так, то и разницу процедур следует рассматривать с позиции выведения из них этого повышенного стандарта. Допустим, почему в уголовном процессе упомянутый прокурорский документ об обжаловании именуется иначе, чем документ, исходящий от остальных участников судопроизводства? Ради повышенного стандарта доказанности? Или почему в УПК установлен нереалистично короткий срок апелляционного обжалования? Он тоже способствует достижению истины, к которой уголовный процесс стремится более чем остальные процессы? Абсурдность этих вопросов предполагает только два варианта вывода: либо эти (и многие другие) различия универсальных процессуальных институтов в их нормативном выражении в УПК и остальных процессуальных кодексах случайны, либо они объясняются какими-то другими особенностями уголовных дел. Если верно второе предположение, то противники судебного права (они же сторонники неприкосновенности уголовного судопроизводства для любого сравнения с другими видами судопроизводства) должны обнаружить конкретные отличия уголовных дел. Любая замена конкретики эмоциональными возгласами, предположениями об очевидности утверждаемого непродуктивна ни для развития собственных идей, ни для проверки их критикой оппонентов.

Список источников

1. Михайловский И.В. Судебное право как самостоятельная судебная наука / И.В. Михайловский. – Санкт-Петербург, 1908. – 16 с.
2. Полянский Н.Н. Проблемы судебного права / Н.Н. Полянский, М.С. Строгович, В.М. Савицкий, А.А. Мельников. – Москва, 1983. – 224 с.

3. Мурадян Э.М. Судебное право (в контексте трех процессуальных кодексов) / Э.М. Мурадян. – Москва, 2003. – 128 с.

4. Скитович В.В. Концепция судебного права: опыт критического переосмысления / В.В. Скитович // Проблемные вопросы гражданского и арбитражного процессов / под ред. Л.Ф. Лесницкой, М.А. Рожковой. – Москва : Статут, 2008. С. 5–25.

5. Шарипова А.Р. Прекращение дела судом в уголовном, арбитражном, гражданском и административном судопроизводстве: тенденции и случайности / А.Р. Шарипова // Юридический вестник Самарского университета. – 2020. – Т. 6, № 2. – С. 90–94.

References

1. Mikhailovsky I.V. Judicial Law as an Independent Legal Science. Saint Petersburg, 1908. 16 p.

2. Polyansky N.N., Strogovich M.S., Savitsky V.M., Melnikov A.A. Problems of Judicial Law. Moscow, 1983. 224 p.

3. Muradyan E.M. Judicial Law (in the Context of Three Procedural Codes). Moscow, 2003. 128 p.

4. Skitovich V.V. The Concept of Judicial Law: Experience of Critical Rethinking. In Lesnitskaya L.F., Rozhkova M.A. (eds.). Problematic Issues of Civil and Arbitration Processes. Moscow, Statut Publ., 2008, pp. 5–25.

5. Sharipova A.R. Termination of the Case by the Court in Criminal, Arbitration, Civil and Administrative Litigation: Trends and Accidents. *Juridicheskii vestnik Samarskogo universiteta = Juridical Journal of Samara University*, 2020, vol. 6, no. 2, pp. 90–94. (In Russian).

Информация об авторе

Шарипова Алия Рашитовна –
доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры уголовного
права и процесса Института права

Information about the Author

Sharipova Aliya Rashitovna –
Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Chair of Criminal Law
and Procedure, Institute of Law

Статья поступила в редакцию 22.04.2024; одобрена после рецензирования 16.05.2024; принята к публикации 16.05.2024.

The article was submitted 22.04.2024; approved after reviewing 16.05.2024; accepted for publication 16.05.2024.

**КРИМИНАЛИСТИКА, СУДЕБНО-ЭКСПЕРТНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ,
ОПЕРАТИВНО-РАЗЫСКНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ**

**CRIMINALISTICS; FORENSIC EXPERT ACTIVITY;
OPERATIONAL INVESTIGATIONS**

Научная статья

УДК 343.98

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.15

Акиев Арби Русланович

Санкт-Петербургский университет МВД России, Санкт-Петербург, Россия,
Melhi530@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6540-9606>

**КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЕ ПРОГНОЗИРОВАНИЕ ПРЕСТУПЛЕНИЙ
ПРОТИВ СЕМЬИ И НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ
(ЗНАЧЕНИЕ, ЗАДАЧИ, СУБЪЕКТЫ)**

Аннотация. Статистические данные последних лет о количестве преступлений, совершенных против семьи и несовершеннолетних, указывают на необходимость совершенствования работы правоохранительной системы по предотвращению данных посягательств. Принимаемые превентивные меры показывают свою малую эффективность и свидетельствуют о необходимости расширения инструментария борьбы с преступностью рассматриваемой группы, в том числе используя результаты криминалистических прогнозов (научных и практических (прикладных)). Автором определены научно-прогностические и практические (прикладные) задачи криминалистического прогнозирования преступлений против семьи и несовершеннолетних, а также субъекты научного и прикладного прогнозирования.

Ключевые слова: криминалистическая прогностика, криминалистическое прогнозирование, задачи прогнозирования, предупреждение, противодействие преступлениям, субъекты прогнозирования, защита интересов семьи и несовершеннолетних

Для цитирования: Акиев А.Р. Криминалистическое прогнозирование преступлений против семьи и несовершеннолетних (значение, задачи, субъекты) / А.Р. Акиев. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.15 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 141–149.

Original article

Akiev Arbi Ruslanovich

St. Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, St. Petersburg, Russia, Melhi530@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0001-6540-9606>

FORENSICS OF CRIMES AGAINST THE FAMILY AND MINORS (MEANING, OBJECTIVE, SUBJECTS)

Abstract. Recent statistics on the number of crimes committed against the family and minors point to the need to improve the work of the law enforcement system to prevent such attacks. The preventive measures show little effectiveness and indicate the need to expand the crime control tools of the group in question, including using the results of forensic forecasts (scientific and practical (applied)). The author identifies scientific-predictive and practical (applied) tasks of forensic forecasting of crimes against the family and minors, as well as subjects of scientific and applied forecasting.

Keywords: forensic prognostics, forensic forecasting, forecasting tasks, prevention, crime prevention, subjects of forecasting, protection of families and minors interests

For citation: Akiev A.R. Forensics of Crimes against the Family and Minors (Meaning, Objective, Subjects). *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta = Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2, pp. 141–149. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.15.

Провозглашенное в Конституции РФ положение о необходимости поддержки и защиты семьи, материнства и детства реализуется через отраслевое законодательство: семейное, гражданское, жилищное, трудовое и др., которое направлено на обеспечение функционирования и придание стабильности семейным отношениям. Непосредственная охрана интересов семьи и ее членов от общественно опасных посягательств, могущих причинить ей существенный вред, обеспечивается уголовным законодательством, без которого защита интересов данного института не может быть признана полноценной. Несмотря на наличие уголовно-правовых запретов, призванных выполнять в том числе и превентивную функцию, количество преступлений против семьи и несовершеннолетних остается достаточно высоким.

Согласно данным официальной статистики МВД РФ в 2020 г. было совершено 47 503 преступлений, предусмотренных гл. 20 УК РФ, в 2021 г. —

58 814, в 2022 г. – 59 093, а в 2023 г. – 57 621¹. При этом следует оговориться, что к преступлениям против семьи и несовершеннолетних, исходя из личности жертвы [1, с. 69], следует относить и составы из других глав УК РФ, где потерпевшим является несовершеннолетний либо затрагиваются интересы иных членов семьи. Отдельно следует выделить сведения о количестве преступных посягательств, совершенных именно в отношении несовершеннолетних: в 2020 г. было совершено 90 374 таких преступлений, в 2021 г. – 103 335, почти столько же в 2022 г. – 103 185, в 2023 г. – 98 833². Кроме того, не следует забывать и о высокой латентности рассматриваемых деяний, что подтверждается исследованиями отдельных авторов [2; 3].

Приведенные статистические данные указывают на необходимость дальнейшего криминалистического изучения преступлений против семьи и несовершеннолетних, совершенствования системы расследования и, что немаловажно, предупреждения таких посягательств.

Для решения этих задач важную роль играет прогнозирование преступлений против семьи и несовершеннолетних, связанных с ними явлений и процессов, результаты которого могут быть положены в основу деятельности правоохранительных органов по противодействию преступности этого вида. Прогнозирование осуществляется с использованием методов различных уголовно-правовых наук (уголовного права, криминологии, криминалистики, оперативно-розыскной деятельности, судебной экспертологии), реализуется на научно-исследовательском и практическом (прикладном) уровнях в процессе правоохранительной деятельности.

Криминалистическое прогнозирование выступает элементом научной и практической (следственной, экспертной) криминалистической деятельности, направленной на обеспечение эффективности и результативности раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних. Инструментарий криминалистической прогностики позволяет предсказать изменения в структуре и механизме рассматриваемой преступной деятельности, появление новых способов совершения и сокрытия преступлений, иного поведения субъектов таких деяний и других связанных с ними лиц, предложить новые направления развития и совершенствования криминалистических средств и методов.

¹ Единые отчеты о преступности за 2020 г., 2021 г., 2022 г., 2023 г. [Электронный ресурс] // ГИАЦ МВД России. URL: https://мвд.рф/mvd/structure1/Centri/Glavnij_informacionno_analiticheskij_cen (дата обращения: 15.02.2024).

² Единая межведомственная информационно-статистическая система (ЕМИСС) «Число зарегистрированных преступлений, совершенных в отношении несовершеннолетних» [Электронный ресурс]. URL: <https://www.fedstat.ru/indicator/60899> (дата обращения: 15.02.2024).

Учитывая превентивный потенциал криминалистической прогностики, а также потребности практики в противодействии преступлениям против семьи и несовершеннолетних, все большее значение приобретают своевременная реализация системы методов криминалистического прогнозирования, а также уточнение ее задач и субъектов.

Основываясь на результатах ранее проведенных исследований [4, с. 48; 5, с. 187; 6, с. 245; 7, с. 13; 8, с. 12], а также на современных представлениях о сущности и структуре криминалистических задач [9, с. 24; 10; 11; 12; 13], можно сформировать систему прогностических задач на научном и практическом (прикладном) уровнях криминалистической деятельности, направленную на противодействие преступлениям против семьи и несовершеннолетних.

Научно-прогностические задачи можно конкретизировать следующим образом:

- совершенствование методов криминалистического прогнозирования преступлений против семьи и несовершеннолетних, цифровизация процессов решения прогностических задач (в перспективе – с использованием технологий искусственного интеллекта);

- прогнозирование появления новых объектов криминальных посягательств и особенностей преступлений рассматриваемой группы, трансформации этой преступной деятельности, ее криминальной технологизации и цифровизации, развития транснациональной составляющей такой преступной деятельности, осуществляемой на территории Российской Федерации или в отношении граждан России;

- использование научно-криминалистических прогнозов в целях перспективного познания и описания способов, субъектов, жертв преступной деятельности против семьи и несовершеннолетних, других элементов и закономерностей механизма совершения противоправных деяний и отображения в виде следов-последствий;

- разработка базовой прогностической методики расследования преступлений против семьи и несовершеннолетних, совершенствование на ее основе частных криминалистических методик расследования отдельных видов и подвидов таких деяний;

- разработка рекомендаций по прикладному криминалистическому прогнозированию в системе криминалистической деятельности по противодействию преступлениям против семьи и несовершеннолетних;

- формирование теоретико-криминалистических основ использования научно-криминалистических прогнозов в системе криминалистической профилактики (предупреждения) преступлений против семьи и несовершеннолетних.

Прикладные (практические) прогностические задачи характерны для криминалистической деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений (следственные, экспертные, оперативно-розыскные). Указанные задачи достаточно разнообразны и зависят от субъекта криминалистической деятельности, этапа предварительного расследования, уровня и характера сложившейся следственной ситуации и ряда других факторов.

Применительно к группе преступлений против семьи и несовершеннолетних прикладные прогностические задачи могут включать прогнозирование:

- возможности совершения новых преступных посягательств в отношении определенной семьи (ее членов), в том числе и несовершеннолетних, со стороны конкретных лиц, в определенном месте и (или) в определенное время, определенным способом, с использованием тех или иных средств и технологий передачи информации, физического или психологического воздействия (включая телекоммуникационные) и пр.;

- результатов отдельных следственных и других процессуальных действий, тактических операций, применения технико-криминалистических средств, тактических приемов и комбинаций, определение степени риска реализации принятых тактических решений по уголовному делу;

- вероятности поведения участников предварительного расследования и других лиц (как позитивного, так и негативного для достижения целей предварительного расследования), в том числе возникновения конфликтов между следователем и другими участниками предварительного расследования, попыток сокрытия следов преступлений (их носителей) и иного противодействия расследованию (например, уклонение от участия в расследовании, перемещение несовершеннолетнего потерпевшего или свидетеля в другой регион (другую страну), запугивание или подкуп потерпевших, свидетелей, экспертов, сотрудников правоохранительных органов, создание общественного ажиотажа в СМИ и т. д.), а также возможности нейтрализации такого противодействия криминалистическими средствами и методами;

- возможного поведения скрывающихся от правоохранительных органов преступников (отдельных членов преступных формирований), мест их вероятного появления (перемещения);

- возможного поведения не участвующих в расследовании членов семьи, семейных кланов, тейпов, диаспор, общин и пр., которое может иметь значение для достижения целей расследования или отдельных следственных действий по уголовным делам рассматриваемой категории.

Можно выделить следующие уровни субъектов решения научных и прикладных (практических) задач криминалистического прогнозирования, в

том числе в системе противодействия преступлениям против семьи и несовершеннолетних, в зависимости от вида прогнозирования:

- научный уровень – ученые-криминалисты, исследователи, образовательные организации СК РФ и МВД РФ, исследовательские организации (ВНИИ МВД России);

- практический уровень – субъекты деятельности по раскрытию, расследованию и предупреждению преступлений (следователь и дознаватель; также требуют дальнейшего исследования возможности прокурорского, судебного и экспертного прогнозирования в общей системе). Основная функция по прогнозированию в рамках решения отдельных тактических задач принадлежит лицу, проводящему предварительное расследование.

Подводя итог, следует отметить, что качественное и эффективное противодействие преступлениям против семьи и несовершеннолетних предполагает активизацию криминалистических прогностических исследований преступной деятельности указанных групп и видов, а также посткриминальной деятельности субъектов таких деяний, участников расследования и других лиц, способных повлиять на ход и результаты предварительного расследования по уголовным делам этой категории. Кроме того, перед криминалистикой стоят задачи своевременного совершенствования криминалистических средств, методов и технологий раскрытия, расследования и предупреждения преступлений против семьи и несовершеннолетних, разработки прогностических методик расследования преступлений рассматриваемой группы, формирования знаний и навыков в области криминалистического прогнозирования у следователей и других сотрудников правоохранительных органов.

Список источников

1. Акиев А.Р. Критерии классификации преступлений против семьи и несовершеннолетних в уголовно-правовой и криминалистической доктрине / А.Р. Акиев // Вестник Сибирского юридического института МВД России. – 2023. – № 3 (52). – С. 64–70.

2. Ханова З.Р. Латентный характер преступлений против семьи и несовершеннолетних / З.Р. Ханова // Евразийский юридический журнал. – 2016. – № 3. – С. 302–303.

3. Лухнева С.В. Латентность ненасильственных преступлений против половой неприкосновенности несовершеннолетних и пути ее преодоления / С.В. Лухнева, В.А. Келлер, Е.С. Красинская // Научный дайджест Восточно-Сибирского института МВД России. – 2022. – № 4 (18). – С. 133–138.

4. Горшенин Л.Г. Теория криминалистического прогнозирования : дис. ... д-ра юрид. наук / Л.Г. Горшенин. – Минск, 1994. – 330 с.

5. Махтаев Д.Ш. Основы теории криминалистического предупреждения преступлений : монография / Д.Ш. Махтаев ; науч. ред. А.С. Подшибякин. – Москва : Раритет, 2001. – 272 с.

6. Белкин Р.С. Криминалистика: проблемы, тенденции, перспективы. От теории – к практике / Р.С. Белкин. – Москва : Юридическая литература, 1988. – 302 с.

7. Грановский Г.Л. О криминалистическом прогнозировании / Г.Л. Грановский // Рефераты научных сообщений на теоретическом семинаре – криминалистических чтениях. – Москва, 1976. – Вып. 13. – 20 с.

8. Журавель В.А. Теория и методология криминалистического прогнозирования : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук / В.А. Журавель. – Харьков, 1999. – 40 с.

9. Головин А.Ю. Решение ситуационных задач предварительного расследования (теория, механизм, ошибки) / А.Ю. Головин, М.В. Баранов, Е.В. Головина. – Москва : Юрлитинформ, 2017. – 198 с.

10. Яблоков Н.П. Задачи криминалистики в свете сегодняшнего дня / Н.П. Яблоков // Правовое государство: теория и практика. – 2015. – № 2 (40). – С. 144–147.

11. Эксархопуло А.А. Учение о предмете криминалистики как теоретическая база для постановки ее актуальных задач / А.А. Эксархопуло // Библиотека криминалиста. – 2012. – № 3 (4). – С. 37–46.

12. Бессонов А.А. Искусственный интеллект как инструмент решения задач современной криминалистики / А.А. Бессонов // Социально-экономическое развитие и качество правовой среды : сборник докладов VIII Московского юридического форума (XIX Международная научно-практическая конференция), Москва, 8–10 апреля 2021 г. : в 5 ч. – Москва : МГЮА, 2021. – Ч. 4. – С. 112–115.

13. Сотников К.И. Задачи криминалистики в современной уголовно-правовой системе России / К.И. Сотников, Г.В. Парамонова // Новеллы права, экономики и управления 2020 : сборник научных трудов по материалам VI международной научно-практической конференции, Гатчина, 25–26 ноября 2020 г. – Гатчина : Государственный институт экономики, финансов, права и технологий, 2021. – Т. 1. – С. 394–399.

References

1. 1. Akiev A.R. Criteria for the Classification of Crimes against the Family and Minors in the Criminal Law and Criminalistic Doctrine. *Vestnik Sibirskogo yuridicheskogo instituta MVD Rossii = Vestnik of the East Siberian Institute of the*

Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation, 2023, no. 3 (52), pp. 64–70. (In Russian).

2. Khanova Z.R. Latent Offences against the Family and Minors. *Evrasijskij yuridicheskij zhurnal = Eurasian Law Journal*, 2016, no. 3, pp. 302–303. (In Russian).

3. Lukhneva S.V., Keller V.A., Krasinskaya E.S. Latency of Non-Violent Crimes against Sexual Integrity of Minors and Ways to Overcome It. *Nauchnyj dajdzhest Vostochno-Sibirskogo instituta MVD Rossii = Scientific Digest of the East-Siberian Institute of the Ministry of Internal Affairs of the Russian Federation*, 2022, no. 4 (18), pp. 133–138. (In Russian).

4. Gorshenin L.G. Theory of Forensic Forecasting. *Doct. Diss.* Minsk, 1994. 330 p.

5. Makhtaev D.Sh.; Podshibyakin A.S. (ed.). Fundamentals of the Theory of Forensic Crime Prevention. Moscow, Raritet Publ., 2001. 272 p.

6. Belkin R.S. Forensics: Problems, Trends, Prospects. From Theory to Practice. Moscow, Yuridicheskaya literatura Publ., 1988. 302 p.

7. Granovsky G.L. About Forensic Forecasting. *Abstracts of Scientific Reports at a Theoretical Seminar – Forensic Readings*. Moscow, 1976, iss. 13. 20 p.

8. Zhuravel V.A. Theory and Methodology of Forensic Forecasting. *Doct. Diss. Thesis*. Kharkov, 1999. 40 p.

9. Golovin A.Yu., Baranov M.V., Golovin E.V. Solving Situational Problems of Preliminary Investigation (Theory, Mechanism, Errors). Moscow, Yurlitinform Publ., 2017. 198 p.

10. Yablokov N.P. Tasks of Forensics in the Light of the Present Day. *Pravo-voe gosudarstvo: teoriya i praktika = The Rule-of-Law State: Theory and Practice*, 2015, no. 2 (40), pp. 144–147. (In Russian).

11. Exarchopulo A.A. The Doctrine about the Subject of Criminalistics as Theoretical Basis for Setting Its Actual Tasks. *Biblioteka kriminalista = Criminologist Library*, 2012, no. 3 (4), pp. 37–46. (In Russian).

12. Bessonov A.A. Artificial Intelligence as a Tool for Solving Problems of Modern Criminology. *Socio-Economic Development and Quality of the Legal Environment. Collection of Reports of the VIII Moscow Legal Forum (XIX International Scientific and Practical Conference)*, Moscow, April 8–10, 2021. Moscow, Moscow State Law Academy Publ., 2021, pt. 4, pp. 112–115. (In Russian).

13. Sotnikov K.I., Paramonova G.V. Tasks of Criminology in the Modern Criminal Legal System of Russia. *Novels of Law, Economics and Management 2020. Collection of Scientific Papers Based on the Materials of the VI International Scientific and Practical Conference, Gatchina, November 25–26, 2020*. Independent Educational Institution of Economics, Finance, Rights and Technologies Publ., 2021, vol. 1, pp. 394–399. (In Russian).

Информация об авторе**Information about the Author*****Акиев Арби Русланович –****кандидат юридических наук,
начальник кафедры криминалистики****Akiev Arbi Ruslanovich –****Candidate of Sciences (Law), Head
of the Chair of Criminalistics*

Статья поступила в редакцию 28.04.2024; одобрена после рецензирования 29.05.2024; принята к публикации 29.05.2024.

The article was submitted 28.04.2024; approved after reviewing 29.05.2024; accepted for publication 29.05.2024.

Научная статья

УДК 343.13: 343.98

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.16

Дударев Виталий Анатольевич

Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского,

Брянск, Россия, dudarev-vitalii@mail.ru,

<https://orcid.org/0000-0002-1886-8663>

ПРОВЕРКА ПОЛУЧЕННОЙ ИНФОРМАЦИИ ОТ НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ ПОСЛЕ ПРОВЕДЕНИЯ ИХ ДОПРОСА

Аннотация. Проблема верификации лжи всегда находилась в центре внимания ученых. Сегодня, как и раньше, при расследовании преступлений следователи сталкиваются и с проблемами при получении показаний от несовершеннолетних, и с проблемами их верификации. Цель работы: показать следователям, как после проведения допроса подростков проверять их показания с помощью доработанной нами методики оценки валидности утверждений. Методы: общенаучные (диалектический, структурный) и частнонаучные (социологический). Результаты: предложена методика валидности утверждений, получаемых от допрошенных несовершеннолетних, показавшая свою эффективность.

Ключевые слова: верификация детской лжи, несовершеннолетние, валидность, контент-анализ установленных критериев, правда, ложь

Для цитирования: Дударев В.А. Проверка полученной информации от несовершеннолетних после проведения их допроса / В.А. Дударев. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.16 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 150–159.

Dudarev Vitaly Anatolievich

Bryansk State Academician I.G. Petrovski University, Bryansk, Russia,
dudarev-vitalii@mail.ru, <https://orcid.org/0000-0002-1886-8663>

VERIFYING INFORMATION OBTAINED FROM MINORS AFTER QUESTIONING

Abstract. The problem of lie verification has always been in the centre of scientists' attention. Today, as in the past, investigators face both the problem of obtaining statements from minors and the problem of verifying them. The purpose of the work is to show the investigators how to check their testimony after interrogating adolescents with the help of our finalised methodology for assessing the validity of statements. Methods: general scientific (dialectical, structural) and particular scientific (sociological). Results: we proposed a methodology of statements validity obtained from interrogated minors that showed its effectiveness.

Keywords: child lie verification, minors, validity, content analysis of established criteria, truth, lies

For citation: Dudarev V.A. Verifying Information Obtained from Minors after Questioning. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2, pp. 150–159. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.16.

Введение. Допрос как следственное действие является не только средством получения информации, но и средством проверки ее правильности. Важно понимать, что полученные от подростков в ходе допроса данные еще не являются стопроцентным доказательством по делу, эти данные необходимо проверить. Показания несовершеннолетних проверяются путем анализа информации, которая получена от других участников расследования, а также путем проведения следственных и оперативно-розыскных мероприятий. Тщательный анализ полученной информации помогает следствию в обнаружении нестыковок в показаниях несовершеннолетнего, позволяет выявить причины и принять необходимые решения по их устранению.

Как правило, такая проверка может осуществляться путем производства допросов иных лиц, назначения судебных экспертиз и проведения других следственных действий [1; 2], так как полученная при допросе несовершеннолетних информация на веру принята быть не может, какой бы убедительной на первый взгляд она ни казалась.

Как отмечал Н.И. Порубов, проверка показаний усиливает убежденность следователя в правильности сделанных им выводов относительно достоверности их источника, относимости и значимости доказательства [3, с. 248].

Большую роль играет и оценка показаний, которая тесно связана с их проверкой, так как это единый процесс умственной деятельности следователя и суда по доказыванию и установлению обстоятельств дела. Однако оценка доказательств, как правильно отмечал И.М. Лузгин, производится не только для решения уголовно-процессуальных задач расследования, но и тактико-криминалистических: организации, планирования расследования, выбора тактических приемов производства следственных и судебных действий, взаимодействия с органами дознания, представителями общественности, использования научно-технических средств [4, с. 100].

Для того чтобы проверить полученные от несовершеннолетних показания, можно использовать методики, применяемые в психологии для выявления искренности или неискренности человека. А если речь идет о подростках, то им, в силу малого жизненного опыта, не хватает знаний и умений для хорошо продуманной лжи. Лжецам, которые пытаются правдиво лгать, трудно рассказывать о произошедшем событии, то есть они непоследовательны (перескакивают с одного на другое), не соблюдают хронологию. Лжецы стараются меньше упоминать детали преступления, чтобы не запутаться, ведь при повторном рассказе им будет трудно точно воспроизвести ранее данные показания [5].

Методика валидности утверждений. Психологией было разработано несколько методик для выявления искренности или неискренности человека. Одним из действенных способов, который сегодня хорошо себя зарекомендовал, является методика определения валидности¹ утверждений (ОВУ), разработанная в 50-е годы XX в. в Германии, для определения достоверности детских свидетельских показаний, полученных в ходе судебных разбирательств по вопросам сексуального насилия. Большой вклад в ее разработку внес Удо Ундойч [6, с. 104]. В настоящее время методика ОВУ наиболее актуальна для оценивания утверждений, полученных в устной форме от подростков.

В литературе отмечено, что воспоминания о том, что же произошло на самом деле, содержательно и качественно отличаются от вымышленных утверждений. В первую очередь это связано с тем, что очевидцам произошедшего сложно выдумывать мелкие детали вымышленного события [7, с. 76]. А если речь идет о подростках, то в силу небольшого жизненного опы-

¹ Валидность от англ. validate – объявлять действительным, подтверждать.

та они еще не могут выстраивать заведомо ложную линию поведения, где будет продуман каждый ложный шаг.

Методика ОВУ включает в себя три основных элемента: 1) структурированное интервью; 2) контент-анализ на основании установленных критериев (КАУК); 3) оценка результатов КАУК [8, с. 144].

Первый элемент данной методики – структурированное интервью (СИ) – любое организованное интервью, в котором темы, вопросы и порядок их использования определены заранее [9]. Если речь идет о допросе несовершеннолетнего потерпевшего, то здесь в рамках СИ следователь старается задавать ребенку (в связи с повышенной внушаемостью) как можно меньше вопросов, содержащих какую-либо информацию. При этом интервью стоит выстраивать таким образом, чтобы получить от подростка как можно больше информации, побуждая его к свободному описательному рассказу о произошедших событиях [10, с. 274].

Второй элемент методики ОВУ – КАУК. Целью его является оценка сообщения с точки зрения достоверности, а предметом – содержание текстовых массивов.

Нами был доработан второй элемент методики ОВУ – мы сократили количество критериев с 19 до 8, так как в большей своей части они дублируются. Также нами разработана таблица для ОВУ несовершеннолетних (см. табл. 1).

Анализ показаний по 8 критериям служит подтверждением того, что утверждения по каждому из перечисленных критериев повышают качество этих утверждений и доказывают гипотезу о том, что допрашиваемый подросток основывается на своем личном жизненном опыте, а не придумал все из головы.

Для того чтобы подтвердить или опровергнуть показания несовершеннолетнего проверяемого подростка, используется специальная шкала оценивания. Это третий элемент методики ОВУ – оценка результатов КАУК. Так, используется трехбалльная шкала оценивания: 0 присваивается тем утверждениям, в которых нет рассматриваемого критерия; 1 – тем, в которых такой критерий имеется; 2 – тем, в которых такой критерий имеет значительную выраженность (ярко, сильно выражен).

Оценка валидности утверждений (ОВУ)

Критерии анализа утверждений (с пояснениями)	Шкала оценки (оценивания)		
	0 – нет критерия	1 – есть критерий	2 – критерий сильно выражен
Логичность получаемой информации (рассказ подростка логичен, его элементы взаимосвязаны и не противоречат друг другу)			
Непоследовательное изложение информации (подросток не придерживается последовательного изложения событий, переходит от одного к другому, от первого к третьему и т. д.)			
Детализация произошедшего, уточняющие детализирующие подробности (если подросток реально наблюдал событие, то его рассказ должен содержать большое количество различных подробностей)			
Описание контактного взаимодействия между участниками конфликта (данный критерий соблюден, если участники конфликта контактно взаимодействовали между собой)			
Избыточные подробности (описание подростком деталей, не имеющих отношения к исследуемому событию)			
Психическое состояние подростка (подросток говорит о своих чувствах и переживаниях)			
Самостоятельное уточнение ранее полученной информации (подросток по своей инициативе вносит изменения в ранее сказанное, добавляет новую информацию)			
Недоверие подростка к сказанному ранее (подросток сомневается в истинности сказанного ранее)			

Проведенное научное исследование и его результаты. Остановимся на исследовании, которое мы провели. Оно заключалось в анкетировании практических работников (следователей/дознавателей) правоохранительных органов.

Для следователей была разработана специальная анкета (8 критериев и специальная трехуровневая шкала оценивания ответов). Были получены данные от 40 респондентов. Выборочно приводим полученные данные по некоторым критериям из нашей таблицы в виде диаграмм.

На рисунке 1 мы видим, что 70 % ответов респондентов приходится на второй уровень. Это большое процентное соотношение говорит о том, что в ходе допроса подростки логично излагали информацию о преступном событии. К тому же 17 % ответов приходится на третий уровень (то есть критерий логичности получаемой информации выражен еще сильнее).

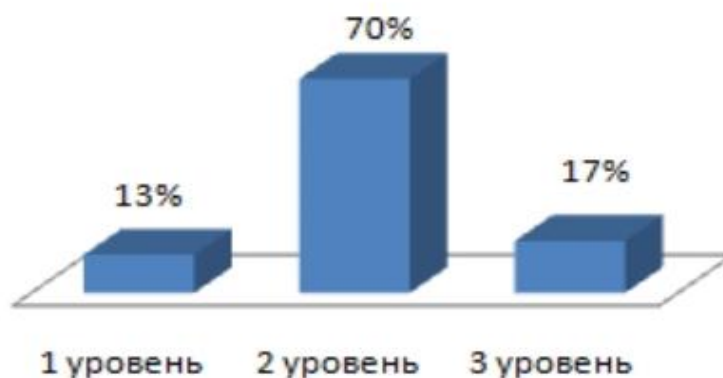

Рис. 1. Логичность получаемой информации

На рисунке 2 видно, что 45 % ответов второго уровня и 30 % ответов третьего уровня позволяют говорить о том, что дети достаточно подробно и точно уточняли, что с ними произошло в ходе преступного события.

Рис. 2. Детализация произошедшего

На рисунке 3 видно, что приоритет отдается первому уровню (65 %), это говорит о том, что несовершеннолетние в ходе допроса сами не часто уточняли свои показания. Они это делали лишь в 35 % случаев (второй и третий уровни соответственно).

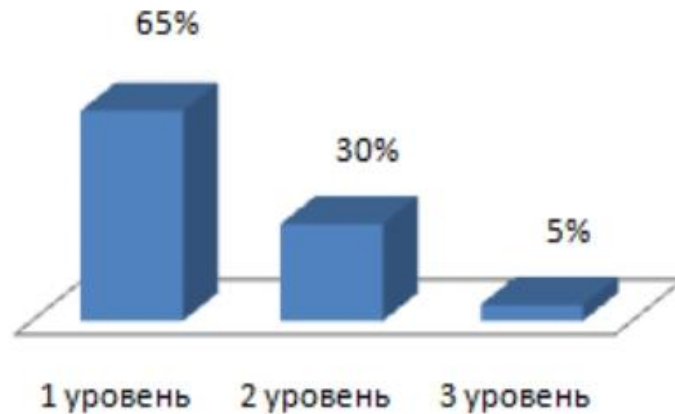

Рис. 3. Самостоятельное уточнение информации

На рисунке 4 видно, что несовершеннолетние часто не доверяли тому, что сами говорили (восьмой критерий) – 65 %, и это первый уровень, то есть их показания нельзя принимать на веру, их нужно проверять более детально.

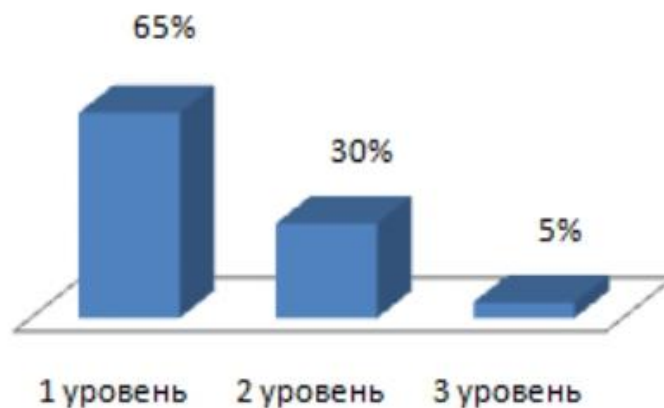

Рис. 4. Недоверие к сказанному

Исходя из результатов проведенного исследования, отметим, что методика ОВУнеплохо себя зарекомендовала. Основная нагрузка ответов пришлась на второй и третий уровни шкалы оценивания, то есть те, в которых проверяемые критерии наиболее ярко выражены, в отличие от первого уровня, что в итоге позволяет говорить о валидности полученных результатов.

Выводы. Проведенное исследование при участии работников правоохранительных органов (следователи/дознаватели) показало свою эффек-

тивность. В ходе исследования нами был введен такой критерий, как уровень для лучшего визуального восприятия полученной информации. Учитывая методику ОВУ, мы соединили уровни со шкалой оценивания, получив диаграммы с результатами.

В заключение для наглядности приводим итоговую таблицу с результатами по всем 8 критериям оценивания (см. табл. 2).

Таблица 2

Итоги оценки валидности утверждений (ОВУ)

Критерии анализа утверждений	Шкала оценки (оценивания)		
	0 – нет критерия	1 – есть критерий	2 – критерий сильно выражен
Логичность получаемой информации	13 %	70 %	17 %
Непоследовательное изложение информации	20 %	58 %	22 %
Детализация произошедшего, уточняющие детализирующие подробности	25 %	45 %	30 %
Описание контактного взаимодействия между участниками конфликта	5 %	67 %	28 %
Избыточные подробности	35 %	40 %	25 %
Психическое состояние подростка	15 %	65 %	20 %
Самостоятельное уточнение ранее полученной информации	65 %	30 %	5 %
Недоверие подростка к сказанному ранее	65 %	30 %	5 %

На приведенных диаграммах наглядно видно, на какие уровни оценивания приходятся 8 критериев утверждений. Следовательно при оценивании критериев всех 8 утверждений (начиная с логичности получаемой информации и заканчивая недоверием подростков к сказанному) предпочтение отдавали второму и третьему уровню оценивания, что говорит о валидности проведенного исследования.

Таким образом, работникам правоохранительных органов можно использовать методику ОВУ для проверки показаний несовершеннолетних в рамках проведения такого следственного действия, как допрос.

Список источников

1. Дударев В.А. Процессуально-тактические аспекты проведения проверки показаний на месте с участием несовершеннолетних подозреваемых (обвиняемых) / В.А. Дударев // Российский следователь. – 2021. – № 11. – С. 13–17.
2. Дударев В.А. Влияние цифровых технологий на проведение допроса несовершеннолетних: проблемные вопросы / В.А. Дударев // Высокотехнологичное право: современные вызовы : материалы IV Международной межвузовской научно-практической конференции, Москва – Красноярск, 17–20 февраля 2023 г. – Красноярск : Красноярский государственный аграрный университет, 2023. – Ч. 1. – С. 112–119.
3. Порубов Н.И. Допрос: процессуальные и криминалистические аспекты : монография / Н.И. Порубов, А.Н. Порубов. – Москва : Юрлитинформ, 2013. – 304 с.
4. Лузгин И.М. Сущность и методы оценки доказательств / И.М. Лузгин // Советское государство и право. – 1971. – № 1. – С. 98–106.
5. Бертовский Л.В. Перспективы направления криминалистических исследований / Л.В. Бертовский // Публичное и частное право. – 2018. – № 2 (38). – С. 204–215.
6. Ундойч У. Разработка положения анализа реальности. – Нью-Йорк, 1989. – С. 101–119.
7. Бертовский Л.В. Технологии криминалистического распознавания фикций речевой природы / Л.В. Бертовский // Вестник Российской таможенной академии. – 2017. – № 4 (41). – С. 69–77.
8. Фрай О. Ложь. Три способа выявления. Как читать мысли лжеца, как обмануть детектор лжи / О. Фрай. – Санкт-Петербург : Прайм-ЕВРОЗНАК, 2006. – 284 с.
9. Ronald P. Field Test of the Cognitive Interview: Enhancing the Recollection of Actual Victims and Witnesses of Crime / P. Ronald, R. Fisher, E. Geiselman, M. Amador // Journal of Applied Psychology. – 1989. – Vol. 74, № 5. – P. 722–727.
10. Бертовский Л.В. Допрос: тактика и технологии / Л.В. Бертовский. – Москва : Экзамен, 2015. – 304 с.

References

1. Dudarev V.A. Procedural and Tactical Aspects of Verification of Testimony at the Scene with the Participation of Minor Suspects (Accused). *Rossiiskij sledovatel' = Russian Investigator*, 2021, no. 11, pp. 13–17. (In Russian).

2. Dudarev V.A. The Influence of Digital Technologies on the Minors Interrogation: Problematic Issues. *High-Tech Law: Modern Challenges. Materials of the IV International Interuniversity Scientific and Practical Conference, Moscow – Krasnoyarsk, February 17–20, 2023*. Krasnoyarsk State Agrarian University Publ., 2023, pt. 1, pp. 112–119. (In Russian).
3. Porubov N.I., Porubov A.N. Interrogation: Procedural and Forensic Aspects. Moscow, Yurlitinform Publ., 2013. 304 p.
4. Luzgin I.M. The Essence and Methods of Assessing Evidence. *Sovetskoe gosudarstvo i pravo = Soviet State and Law*, 1971, no. 1, pp. 98–106. (In Russian).
5. Bertovsky L.V. Prospects of Forensic Research. *Publichnoe i chastnoe pravo = Public and Private Law*, 2018, no. 2 (38), pp. 204–215. (In Russian).
6. Undeutsch U. Statement Reality Analysis. New York, 1989, pp. 101–119. (In Russian).
7. Bertovsky L.V. Technologies for Forensic Recognition of Speech Nature Fictions. *Vestnik Rossijskoj tamozhennoj akademii = Bulletin of the Russian Customs Academy*, 2017, no. 4 (41), pp. 69–77. (In Russian).
8. Fry O. Lies. Three Detection Methods. How to Read a Liar's Thoughts, How to Deceive a Lie Detector. Saint Petersburg, Prime-EVROZNAK Publ., 2006. 284 p.
9. Ronald P., Fisher R., Geiselman E., Amador M. Field Test of the Cognitive Interview: Enhancing the Recollection of Actual Victims and Witnesses of Crime. *Journal of Applied Psychology*, 1989, vol. 74, no. 5, pp. 722–727.
10. Bertovsky L.V. Interrogation: Tactics and Technologies. Moscow, Ekzamen Publ., 2015. 304 p.

Информация об авторе

Дударев Виталий Анатольевич –
старший преподаватель кафедры
уголовно-правовых дисциплин

Information about the Author

Dudarev Vitaly Anatolievich –
Senior Lecturer, Chair of Criminal Law
Disciplines

Статья поступила в редакцию 15.03.2024; одобрена после рецензирования 16.04.2024; принята к публикации 16.04.2024.

The article was submitted 15.03.2024; approved after reviewing 16.04.2024; accepted for publication 16.04.2024.

Научная статья

УДК 343.9

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.17

Кисленко Сергей Леонидович

Московский государственный юридический университет

им. О.Е. Кутафина (МГЮА), Москва, Россия, ser-kislenko@yandex.ru

**ОСНОВЫ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОЙ МЕТОДИКИ
РАССЛЕДОВАНИЯ НАСИЛЬСТВЕННЫХ ДЕЙСТВИЙ
СЕКСУАЛЬНОГО ХАРАКТЕРА В ОТНОШЕНИИ
НЕСОВЕРШЕННОЛЕТНИХ**

Аннотация. Статистика преступлений, совершенных в отношении детей, свидетельствует, что их подавляющую часть составляют преступления против половой неприкосновенности и половой свободы личности. Такие деяния бросают вызов нормальному функционированию современного общества, поскольку российское государство исходит из необходимости создания безопасных условий для реализации прав и законных интересов ребенка, подготовки детей к полноценной жизни в обществе, защиты детей от факторов, негативно влияющих на их физическое, интеллектуальное, психическое, духовное и нравственное развитие. Сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних – наиболее опасное из половых преступлений. В связи с этим криминалистическая наука должна обеспечивать своими рекомендациями повышение эффективности расследования деяний данной категории. Немаловажная роль в этом отводится криминалистической методике, содержащей алгоритмы деятельности следователя в типичных ситуациях расследования.

Ключевые слова: криминалистическая методика, расследование преступлений, несовершеннолетние, насильственные действия сексуального характера, личность преступника

Для цитирования: Кисленко С.Л. Основы криминалистической методики расследования насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних / С.Л. Кисленко. –DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.17 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 160–170.

Original article

Kislenko Sergey Leonidovich

O.E. Kutafin Moscow State Law University, Moscow, Russia,
ser-kislenko@yandex.ru

PRINCIPLES OF FORENSIC INVESTIGATION OF SEXUAL VIOLENCE AGAINST MINORS

Abstract. Statistics on crimes committed against children showed that the vast majority of them were crimes against sexual integrity and sexual freedom. Such acts challenge the normal functioning of modern society, since the Russian State proceeds from the need to create safe conditions for the realisation of children's rights and legitimate interests, to prepare children for a full life in society, and to protect children from factors adversely affecting their physical, intellectual, mental, spiritual and moral development. Sexual abuse of minors is the most dangerous sexual offence. In this regard, forensic science should provide its recommendations for improving the investigation of this category. An important role in this is given to the forensic methodology, which contains algorithms of the investigator's activity in typical situations of investigation.

Keywords: forensic methodology, crime investigation, minors, sexual assault, personality of criminal

For citation: Kislenko S.L. Principles of Forensic Investigation of Sexual Violence against Minors. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2, pp. 160–170. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.17.

В Стратегии комплексной безопасности детей в Российской Федерации на период до 2030 г., утвержденной Указом Президента РФ от 17 мая 2023 г. № 358, прямо указано на необходимость противодействия жестокому обращению с детьми, профилактики и пресечения преступлений в отношении детей, в том числе направленных против их половой неприкосновенности, обеспечения реабилитации пострадавших детей.

Сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних является наиболее опасным из половых преступлений по следующим причинам:

– сексуальное насилие, совершенное в отношении ребенка, причиняет ему особые психические страдания, стойкость и интенсивность которых может негативно отразиться на его дальнейшей судьбе (в частности, увеличивает риск суицидальных попыток у детей);

– сексуальное насилие оказывает негативное воздействие на психосексуальное развитие индивида (в том числе может обусловить расстройства сексуального предпочтения) и способно привести к изменению представлений о традиционных духовно-нравственных и семейных ценностях;

– большинство несовершеннолетних не способны оказать адекватное сопротивление насильнику ввиду ограниченных умственных и физических возможностей и (или) зависимого положения от него¹;

– преступления, уголовная ответственность за которые предусмотрена ч. 3, 4, 5 ст. 132 УК РФ, как правило, являются многоэпизодными (длительное время дети живут в страхе, ежедневно контактируя с преступником).

Элементами криминалистической характеристики являются: способ преступления, детерминирующий особенности механизма следообразования; данные о личности преступника; особенности свойств личности жертвы; обстановка, которая может оказать существенное влияние на выявление, раскрытие, расследование и профилактику данного вида преступлений.

Анализируя способ преступления, надо отметить, что категория «насильственные действия сексуального характера» является собирательным понятием, охватывающим не являющиеся изнасилованием разнообразные насильственные способы удовлетворения половой страсти. По отношению к объекту посягательства это могут быть насильственные мужеложство и лесбиянство. Под мужеложством как разновидностью гомосексуализма понимаются действия, направленные на достижение сексуального удовлетворения, реализуемые путем сношения мужчины с мужчиной; под лесбиянством – насильственное совершение женщиной в отношении другой женщины различных действий сексуального характера, направленных на удовлетворение сексуальных потребностей.

По способу реализации насильственные действия сексуального характера можно разделить на совершенные:

1) с использованием обмана, когда преступник заманивает незнакомого ребенка в место, где планирует совершить преступление (например, предлагает малолетнему покататься на машине или зайти в гости, чтобы вместе поиграть в компьютерные игры);

2) путем злоупотребления доверием после предварительного знакомства с несовершеннолетним в сети Интернет, в кафе или ином общественном месте (например, систематически используя порноматериалы, преступник убеждает подростка, что сексуальные действия взрослых по отношению к детям социально приемлемы);

¹ Согласно статистике каждое пятое преступление, ответственность за которое предусмотрена ст. 132 УК РФ, совершается членами семьи, а каждое десятое – родителями или законными представителями несовершеннолетнего.

3) когда преступник имеет возможность оставаться наедине с ребенком, который по разным причинам не может сообщить о совершаемом в отношении него сексуальном насилии (чаще всего так действуют родственники или вхожие в дом жертвы лица¹);

4) с использованием беспомощного состояния несовершеннолетнего² (в том числе путем склонения его к употреблению алкоголя или наркотических средств под предлогом получения новых ощущений либо доведения потерпевшего до состояния опьянения посредством принуждения к их принятию);

5) путем физического или психического насилия (в большинстве случаев насильники для подавления физического сопротивления не применяют какие-либо орудия (за исключением ситуаций, когда преступниками являются несовершеннолетние), чаще всего используются угрозы убийством жертвы или ее близких, распространения сведений о случившемся в социальных сетях и др.);

6) путем внезапного нападения (обычно насильники выслеживают свою жертву, однако для тех, кто совершает насильственные действия сексуального характера с особой жестокостью, это несвойственно³).

В литературе описана типология личности преступников, совершающих половые преступления против несовершеннолетних.

1. Насильники-родственники получают удовольствие, унижая детей, которые зависят от них (в большинстве случаев это дети сожителей, усыновленные и удочеренные дети) и не могут оказать сопротивление. Повышенная опасность данного типа преступников обусловлена тем, что совершаемые ими деяния подрывают значимость института семьи, отличаются высокой латентностью, имеют пролонгированный характер.

¹ Большинство таких преступников составляют лица, состоящие в незарегистрированных отношениях с одним из родителей потерпевшего ребенка (31 %), 18 % насильников являлись приемными родителями. Нередко подобные преступления совершают знакомые с потерпевшим лица (соседи, друзья родителей или иных родственников) – 11 % [1, с. 116].

² Согласно примечанию к ст. 131 УК РФ потерпевшие, не достигшие 12-летнего возраста, априори находятся в беспомощном состоянии, поскольку не могут понимать характер и значение совершаемых с ними действий.

³ Исключение может составлять десоциализированный тип преступников. Чаще всего рассматриваемые преступления совершаются лицами в состоянии алкогольного опьянения (66 %). В большинстве своем к данной категории относятся лица, которые ранее отбывали наказание за подобные деяния (около 67 % ранее судимых лиц привлекались к уголовной ответственности за аналогичные преступления).

2. Насильник-гедонист испытывает удовольствие от процесса насильственных действий. Как правило, это серийные преступники, нередко они удовлетворяют свои сексуальные потребности в извращенной форме.

3. Насильник-тиран. Преступления, совершаемые указанными лицами, сопровождаются чрезмерным насилием, в том числе нанесением жертве ранений. Акт сексуального насилия придает преступнику уверенность в себе, повышает самооценку. Указанные лица зачастую заранее готовят средства для оказания психического или физического воздействия на жертву [2].

Среди лиц, совершающих насильственные действия сексуального характера, более половины ранее были судимы за аналогичные преступления. В местах лишения свободы данный тип преступников часто подвергается унижению и жестокому обращению со стороны других осужденных, что обуславливает совершение ими преступлений с большим цинизмом и агрессией по отношению к жертве.

Половина всех насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних совершаются лицами, имеющими расстройства сексуального предпочтения, прежде всего в форме педофилии. Согласно Международной классификации болезней десятого пересмотра МКБ-10 (F65.4) это сексуальная тяга к детям (мальчикам, девочкам или к тем и другим), обычно препубертатного или раннего пубертатного возраста¹. Педофилия является психическим расстройством, которым страдают в основном мужчины (доля педофилов-женщин не превышает 1 %). Педофилы крайне редко применяют к жертвам физическое насилие, в отличие от лиц, страдающих иными формами парафилий, например, сексуальных садистов.

Часто рассматриваемые преступления совершаются подростками в группе, состав которой по половому признаку может быть смешанным. Как правило, подростками движут как физиологические потребности, так и социальные, связанные с самоутверждением в глазах сверстников. Последние детерминируют действия, направленные на психическое и физическое насилие в отношении жертвы (издевательство, глумление и пр.).

Действия, которые совершает насильник при подготовке, исполнении и сокрытии криминального события, неизбежно ведут к возникновению следов преступления. Наиболее важные материальные следы сохраняются, прежде всего, на теле жертвы (телесные повреждения), на одежде преступника и жертвы (следы-наслоения), на предметах окружающей обстановки (следы-отображения): волосы, пятна крови, слюны, спермы, волокна одежды, частицы грунта и растительности, следы рук, губ, зубов, обуви и транс-

¹ Препубертатный – от 7–8 до 12–14 лет; пубертатный период у мальчиков и девочек исчисляется по-разному, условно, находится в диапазоне 12–17 лет.

портных средств. Остаются и идеальные следы – образы, запечатлевшиеся в памяти жертвы, а также свидетелей произошедшего.

Уяснение механизма слеодообразования позволяет получить информацию о способе преступления и личности преступника (возраст, склонность к употреблению спиртного или наркотических средств, наличие психических аномалий и др.), а также характере его взаимоотношений с жертвой.

Что касается обстановки, то местом преступления чаще всего становятся квартиры, частные дома (что обусловлено местопребыванием детей), подвалы, чердаки, подъезды жилых домов или лифты. Около 20 % преступлений совершаются в общественных местах и зонах отдыха. Чаще всего насильники действуют в рабочие дни, преимущественно в дневное время, когда несовершеннолетние в меньшей степени подконтрольны работающим родителям, следовательно, более уязвимы [3, с. 12].

Потерпевшими от насильственных действий сексуального характера признаются все лица, не достигшие 18 лет: малолетние – те, кому меньше 14 лет, и лица от 14 до 18 лет – несовершеннолетние в узком смысле слова.

Чаще всего жертвами сексуального насилия становятся дети из неблагополучных семей. Среди потерпевших встречаются воспитанники детских домов обоих полов (чаще – девочки в возрасте 11–13 лет). Отдельную категорию составляют дети, страдающие недостатками умственного развития. Зачастую у них наблюдается повышенный интерес к вопросам половой жизни, не соответствующий возрастным стандартам, чем пользуются преступники.

Для жертв-подростков характерно раннее психосексуальное развитие. Некоторые конфликтны и склонны к аморальному поведению в социуме. Другие из-за отсутствия друзей и эмоционального контакта с родными стремятся обрести старшего товарища, покровителя, роль которого на первых порах умело играет преступник. Жертвами могут стать подростки мужского пола – изгои в среде сверстников, подвергающиеся сначала физическому насилию, а затем сопряженному с ним сексуальному. Опасаясь огласки, включая страх перед родителями, такие потерпевшие скрывают факты пролонгированного сексуального насилия [4, с. 176].

Отличительной особенностью причин совершения подобных преступлений несовершеннолетними в отношении своих сверстников являются поведенческие характеристики жертвы, поскольку несовершеннолетний преступник может субъективно воспринимать жертву как доступную цель для реализации своих сексуальных потребностей.

Среди несовершеннолетних (как правило, тех, кто старше по возрасту), вступающих в сексуальные отношения, встречаются лица, ориентирующиеся на возможность получения материальной и иной выгоды, в том числе путем шантажа.

По характеру взаимоотношений преступника и жертвы различают две основные ситуации, складывающиеся на первоначальном этапе расследования: насильник и потерпевший ранее были знакомы; преступление совершено неизвестным лицом.

Выбор направления расследования определяется качеством и количеством информации, содержащейся в заявлении несовершеннолетнего потерпевшего (либо иных лиц: законных представителей и др.) о преступном посягательстве и лице, его совершившем. В ходе допроса заявителей необходимо выяснить:

- место и обстоятельства совершения преступления, данные о жертве преступного посягательства, причины появления потерпевшего на месте преступления;

- характеристику действий сексуального характера (при совершении преступления группой лиц выясняется, в чем конкретно заключались действия каждого участника группы); кто совершал данные действия и с помощью каких средств; каково было содержание угроз, относились ли они к третьим лицам;

- состояние потерпевшего в момент совершения преступления, не была ли приведена жертва в состояние алкогольного или наркотического опьянения или иное беспомощное состояние, где и каким способом;

- какие последствия для жертвы повлекло преступление.

На первоначальном этапе расследования выдвигают и проверяют типовые следственные версии.

1. Насильственные действия сексуального характера в отношении заявителя действительно имели место: а) при обстоятельствах и лицом, на которые он указывает; б) при других обстоятельствах или другим лицом (лицами).

2. Преступления не было: а) заявитель добросовестно заблуждается относительно действий, совершенных в отношении него; б) имеет место оговор.

Особенность расследования рассматриваемой категории преступлений заключается в том, что, независимо от следственной ситуации ряд неотложных и первоначальных следственных действий и оперативно-розыскных мероприятий проводятся с участием несовершеннолетнего (если этому не препятствует его физическое или психическое состояние). В числе таковых допрос потерпевшего, выемка и осмотр его одежды, проведение судебно-медицинского освидетельствования, осмотр места происшествия, организация оперативно-розыскных мероприятий по выявлению и задержанию подозреваемых в совершении преступления.

При подготовке к допросу жертвы сексуального насилия следователю целесообразно обратиться за получением консультации к специалисту в области возрастной психологии и педагогики.

В юридической психологии выделяют следующие возрастные группы несовершеннолетних, характеристики которых напрямую влияют на выбор тактических приемов их допроса:

- малолетние дети до 7 лет, для которых характерно осознание признаков своей половой принадлежности, формирование самосознания;
- несовершеннолетние в возрасте 7–13 лет, характеризующиеся выбором половой роли, противопоставлением по половому признаку в группе, формированием характера;
- несовершеннолетние в возрасте 12–18 лет, характеризующиеся активизацией гормонального фона, эмансипацией от семьи, формированием личности, интересом к интимной жизни, реализацией полового влечения [5].

Отсутствие знаний о половых отношениях и большинстве общепринятых понятий и явлений, а также подавленное психоэмоциональное состояние детей в возрасте до 7 лет предопределяет необходимость в ходе их допроса использовать различные игровые технологии, способствующие установлению психологического контакта с ребенком и нейтрализации страха [6, с. 10]. Во избежание психического травмирования ребенка его допрос желательно проводить следователю того же пола.

При допросе малолетних и подростков старшего возраста, которые не жили половой жизнью, зачастую возникают сложности при установлении обстоятельств, связанных с половым актом или другими действиями сексуального характера. Формулируя вопросы, рекомендуется сосредоточить внимание на том, что потерпевшие чувствовали в области половых органов (например, боль, жжение), остались ли какие-либо следы на их теле (например, ссадины, царапины) и одежде (например, кровь, мокрые пятна). Также надо иметь в виду, что иногда дети проявляют повышенный интерес к половой жизни и поэтому в ходе допроса могут озвучивать свои фантазии.

Кроме того, при проведении допроса необходимо понять, осознает ли ребенок, что его сообщение о сексуальном насилии может привести к распаду семьи (если насилие совершено родителями, родственниками, иными близкими лицами), помещению его под опеку, лишению насильника свободы. Следователь должен тщательно продумывать связанные с этим вопросы, чтобы несовершеннолетний не утаил криминалистически значимую информацию.

При расследовании насильственных действий сексуального характера в отношении несовершеннолетних судебно-медицинское освидетельствование должно проводиться незамедлительно после получения сообщения о

преступлении, поскольку отсрочка его производства может повлечь утрату следов насилия. При освидетельствовании могут быть обнаружены царапины, ссадины на различных участках тела, кровоподтеки в нижней части бедер или на их внутренней поверхности, припухлость в области наружных половых органов, следы ногтей и зубов (укусы) и др.

Тактика осмотра места происшествия зависит от характера взаимоотношений насильника и жертвы, а также обстановки, где совершено преступление (квартира, автомашина, открытая местность и т. д.). Необходимо выявить, зафиксировать и изъять все следы, которые помогут установить личность преступника, способ и характер совершенных им действий, поведение потерпевшего. К таким следам обычно относятся: кровь, слюна, сперма, окурки, следы обуви, рук, запаховые следы, а также те следы с места происшествия, которые могли остаться на теле или одежде преступника (частицы растительности, почвы и др.). Кроме того, осмотр места происшествия необходим для проверки объективности показаний несовершеннолетнего о его действиях до, в момент и после произошедшего события.

Учитывая специфику рассматриваемого вида преступлений, перед следствием всегда встает вопрос о том, является ли сообщаемая несовершеннолетним информация результатом воспоминания о конкретных (локализованных во времени и пространстве) событиях или это ложные воспоминания либо и вовсе заведомая ложь, озвучиваемая под влиянием третьих лиц. Поэтому по делам данной категории всегда назначается судебно-психологическая экспертиза. Особую сложность представляет проведение исследования в отношении малолетних, поскольку формирование памяти в разном детском возрасте имеет свои особенности, влияющие на то, что и как будет рассказывать ребенок о произошедшем событии. Внимание эксперта должно быть направлено на решение вопроса о том, мог ли ребенок с имеющимися у него индивидуальными характеристиками при заданных условиях опроса (с учетом возможного воздействия со стороны третьих лиц) сообщить зафиксированные следователем сведения, не основываясь на реальном опыте.

Список источников

1. Брусенцева В.А. Криминалистическая характеристика личности преступника, совершающего преступления против половой неприкосновенности несовершеннолетних / В.А. Брусенцева, Н.А. Яковлев // Социально-политические науки. – 2017. – № 4. – С. 114–117.

2. Вакуленко Н.А. Характеристика преступника, совершающего сексуальное насилие в отношении несовершеннолетних / Н.А. Вакуленко, А.А. Брюхнов // Юрист-Правоведъ. – 2018. – № 3. – С. 52–58.

3. Милованова М.М. Методика расследования сексуальных преступлений, совершаемых в отношении малолетних детей : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / М.М. Милованова. – Москва, 2003. – 23 с.

4. Шляпникова О.В. Особенности криминологической характеристики и классификации преступников, совершающих сексуальные посягательства в отношении несовершеннолетних / О.В. Шляпникова, Н.М. Паршин // Вестник Саратовской государственной юридической академии. – 2013. – № 6. – С. 173–181.

5. Кудрявцев И.А. Пределы компетенции и предпосылки интеграции экспертов психологов с экспертами сексологами и наркологами при проведении комплексных экспертиз : методические рекомендации / И.А. Кудрявцев, М.В. Морозова, О.Ф. Савина. – Москва : ФГБУ «ГНЦССП им. В.П. Сербского» Минздравсоцразвития России, 2012. – 23 с.

6. Брусенцева О некоторых аспектах тактики допроса несовершеннолетних жертв половых преступлений / В.А. Брусенцева // Полицейская и следственная деятельность. – 2017. – № 2. – С. 7–13.

References

1. Brusentseva V.A., Yakovlev N.A. Forensic Characteristics of the Personality of a Criminal Who Commits Crimes against the Sexual Integrity of Minors. *Social'no-politicheskie nauki = Social and Political Sciences*, 2017, no. 4, pp. 114–117. (In Russian).

2. Vakulenko N.A., Bryukhnov A.A. Characteristics of a Criminal Who Commits Sexual Violence against Minors. *Jurist-Pravoved*, 2018, no. 3, pp. 52–58. (In Russian).

3. Milovanova M.M. Methodology for Investigating Sexual Crimes Committed against Young Children. *Cand. Diss. Thesis*. Moscow, 2003. 23 p.

4. Shlyapnikova O.V., Parshin N.M. Peculiarities of Criminological Characteristics, Personality Classification of Criminals committing Sexual Harassment against Minors. *Vestnik Saratovskoj gosudarstvennoj yuridicheskoy akademii = Bulletin of the Saratov State Law Academy*, 2013, no. 6, pp. 173–181. (In Russian).

5. Kudryavtsev I.A., Morozova M.V., Savina O.F. Limits of Competence and Prerequisites for the Integration of Expert Psychologists with Sexologists and Narcologists When Conducting Complex Examinations. Moscow, 2012. 23 p.

6. Brusentseva On Some Aspects of Interrogation Tactics of Minor Victims of Sexual Crimes. *Policejskaya i sledstvennaya deyatel'nost'* = *Police and investigative activities*, 2017, no. 2, pp. 7–13. (In Russian).

Информация об авторе

Кисленко Сергей Леонидович –
доктор юридических наук, доцент
кафедры криминалистики

Information about the Author

Kislenko Sergey Leonidovich –
Doctor of Law, Associate Professor of
the Chair of Criminalistics

Статья поступила в редакцию 11.05.2024; одобрена после рецензирования 20.05.2024; принята к публикации 20.05.2024.

The article was submitted 11.05.2024; approved after reviewing 20.05.2024; accepted for publication 20.05.2024.

Научная статья

УДК 343.988

DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.18

Попова Елена Ильинична

Уфимский университет науки и технологий, Уфа, Россия,

popovaelena03@yandex.ru

КОНЦЕПЦИЯ КРИМИНАЛИСТИЧЕСКОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ПРАВ ПОТЕРПЕВШИХ – ВАЖНОЕ НАПРАВЛЕНИЕ РАЗВИТИЯ НАУКИ

Аннотация. Автор обращает внимание на показатели количества лиц, потерпевших от преступлений. Отмечается, что высока вероятность того, что любой из жителей нашей страны может стать жертвой преступных посягательств более одного раза в жизни. Обозначается, что потерпевший наделен весьма существенным комплексом разнообразных прав, а сотрудники правоохранительных органов и судьи – действенным механизмом их защиты. Констатируется недостаточная защищенность прав и законных интересов потерпевших – участников уголовного судопроизводства. Предлагается обратить внимание на необходимость формирования концепции криминалистического обеспечения прав потерпевших, обозначается авторское видение ее структуры и перспектив развития. Резюмируется, что развитие теоретических знаний в рамках названной концепции обогатит науку криминалистику, а внедрение соответствующих прикладных рекомендаций будет способствовать реальному обеспечению прав и законных интересов потерпевших, в том числе за счет обеспечения уровня их вовлеченности и активности в уголовном процессе.

Ключевые слова: потерпевший, наука криминалистика, перспективы развития криминалистики, концепция криминалистического обеспечения прав потерпевших

Для цитирования: Попова Е.И. Концепция криминалистического обеспечения прав потерпевших – важное направление развития науки / Е.И. Попова. – DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.18 // Вестник Института права Башкирского государственного университета. – 2024. – № 2. – С. 171–178.

Original article

Popova Elena Ilyinichna

Ufa University of Science and Technologies, Ufa, Russia,
popovaelena03@yandex.ru

THE CONCEPT OF VICTIMS' RIGHTS FORENSIC PROTECTION AS AN IMPORTANT AREA OF SCIENTIFIC DEVELOPMENT

Abstract. The author draws attention to the indicators relating to the number of people who are crime victims. It is noted that there is a high probability that any of the residents of our country can become a victim of criminal offences more than once in a lifetime. It is clear that the victim has a very significant set of rights, and that law enforcement officials and judges are effective mechanisms for their protection. The rights and legitimate interests of victims involved in criminal procedure are not sufficiently protected. It is proposed to pay attention to the need to develop the concept of victims' rights forensic protection and the author's vision of its structure and development prospects is outlined. It is summarised that the development of theoretical knowledge within the framework of the above concept will enrich the science of criminalistics, and the implementation of relevant applied recommendations will contribute to the real ensuring of the rights and legitimate interests of victims, including by ensuring the level of their involvement and activity in criminal procedure.

Keywords: victim, science of criminalistics, prospects for the development of criminalistics, concept of victims' rights forensic protection

For citation: Popova E.I. The Concept of Victims' Rights Forensic Protection as an Important Area of Scientific Development. *Vestnik Instituta prava Bashkirskogo gosudarstvennogo universiteta* = *Bulletin of the Institute of Law of the Bashkir State University*, 2024, no. 2, pp. 171–178. (In Russian). DOI 10.33184/vest-law-bsu-2024.22.18.

По данным Росстата, население России в 2023 г. составляло 146 447 424 человек. Ежегодно регистрируется в среднем около двух миллионов преступлений (в 2022 г. – 1 966 795, в 2021 г. – 2 004 404, в 2020 г. – 2 044 221, 2019 г. – 2 024 337, за 2018 г. – 1 991 532)¹. Это означает, что преступления совершаются в среднем в отношении практически каждого 73-го жителя нашей страны. Если учесть, что средняя продолжительность жизни

¹ Состояние преступности в 2018–2022 гг. [Электронный ресурс] // МВД РФ : сайт. URL: http://www.mvd.ru/presscenter/statistics/reports/show_177 (дата обращения: 31.03.2024).

россиян около 73 лет¹, то каждый житель России как минимум раз в жизни рискует стать потерпевшим от преступления. А принимая во внимание высокий процент латентных посягательств с признаками преступления, можно говорить о том, что любой из жителей нашей страны может стать их жертвой и более одного раза в своей жизни².

Не вдаваясь в оживленную дискуссию о фактической незащищенности потерпевших как участников уголовного судопроизводства, отметим, что эта проблема не нова. На протяжении длительного времени она привлекает внимание ученых – представителей различных наук – криминологии, уголовного процесса, уголовного права, криминалистики. Проводятся специальные исследования, направленные на выявление наиболее типичных нарушений прав потерпевших [1, с. 93–94; 2, с. 64; 3, с. 160; 4, с. 167–171]. В результате к настоящему времени накоплены интересные и дельные предложения, направленные на повышение эффективности обеспечения реальной защиты прав и законных интересов потерпевших. Однако следует признать, что соответствующие разработки практически не находят реального воплощения в правоприменительной деятельности. К сожалению, до сих пор актуально выражение о том, что потерпевший становится таковым неоднократно: первый раз – когда в отношении него совершается преступление, второй раз – когда он попадает в орбиту уголовного судопроизводства. Вероятно, понимая остроту сложившейся ситуации, глава государства также обратил на нее внимание и отметил ее как очень важную проблему. В тех случаях, когда человек сталкивается с преступными проявлениями и при этом «не чувствует защиты, он полагает, что государство его бросило или этого государства не существует»³.

Следует признать, что в настоящее время потерпевший наделен комплексом разнообразных прав, сотрудникам правоохранительных органов и судьям предоставлены действенные механизмы защиты прав потерпевших. Однако зачастую нормы закона попросту не реализуются или реализуются

¹ Средняя продолжительность жизни в России в 2023 г. превысила 73 года [Электронный ресурс]. URL: <https://xn--90aivcdt6dxbc.xn--p1ai/articles/news/> (дата обращения: 31.03.2024).

² Безусловно, не по каждому из совершаемых преступных посягательств есть потерпевший. К примеру, потерпевшие отсутствуют по уголовным делам о целом ряде преступлений, связанных с незаконным оборотом оружия, наркотиков. В то же время совершение, например, мошенничеств, дорожно-транспортных преступлений и др. предполагает наличие зачастую не одного, а множества лиц, пострадавших от незаконных действий. Таким образом, приведенные данные во многом справедливы.

³ Путин согласен с необходимостью совершенствования норм по защите интересов потерпевших [Электронный ресурс] // ТАСС : сайт. URL: <https://tass.ru/obschestvo/7315057> (дата обращения: 31.05.2024).

недостаточно эффективно. Одна из главных причин заключается в том, что как на досудебных, так и на судебных стадиях для профессиональных участников уголовного судопроизводства приоритетной задачей является, как бы там ни было, не первое из названных в ст. 6 УПК РФ целей, а лишь третья – уголовное преследование и назначение виновным справедливого наказания. Защита прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений (п. 1 ч. 1 ст. 6 УПК РФ), в реальной правоприменительной деятельности является преимущественно факультативным назначением уголовного судопроизводства. Это уже давно подмечено представителями научного сообщества. Так, В.И. Комиссаров, отмечает, что проблема участия потерпевшего в уголовном судопроизводстве и периодичность обращения внимания на ее отдельные аспекты со стороны государства и юристов не позволяют вести комплексную, целенаправленную борьбу с нарушением прав жертв преступления [5].

Убеждены, что можно и нужно решать обозначенную проблему с учетом достижений науки криминалистики и активного внедрения соответствующих научно обоснованных рекомендаций в практику сотрудников правоохранительных органов и суда. Необходимо изменять профессиональное мышление и, как следствие, деятельность этих субъектов в части защиты потерпевших. В этой связи справедливы рассуждения Д.В. Шарова: «Следователь и дознаватель должны позиционироваться вовне, а главное, внутренне ощущать себя не как обвинители обвиняемого, а как защитники потерпевшего, использующие функцию уголовного преследования как средство защиты его интересов. Должно прийти осознание того, что потерпевший является не просто источником доказательств, не досадной помехой расследованию, как это часто происходит сегодня, а, действительно, центральной фигурой уголовного судопроизводства, фигурой, ради удовлетворения потребностей которого это расследование, собственно, и производится. Понятно, что это процесс не быстрый, требующий длительного времени и, безусловно, политической воли, однако если мы хотим добиться реальной защиты законных интересов потерпевшего в уголовном процессе, то рано или поздно начинать его все равно придется. В противном случае потерпевший всегда будет находиться на второстепенных ролях, что не отвечает основному назначению уголовного судопроизводства и противоречит интересам подавляющего большинства граждан» [2, с. 65].

Систематизация имеющихся к настоящему времени научных разработок позволяет говорить о наличии теоретической основы для формирования концепции криминалистического обеспечения защиты прав потерпевших. Однако многие ее элементы требуют серьезного научного осмысления (дифференциации положений концепции на общую и особенную части, их

развитие, разработка терминологического аппарата и пр.). Данные разработки должны прежде всего обеспечивать баланс между интересами сторон обвинения и защиты. Они призваны:

а) стимулировать представителей обеих сторон, прежде всего следователя и прокурора, принимать все необходимые меры по соблюдению прав и законных интересов потерпевшего;

б) препятствовать заключению и реализации тех компромиссных процедур, «сделок» между сторонами, которые не учитывают в должной мере указанные права и законные интересы;

в) снабдить потерпевших и гражданских истцов, их представителей криминалистическими просветительскими рекомендациями по самостоятельной защите своих прав.

Полагаем, система знаний в рамках названной концепции может быть дифференцирована на общую и особенную части.

В общей части следует обозначить объект, предмет, цели, задачи, принципы формирования и реализации научно обоснованных рекомендаций, дать терминологический аппарат. При этом, памятуя о постулате, известном под названием «бритва Оккама», отметим, что «не следует множить сущее без необходимости» и раскрывать содержание тех или иных терминов только для того, чтобы «их раскрыть». Так, например, вполне можно воспользоваться ранее сформулированными, в том числе предложенными понятиями «потерпевший», «близкие лица», «близкие родственники», «тактические риски», «тактические приемы» и т. п. В общей части следует обозначить и субъектов – адресатов криминалистических рекомендаций.

В особенной части концепции криминалистического обеспечения прав потерпевших, полагаем, можно предусмотреть комплексы рекомендаций с учетом:

- категории преступлений;

- процессуального статуса участника уголовного судопроизводства.

Причем такие рекомендации целесообразно разрабатывать как для должностных лиц – следователя, дознавателя, прокурора, судьи и др., так и для самого потерпевшего, его законных представителей и представителей. Для последней группы лиц (в том числе для представителя потерпевшего – не юриста) соответствующие рекомендации должны доводиться в специально адаптированной, доступной для восприятия и последующей реализации форме;

- с учетом иных характеристик потерпевшего: физическое или юридическое лицо, лицо той или иной возрастной группы, состояние здоровья и пр.;

- стадии уголовного судопроизводства;

- формы расследования (предварительное следствие в «традиционной» форме и при заключении досудебного соглашения о сотрудничестве

(гл. 40.1 УПК РФ) или дознание в сокращенной форме (гл. 32.1 УПК РФ) и в общем порядке (гл. 32 УПК РФ)). Причем могут быть полезны комплексы рекомендаций по участию потерпевшего в отдельных следственных, иных процессуальных действиях;

- возможных ситуаций незаконного давления на потерпевшего, его близких, наличия угроз в отношении потерпевших юридических лиц;
- вероятной возможности участия в предварительном слушании;
- формы судебного разбирательства в суде первой инстанции (общий, особый порядок (гл. 40, 40.1, 32.1 УПК РФ), заочное судебное разбирательство, судебное разбирательство с участием присяжных заседателей);
- специфики исполнения судебного решения;
- необходимости участия потерпевшего на стадиях пересмотра судебных решений, вступивших и не вступивших в законную силу (в том числе у потерпевших могут быть востребованы комплексы рекомендаций по обжалованию судебных решений, взаимодействию с работниками прокуратуры и пр.).

В процессе развития знаний в рамках концепции криминалистического обеспечения прав потерпевших могут «выявиться» и другие важные направления формирования теоретических и прикладных разработок. Соответствующие комплексы знаний могут найти место и быть развиты в обоих завершающих научных разделах («Криминалистическая тактика» и «Криминалистическая методика»).

Убеждены, что развитие теоретических знаний обогатит науку криминалистику, а внедрение соответствующих прикладных рекомендаций (их комплексов и систем) будет способствовать реальному (а не номинальному, декларативному) обеспечению прав и законных интересов потерпевших, в том числе за счет обеспечения уровня их вовлеченности и активности в уголовном процессе.

Список источников

1. Володина Л.М. Проблемы возмещения вреда потерпевшему в уголовном судопроизводстве / Л.М. Володина // Возмещение вреда потерпевшему в уголовном судопроизводстве: организационные, правовые и криминалистические проблемы : сборник материалов международной научно-практической конференции : в 2 ч. – Москва : Академия управления МВД России, 2016. – Ч. 1. – С. 93–98.

2. Шаров Д.В. Защита законных интересов потерпевшего в уголовном судопроизводстве / Д.В. Шаров // Вестник экономической безопасности. Серия: Государство и право. Юридические науки. – 2016. – № 5. – С. 63–65.

3. Смахтин Е.В. Механизм защиты прав и законных интересов потерпевших криминалистическими средствами / Е.В. Смахтин // Lex Russica. – 2016. – № 10 (119). – С. 155–163.

4. Попова Е.И. О критериях существенности нарушений прав и законных интересов потерпевших / Е.И. Попова // Уголовная политика на современном этапе : материалы Международной научно-практической конференции, проходившей в рамках II Байкальского юридического форума. – Иркутск, 2021. – С. 167–171.

5. Комиссаров В.И. Потерпевший – центральная фигура уголовного судопроизводства / В.И. Комиссаров // Сибирские уголовно-процессуальные и криминалистические чтения. – Иркутск, 2010. – С. 5–13.

References

1. Volodina L.M. Problems of Compensation for Harm to the Victim in Criminal Proceedings. *Compensation for Harm to the Victim in Criminal Proceedings: Organizational, Legal and Forensic Problems. Collection of Materials from the International Scientific and Practical Conference*. Academy of Management of the Ministry of Internal Affairs of Russia Publ., 2016. Pt. 1, pp. 93–98. (In Russian).

2. Sharov D.V. Protection of the Legitimate Interests of the Victim in Criminal Proceedings. *Vestnik ekonomicheskoy bezopasnosti. Seriya: Gosudarstvo i pravo. Yuridicheskie nauki = Bulletin of Economic Security. Series: State and Law. Legal sciences*, 2016, no. 5, pp. 63–65. (In Russian).

3. Smakhtin E.V. Mechanism for Protecting the Rights and Legitimate Interests of Victims by Means of Forensic Tools. *Lex Russica*, 2016, no. 10 (119), pp. 155–163. (In Russian).

4. Popova E.I. On the Criteria for the Materiality of Violations of the Rights and Legitimate Interests of Victims. *Criminal Policy at the Present Stage. Materials of the International Scientific and Practical Conference, held within the framework of the II Baikal Legal Forum*. Irkutsk, 2021, pp. 167–171. (In Russian).

5. Komissarov V.I. The victim Is the Central Figure of Criminal Proceedings. *Siberian Criminal Process and Criminalistic Readings*. Irkutsk, 2010, pp. 5–13. (In Russian).

Попова Елена Ильинична –

*доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры криминалисти-
ки Института права*

Popova Elena Ilyinichna –

*Doctor of Law, Associate Professor,
Professor of the Chair of Criminalistics,
Institute of Law*

Статья поступила в редакцию 03.06.2024; одобрена после рецензирования 15.06.2024; принята к публикации 15.06.2024.

The article was submitted 03.06.2024; approved after reviewing 15.06.2024; accepted for publication 15.06.2024.